

761

На боевом посту **БП** 10'90

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК



Лев. фото: А. Солженицын. Журнал "Боевой пост", 1980, № 10. 1. Об. Индекс 72993. Цена 50 коп.

А. Солженицын: "...Я это пережил"

"Лесные братья". Кто они?

Интервью с доктором Н. Касьяном

Не от имени,
а во имя народа

Говорильня надоела,
беремся за дело

Мэр города
майор запаса
Валерий Тарасевич

**КАКАЯ
ОНА,
ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ?**



В нынешнем году девять военнослужащих одной части стали народными депутатами: восемь человек — местных Советов, а подполковник Александр Венедиктович Коровников — Российской Федерации.

Чем объясняется успех офицеров и прапорщиков у избирателей? На этот вопрос депутат майор Сенькин Станислав Геннадьевич ответил так:

— Военнослужащие нашей части давно уже пользуются доброй репутацией.



За нашу Советскую Родину!



**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК
МВД СССР**

10'90

Издается с 1958 г.

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

- В. В. АСТАШИН,
- В. В. БАРСУКОВ,
- Б. Р. БОРУКАЕВ,
- В. И. БУСЫГИН (ответственный секретарь),
- Ю. В. ДУРНЕВ,
- Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
- А. П. КОТЛЯРОВ,
- И. Т. КОЗЛОВ,
- В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
- Г. А. МАЛЮШКИН,
- Е. А. НЕЧАЕВ,
- Л. А. ПАНКРАТОВ,
- Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
- Ю. Л. РАЖЕВ (зам. главного редактора),
- А. С. СОКК,
- П. А. СТУДЕНИКИН,
- В. Н. УСКОВ (зам. главного редактора),
- В. А. ШОШИН.

1-я с. обложки:
фото Б. ПОПОВА,





Двое были депутатами горсовета и раньше и, видимо, зарекомендовали себя неплохо, раз их выбрали снова. Для моих земляков человек в погонах — это человек дела. От народного избранника требуется, чтобы дело делалось, а не оставалось в виде решений на бумаге. Один из наших соперников в своей программе записал: „Буду бороться за повышения благосостояния трудящихся города“. Но ему не поверили. Гладкими, обтекаемыми фразами народ сыт по горло. А вот если депутат помог оборудовать площадку для сушки белья, бездомных собак из дворов убрать, пацанов делом занять, тут уже люди видят — работает.

С этим мнением сослуживца согласен и майор запаса Валерий Петрович Тарасевич, которого горожане не только удостоили депутатского мандата, но и избрали своим взором. Он тоже считает, чем много обещать, лучше понемногу делать, делать и делать. И в своей практике Валерий Петрович избрал именно такую тактику. Если раньше исполком горсовета существовал лишь для



того, чтобы юридически оформить то или иное пожелание администрации предприятий, на которых работает население города, то теперь, как правило, инициатива исходит от самого горсовета. Однако конфликтов меж ними нет. Все заинтересованы в сотрудничестве. Администрация завода, например, готова выделить средства на создание муниципальной милиции для патрульно-постовой службы.

Впереди работы очень много, но военного человека работой не испугаешь. И чувства ответственности ему не занимать. Подполковник Коровников по этому поводу сказал:

— Власть нам доверил народ, не оправдать его доверия мы не имеем права. И использовать власть мы должны в интересах, (а не от имени!) людей на понятные и нужные им цели. А не так, как это нередко делалось раньше. Власть — не награда. Это возможность сделать больше других, возможность и обязанность.

Майор Б. БУЛГАКОВ.
Фото автора.



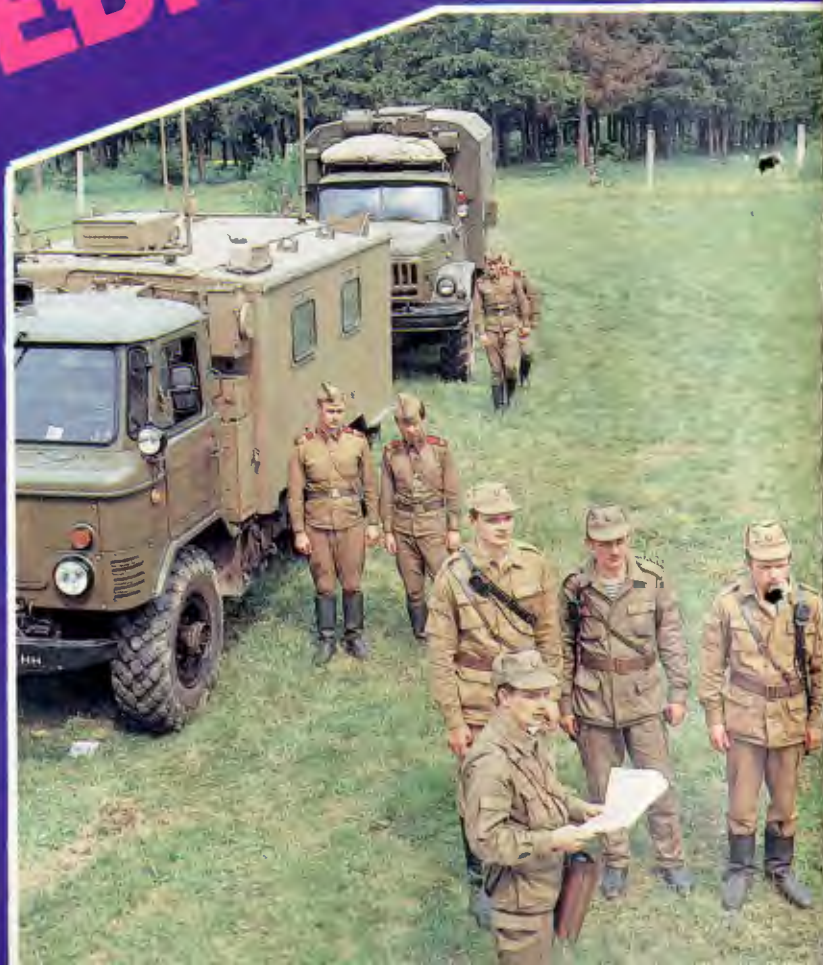


Связист — фигура заметная. Даже очень. Не трудно представить, что может произойти, если все — от часового до начальника войск — неожиданно лишится привычной возможности снять телефонную трубку или нажать тангенту. И это логично, связь — прежде всего управление, а армия без управления — ничто.

ФОТО
А. АЛЕКСАНДРОВА.

ХОЗЯЕВА ЭФИРА

Но для того, чтобы нити контактов, пронизывающие служебно-боевую деятельность войск, не рвались, нужно изрядно потрудиться. Вряд ли думаем мы об этом, когда крутим телефонный диск или передаем позывные в эфир. А вот майор А. Пасечник, командир подразделения (на нижнем снимке он слева), и радиотелеграфист рядовой Г. Гоман, которого вы видите на верхнем снимке, об этом не думать не могут, ибо они — связисты. И каждый из них в своем деле и на своем посту — первый, и каждый по праву осознает, что он — хозяин эфира.



264



КОГДА ПОВОРАЧИВАЕТ КАРАВАН...

Генерал-майор А. А. ХОДОВ,
начальник внутренних войск МВД СССР по Средней Азии и Казахстану, народный депутат Казахской ССР,
отвечает на вопросы нашего корреспондента Е. Артюхова

— Из всех делегатов, представлявших партийную организацию внутренних войск на XXVIII съезде КПСС, вы единственный, кто участвовал и в работе предыдущего. Чем стали прошедшие четыре с половиной года для коммуниста Александра Александровича Ходова?

— Сложно ответить коротко. В 86-м году я питал большие надежды на обновление самой партии, общества. Но то, что так круто изменится жизнь в плане дискредитации КПСС и практически отсутствия серьезной борьбы за сохранение ее авторитета, конечно же, не предполагал. Удивительно, что большинство делегатов — руководители крупных парторганизаций, в том числе областных, краевых, республиканских — хоть и говорили тогда с трибуны о решимости укреплять партийные позиции, но по сути дела без борьбы сдали их. Видимо, они по старинке полагали, что и дальше продержатся на должностном авторитете, не замечали изменений, происходивших в окружающих людях. Критику в свой адрес воспринимали как посягательство на авторитет КПСС, инкомислия не терпели. А «низы» тем временем искали выход из туяика. Я не сторонник неформалов, но не могу отказать многим из них в прозорливости: они смотрели зачастую дальше, чем мы.

— Александр Александрович, в этой связи ваше мнение относительно все громче раздающихся призывов к деполитизации армии, КГБ, наших войск.

— XXVIII съезд КПСС высказался по этому поводу четко и однозначно. Но ведь для противников армейских политорганов, парторганизаций съездовские резолюции — не указ. Вот почему в каждой конкретной ситуации нам надо хорошо разбираться, откуда дует ветер. Где конструктивная критика, в основе которой искренняя заинтересованность в повышении авторитета объединяющей и консолидирующей силы общества, какой является КПСС, а где — разрушающая, ведущая к расколу. Призывы к деполитизации звучат из того же ла-

герь, из которого все отчетливее слышны требования, чтобы КПСС «дала порулить» другим политическим силам.

— По всей вероятности, те же силы стремятся всякий раз представить внутренние войска эдаким конгломератом насилия, подбросить идею антинародности их действий!

— Меня возмущает позиция на этот счет некоторых ученых, писателей, деятелей искусства. Я всегда вспоминаю вопрос, заданный академику А. Д. Сахарову на пресс-конференции солдатом дивизии имени Дзержинского: «Чего хотите вы?»

Рано или поздно люди разберутся, с какими целями пытаются «друзья перестройки» вбить клин между армией, войсками и народом. Но если бы все были такими чуткими на политическую конъюнктуру, как тот солдат! А то ведь иные горячие головы и у нас в частях стали коситься на политорганы, посягать на политработников как на лишних людей. Начали подсчитывать, сколько квадратных метров служебных помещений высвобождается в частях при их сокращении. Шумят, а надо бы почаще вспоминать хорошую восточную поговорку: когда поворачивает караван, первым оказывается хромой верблюд.

— Насколько я понял, в Казахстане вопросы военной реформы не стали выносить на первую же сессию, как это было, например, в Узбекистане, где депутаты сразу направили целый пакет предложений правительству СССР!

— По Узбекистану я бы сказал особо. Мне приходится прилагать немало усилий, чтобы выдержать натиск некоторых его руководителей, МВД республики, давно заряженных идеей создания своих узбекских формирований. На одном из совещаний они прямо стали предлагать вывести части, расположенные за пределами республики, из состава такого-то соединения, а не принадлежащие ему, но дислоцированные здесь, ввести. Да и вообще зачастую проглядывает стремление «тянуть одеяло на

себя. Когда известные события происходили в Узбекистане, мы со всей страны стягивали туда подразделения для стабилизации обстановки. Но когда нечто подобное происходит в других регионах, сталкиваемся, мягко говоря, с непониманием. Словом, при каждой встрече с руководителями Узбекской ССР приходится напоминать, что у нас Управление войск по Средней Азии и Казахстану, что выполняемые задачи касаются в равной мере всех пяти республик.

А если смотреть глубже, то я противник территориального строительства армии, внутренних войск. Для пользы дела определенный процент коренного населения нужно оставлять для службы в родных краях. Но и только. Не должны забывать мы и о том, что армейская школа — это школа интернационального воспитания.

— Много ли наказов получили вы от своих избирателей и как выполняете их!

— Я признателен жителям Энбекши-Казахского района, поверивших мне и сразу отдавших за меня более 70 процентов голосов. Большинство прекрасно понимают роль внутренних войск в жизни страны и своей собственной судьбе. Ну а наказов много. Район сельский, запущенный. В ряде поселков нет даже воды, продают по 20 копеек ведро. Я помог подправить дороги. Причем местной техникой и с привлечением тамошних рабочих рук. За каждым ветераном Великой Отечественной закреплено теперь два-три солдата. Думаю, эту практику надо распространить на всю Среднюю Азию и Казахстан.

Во время выборов слышал я и такое, мол, генерал пройдет в республиканский Совет, и поминай как звали. Но я дал людям слово и помню о нем, хотя служба, конечно, есть служба. При первой же возможности отвечаю на письма, иду в трудовые коллективы, сельсоветы, исполкомы. Обращался с депутатскими запросами к заместителю председателя Совета Министров республики, председателю агропрома, министру водного хозяйства. О проблемах района состоялась у меня обстоятельная беседа с президентом республики, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Н. А. Назарбаевым.

— Напряженность в Закавказье, Средней Азии притягивает повышенное внимание общества. Одна кризисная ситуация меняет другую. Фергана, Новый Узень, Душанбе, Паркент, Андижан, Ош. Где выход! До какой поры наши войска будут пограничной стеной между сталкивающимися народами!

— Во время ошских событий я был во Фрунзе. Неформалы дали срок первому секретарю ЦК Компартии Киргизии для ухода в отставку. 10 июня он истекал. Несколько групп по 500—600 человек, в основном студенты и молодежь, говорились к выступлениям на центральной площади. Но с ними велась работа, и, надо сказать, что на этот раз обошлось без применения внутренних войск. Органы внутренних дел своими силами предотвратили беспорядки.

Я стоял на КП, вся картина развивавшихся событий была как на ладони. Здесь же, явно довольные, находились один из секретарей ЦК республиканской Компартии, председатель Совета Министров. Они благодарили меня за подготовку подразделений, говорили, что видят в войсках надежную опору. А я возьми да и спроси: «А что же дальше? Сегодня все обошлось, а завтра, послезавтра?»

Во многих возникших бедах, на мой взгляд, кроется крайне плохая работа руководства республик с населением, прежде всего с молодежью. Видимо, надо решительнее менять систему, сложившуюся в стране, когда не народ выбирает руководителя, а его в очередной раз назначают на руководящую должность. Надо консолидировать здоровые силы.

— Думаю, не только для меня, но и для большинства читателей острые межнациональные столкновения берут отсчет от событий декабря 1986 года в Алма-Ате. Я слышал рассказы офицеров, несших службу в те дни, которым плевали в лицо, кричали, чтобы они убирались домой, в Россию. Однако на XVII съезде Компартии Казахстана Н. А. Назарбаев подчеркнул, что алма-атинские события были совершенно не связаны с межнациональными вопросами.

— Да, но он подчеркнул и вот еще что: «Партийные руководители продемонстрировали полное нежелание прислушиваться к мнению людей. Наоборот, они всеми силами стремились обуздать идеологическим корсетом человеческие чувства, что неминуемо повлекло за собой взрыв страстей, нарушения правопорядка, бесчинства. И уж следом для идеологического камуфляжа была неумело разыграна карта «казахского национализма».

Конечно же, не для погромов вышли студенты на декабрьские улицы Алма-Аты, а чтобы высказать наболевшее, привлечь внимание сменявшегося руководства к условиям своей жизни: тесноте общежитий, отсутствию медицинского обслуживания, плохому питанию. Я встречался с одним из активистов, прямо задавал вопрос: «Почему свои проблемы сами не решали в институтских стенах? Оказывается, решали, но многое не решено и по сей день. Студенчество 86-го выразило протест на митинге. А вот в ходе его и была брошена фраза: «Почему на руководство республикой привезли чужого, Колбина?» Она была подхвачена. Но разве только казахи стояли в толпе? Там были и русские, и киргизы, и узбеки, и уйгуры, и немцы. Конечно, лица, отвечающие за социальные вопросы, должны были вступить в диалог с молодежью. Но они уповали на политику угроз, на силу войск. А что такое угрожать двадцатилетним? Молодежь спровоцировали, а потом на годы повесили ярлык «казахского национализма» на тот самый Казахстан, который именовали академией братства советских народов. Я пришел служить сюда в 87-м. Так что было время разобраться. Сегодня ярлык снят, но затаенная обида еще дает себя знать».

168

Генерал-майор А. И. КИРИЛЮК,
первый заместитель начальника Политуправления
внутренних войск МВД СССР

В ПОЛИТОРГАНАХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ПРОБИЛ ЧАС РЕФОРМ

— Анатолий Иванович, к нам поступает немало писем читателей с просьбой рассказать о том, как мыслится в войсках реорганизация политических органов и перестройка партийных структур. Что вы могли бы сказать по этому поводу?

— Суть реформирования политорганов внутренних войск — в перенормативации их из руководящих органов КПСС в конституционно-государственные органы военно-политического руководства. В связи с этим их функции меняются на военно-воспитательные с ярко выраженной направленностью на социальную защиту военнослужащих и членов их семей.

Военно-политические органы создаются Правительством СССР по представлению министра внутренних дел СССР. В соответствии со структурой войск они входят в состав органов военного управления. Мы предлагаем иметь их в тех же воинских формированиях, в которых до последнего времени существовали политорганы, в пределах имеющейся численности политсостава.

Начальник военного-политического органа будет пользоваться правами первого заместителя (заместителя) соответствующего командира (начальника) и вместе с ним нести ответственность за политико-моральное состояние личного состава, его готовность к выполнению воинского долга.

Остается добавить, что в своей деятельности военно-политические орга-

ны, кроме Конституции и законов страны, указов Президента СССР, постановлений Советского правительства, приказов и директив министра внутренних дел СССР, командующего внутренними войсками и начальника военно-политического управления, будут руководствоваться Положением о военно-политических органах в Вооруженных Силах СССР. Эта реорганизация должна пройти после утверждения последнего в сроки, установленные Президентом СССР.

Теперь о перестройке партийных структур. Она пойдет параллельно реформе политорганов в соответствии с требованиями Устава КПСС, принятого XXVIII съездом, по утверждению Инструкции ЦК КПСС «О работе партийных организаций в Вооруженных Силах СССР». Суть ее — в придании парторганизациям подлинной самостоятельности.

Мы предполагаем во всех звеньях — от первичной парторганизации до войскового партийного комитета — сохранить и ввести выборность руководящих партийных органов (комитетов, бюро) с правами и обязанностями, соответствующими общепартийным структурам, но, разумеется, с учетом своей войсковой специфики. Финансирование деятельности партийных органов и проводимых ими мероприятий будет осуществляться исключительно за счет партийного бюджета.

Говоря о парторганиза-

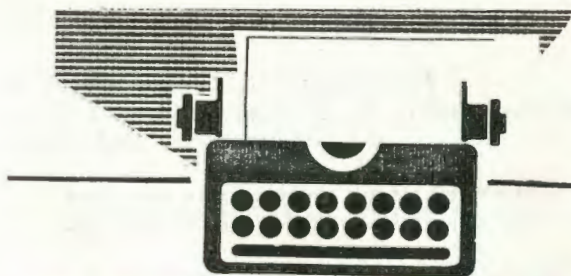
циях, не могу не отметить перемены в войсковом комсомоле. Руководство его работой теперь станет осуществляться через систему советов комсомольских организаций, которые будут избраны в частях, соединениях, объединениях, военных училищах. В роли координатора выступит войсковой совет комсомольских организаций. Финансирование комсомольских органов — аналогично партийным — за счет комсомольского бюджета.

— Анатолий Иванович, такая перестройка потребует, видимо, решения целого комплекса проблем?

— Да, и прежде всего пересмотра существующей системы назначения и утверждения кадров освобожденных партийных и комсомольских работников, порядка прохождения ими службы и присвоения очередных воинских званий.

Предстоит внести существенные коррективы в подготовку кадров политсостава, разработку планов и программ ВПУ имени 60-летия ВЛКСМ, факультета внутренних и пограничных войск ВПА имени В. И. Ленина, курсов переподготовки политсостава.

Все мы свидетели идущего в стране разграничения печати на партийные и советские издания. Журнал «На боевом посту» станет журналом не Политуправления, а внутренних войск МВД СССР; войсковые газеты — газетами соответствующих объединений, соединений, высших военно-учебных заведений.



ДЕПУТАТЫ В ПОГОНАХ

Сущность революции в обществе — борьба за власть. А поскольку мы живем в революционный период, то формула эта обретает реальное воплощение в передаче всей полноты власти Советам народных депутатов... Истины, кажется, простые, лежащие на самой поверхности, поддерживаемые вроде бы политическими течениями разных окрасок и оттенков, но... Советы пока властвуют теоретически. А без практических дел ни страна, ни каждый из нас не шагнет в день, где действительно все будет для человека, а не для идеализированных программных документов.

Знакомясь с предвыборными выступлениями многих войсковых кандидатов в народные депутаты, встречаясь с ними, обратил внимание, что буквально каждый из них обещал избирателям не щадить своих сил во имя обеспечения власти Советов. И вот теперь более девяносто военнослужащих внутренних войск стали депутатами. Причем тт. А. Коровников, В. Санин, С. Степашин, А. Ходов, А. Шамкеев — народными депутатами союзных республик, а тт. И. Валькив, Е. Гейхман, А. Жолудев, Ю. Марков, М. Пачиков, А. Сколяров, Г. Федоров — автономных республик. И, вопреки сомнительным утверждениям демагогов различного толка, в проблемах «гражданских» разбираются не хуже, чем в сугубо военных, и довольно компетентно решают их.

Мы вправе требовать от них отчитаться, как выполняются наши наказы, и прежде всего главнейший — о власти Советов. Мы вправе напомнить им, что на первый план выдвигаем не узковедомственные интересы, а те, которые непосредственно исходят из общечеловеческих, общенародных ценностей. Мы верим, что депутаты в погонах — это люди дела, что за каждое свое обеща-

ние, данное в предвыборной кампании, за каждый наказ избирателей они будут стоять до конца, не щадя своих сил и знаний. Верим, что избиратели — рабочие, крестьяне, интеллигенты — воочию убедятся в компетентности депутатов-военнослужащих, в их верности данному людям слову.

И, разумеется, мы напоминаем депутатам в погонах о своих наказах, связанных с проблемами личного состава войск. Помните, что немало военнослужащих, участвовавших в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и заболевших в результате этого, оказались забытыми и местной властью, и медиками, и некоторыми отцами-командирами. Что надо добиваться от руководителей самых высоких инстанций политических решений по международным конфликтам, по защите молодых воинов от пуль террористов и злобных пасквилей желтой прессы. Что семья тех военнослужащих, которые погибли при исполнении ратного долга, защищая интересы государства, по существу получают от этого государства мизерную материальную помощь. Что многие из нас не имеют нормальных бытовых условий. Что далеко не все наши боевые подруги могут найти себе работу. Что... Впрочем, депутаты-военнослужащие и сами хорошо знают наши проблемы и беды.

И мы верим, что они не только знают, но и будут упорно их разрешать.

И в заключение несколько слов о связи между избирателями и депутатами. Она видится нам постоянной, прочной, построенной на деловой почве: депутат выполняет наказы и регулярно отчитывается о своей работе, избиратели принимают его отчет и дают новые напутствия. Такие взаимоотношения — гарантия действенной работы депутатов в погонах.



ПРОБЛЕМА ТРЕБУЕТ РЕШЕНИЯ

ПОТЕРЯЛИ... ТРАДИЦИИ

Вряд ли найдутся во внутренних войсках такие, кто не знает или хотя бы не слышал о легендарном 132-м отдельном батальоне конвойных войск НКВД, участвовавшем в героической обороне Брестской крепости. На базе этого батальона был развернут впоследствии 251-й полк, вошедший в состав 42-й бригады войск НКВД. Оборона Москвы, охрана тыла действующих армий Западного и Белорусского фронтов, конвоирование пленных гитлеровцев — вот те задачи, которые решал полк в годы Великой Отечественной войны. А после ее окончания его воины вели борьбу с бандами националистов на территории Белоруссии. Позднее происходили неоднократные переформирования части, но преемственность традиций при этом сохранялась.

Годовой праздник части всегда отмечался, согласно приказу Народного комиссариата внутренних дел СССР, 8 ноября —

формирование 132-го отдельного батальона закончилось осенью 1939 года. Таким образом, в 1989-м должен был отмечаться полувековой юбилей.

Зная о предстоящем событии, мы написали воинам-однополчанам приветствие от имени совета ветеранов. Каково же было наше удивление, когда узнали, что часть переформирована в другую и для нее установлен свой «день рождения».

А как же боевые дела предшественников? Много ли воинских частей внутренних войск участвовало в обороне Брестской крепости? Одна, единственная! Можно ли забыть об этом? И как хранить воинам боевые традиции, которые фактически утрачены?

Хочется верить, что вопрос передачи боевого наследия прославленного 132-го одной из находящихся в боевом строю частей будет решен положительно.

И. ГОРОДКОВ, ветеран части.

НА ОСОБОМ КОНТРОЛЕ

ПРИДИРКИ И ГРУБОСТЬ

В начале года к нам прибыл новый командир роты капитан В. Кондратьев. Стиль его работы — запугивание, постоянные угрозы, рукоприкладство. Так, в День Победы (!) им был избит сержант Смирнов. До этого досталось за самовольную отлучку ефрейтору Омарову.

Солдаты наши работают на выездных объектах. От нас требуют, чтобы мы представляли подчиненных везти оттуда строительные материалы для ремонта. Я сказал, что толкать людей на воровство не

буду. Реакция командира роты на это — придирки, грубость.

Служу я уже двенадцатый год, но такого бардака, как в нашей роте, не видел. Не подумайте, что пишет вам стопроцентный уставник, и у меня недостатков хватает. Но я давно понял, что такими методами дисциплину можно только развалить, а не укрепить.

Прапорщик А. КОРЕНЬКОВ,
командир взвода.

ОТ РЕДАКЦИИ. Как сообщил нам полковник В. Еремин, приведенные в письме прапорщика А. Коренькова факты в ходе служебного расследования частично подтвердились. О неправомερных действиях капитана В. Кондратьева информирован военный прокурор гарнизона. Им вынесено офицеру прокурорское предупреждение. К Кондратьеву также приняты меры дисциплинарного и партийного воздействия.

«Я НЕНАВИЖУ ЭТУ СИСТЕМУ»

...До конца подписки мне осталось два года, но у меня нет ни желания, ни возможности дослужить. Я ненавижу эту систему. На этих погонах кровь невинных людей, которые не хуже меня и вас. Перестройка в армии невозможна. Видите, я не боюсь это писать — мне уже все равно терять нечего. А вы ведь чистые, старые, добрые бюрократы. Почему вы отвечаете на письма на заготовленных заранее отпечатанных бланках, а не можете ответить по-человечески, все объяснить. Не хватает смелости сказать правду?

Почему вы отсылаете письма, которые поступают к вам, обратно в части, откуда они поступили? Ведь там же ничего не решат, а люди попадают, если не под открытый удар, то уж под явное давление точно.

Я жалею, что потратил на эту работу лучшие годы жизни. Прошу вас, ответьте мне лично: где написано, что я обязательно должен отслужить срок подписки? Не верю, что коммунисты так глупы — доверять такую работу мне, человеку, который служит другим идеалам и идеям.

Прапорщик А. ПОЧТОВЕНКО.
Ордена Красной Звезды УВВ по Северо-Западу
и Прибалтике

ОТ РЕДАКЦИИ. В письме А. Почтовенко много серьезных обвинений. В том числе досталось, что называется, на орехи и нам, журналистам. Не в оправдание, а для ясности уточняем, что сотрудники отдела, работающие с письмами, без научной организации труда, без тех же «заранее отпечатанных бланков» просто физически не в состоянии реагировать на каждый сигнал: их приходит ежедневно десятки, и порой ответить «по-человечески» на все не хватает ни возможности, ни времени.

К слову; анализ поступающей к нам почты наводит на грустную мысль: кое-кто готов видеть в редакции журнала своего рода справочное бюро, а не орган, занимающийся изучением, формированием общественного мнения. Тот же А. Почтовенко недавно уже обращался в наш печатный орган — по несложному финансовому вопросу, который в состоянии решить командир части.

Что же касается повторного письма А. Почтовенко, то его мы направили в инстанцию, которая рассматривает вопросы призыва на военную службу и увольнения из войск прапорщиков.

«НЕ МОГУ БЫТЬ В СТОРОНЕ»

Прочитав приложение к журналу под названием «Внутренние войска: ответственность, мужество, надежность», решил обратиться к вам за помощью: мне хотелось бы служить в подразделении специального назначения внутренних войск. Обращался в УВД и военкомат — отказывают, так как нет набора. Срочную службу я проходил в Закавказье (увольнялся с должности заместителя командира взвода). До глубины души беспокоят меня события, происходящие в стране на почве межнациональной розни. И я не могу быть в стороне, когда льется людская кровь.

Сообщите, куда можно обратиться по этому вопросу. Существуют ли учебные подразделения для подготовки таких войск?

А. ДУЙСЕКЕЕВ.
Кокчетавская область.

Случайно попалось мне в руки приложение к журналу вашему — «Ситуация», в котором непредвзято рассказывается о январских событиях с. г. в Баку. Читал и невольно будто заново переживал то кошмарное время...

Большая просьба к вам — пишите о том, что в Закавказье произошло и происходит, только правду. Лишь правда может остудить наконец «горячие» головы и положить конец экстремизму и беззаконию.

В. МИРЗОЯНЦ.

* * *

Мы живем в Донецкой области, а сын служит во внутренних войсках в Туркмении. В последнее время так много и по радио, и в газетах всякого пишут о войсках... Ну и поехала сама посмотреть, как там мой Виталий. И честно скажу: успокоилась! Нет там в подразделении «дедовщины» никакой, никаких распри между солдатами, хотя разных национальностей ребята служат. Командирам за этот порядок большое спасибо — старшему лейтенанту Донцу Владимиру Ильичу, другим офицерам и прапорщикам.

С уважением
МУРАЛЬ Анна Яковлевна,
мать солдата.

* * *

Большую помощь офицерам М. Пачикову и М. Куватову в воспитании подчиненных оказывает совет ветеранов части. Активно участвуют в его работе фронтовики М. Сокоиков, Р. Рафиков, М. Кудрявцев, Г. Костяев, ветераны внутренних войск М. Поскребышев, М. Кушаков, А. Безумов и другие. Встречи с ними надолго остаются в памяти воинов.

Подполковник в отставке
А. СУПЛИН.

И ТАК БЫВАЕТ

1. ПОД ЗНАКОМ СКОРИНЫ

Воины подразделений, где служат офицеры-политработники В. Дриль, Н. Пожарицкий, В. Манкевич, приняли активное участие во Всесоюзном празднике славянской письменности и культуры. Эти торжества напрямую связаны с именами создателей славянской азбуки, великими просветителями, причисленными православной церковью к лику святых, — братьями Кириллом и Мефодием. Зародился праздник в Болгарии, более 130 лет назад. В нашей стране впервые состоялся в 1986 году в городе Мурманске. На этот раз он проходил под знаком Франциска Скорины — белорусского гуманиста, первопечатника.

Солдаты с буквами «ВВ» на погонах стали гостями выставки славянской графики. Познакомились с белорусской старинной живописью и древними книгами в Художественном музее БССР. Побывали на выставке музыкальных инструментов. Стали участниками заинтересованного разговора с писателем В. Распутиным, директором института славяноведения и балканистики Академии наук СССР Вл. Волковым, председателем Белорусского отделения Международного фонда славянской письменности и славянских культур поэтом С. Закошниковым.

Духовное приобщение к культуре народа республики, на территории которой воины выполняют свой ратный долг, способствовало расширению их кругозора, помогло глубже уяснить истоки национальной культуры, укрепить дружбу солдат и сержантов разных национальностей.

Подполковник Н. БИЛИН.

2. СЛУЖИМ, НЕ ВЕДАЯ ГДЕ...

Многие из нас, прослужив по году и более, ни разу не были в увольнении. Редкие счастливицы выбирались в город, да и то в основном благодаря приезду родителей.

Неоднократно сержанты, солдаты ставили этот больной для нас вопрос перед командиром подразделения, другими офицерами, однако толку мало.

Вот и получается, что о крае, в котором мы служим, по сути нам ничего неизвестно.

Сержант В. БОГАЧЕВ и др.
(всего 16 подписей)

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»



ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

«...ВЫ НЕ ИЗ НАШЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ»

В своем письме в редакцию военнослужащая И. Мячина и ее сослуживцы рассказали о том, как распределяются у них талоны на дефицитные товары,

Администрация объекта — она занимается этим вопросом — талонов военным не дает. Дескать, вы не из нашей организации.

«...В единственном поселковом магазине отовариваются все, кроме нас. Даже жены осужденных. Разве это справедливо!» — спрашивают авторы письма.

На запрос редакции полковник С. Заботин ответил, что в ходе проверки вышеизложенные факты подтвердились. Совместными усилиями администрацией объекта, командованием части вопрос решен положительно. При распределении дефицита для сотрудников учреждения будут учитываться и потребности военнослужащих и членов их семей.



ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

«ФОРМА НА ВЫРОСТ» (1990, № 8)

Как сообщил нам полковник Н. Сирик, изложенные в публикации факты подтвердились. За халатное отношение к исполнению своих обязанностей строго наказан начальник вещевого службы капитан А. Ткаченко. Указано на слабое руководство подчиненной службой заместителю командира части по тылу подполковнику А. Матвейкину. Вещевым имуществом нужных размеров прапорщики будут обеспечены в ближайшее время.

Хочется верить, что сбой в снабжении военнослужащих вещевым имуществом действительно произошел лишь по вине одного человека — капитана Ткаченко в результате халатного исполнения им функциональных обязанностей «по вопросу подготовки, подбора по ростам и размерам вещевого имущества». Надеемся, что к зиме старший лейтенант Р. Макаревич и его сослуживцы все-таки будут одеты и обуты по размерам и по росту.



Таран

Ливень, обрушившийся на таежный поселок, набирал силу. Казалось, не будет ему конца и края. Здешние дворняги, обычно голосистые в вечернее время, на этот раз молча взирали на разбушевавшуюся стихию.

Рокот мотора, раздавшийся вдруг, заставил рядового А. Сидикова вздрогнуть. Быстрый взгляд на часы добавил тревоги: бригада уже снята с работ, последний лесовоз с бревнами давным-давно выехал за пределы охраняемого объекта. Тогда что это? Мысли путались в голове.

Сквозь пелену дождя увидел неясные очертания трактора. «Т-55», подминая под себя жухлую траву, надвигался на ограждение. Побег! Сорвав с плеча автомат, прыгнул к проему окна. Не промахнуться бы! На последних стрельбах командир похвалил Абдурахмана за меткость. Но там была иная обстановка.

Короткая очередь прошла темноту вечера. По звону разбитого стекла воин понял: попал! Но трактор не остановился. Миновал КСП, он шел на таран. Очередь. Еще одна. Почти одновременно летит тревожное:

— Побег! Докладывает рядовой Сидиков. Побег! Повторяю...

Он снова стреляет. Теперь уже одиночными. Поселок взбудоражен выстрелами.

...Выждав, когда наряд контролеров скроется за складскими помещениями, осужденный Бабошкин толкнул дружка:

— Пошли.

Линченков, отбивавший срок за убийство, съежился:

— Может, не...

— Что, сдрейфил, паскуда, — зашипел Бабошкин, наступая на дружка. — Да я тебя сейчас... — Волосатые руки потянулись к горлу. — Да я тебя...

— Остынь! — отпрянул тот. — С тобой я. Как договорились. — Линченкова била нервная дрожь. — Пошто зверем на меня? Терять мне нечего, по самую завязку годиков навешали.

— То-то...

Побег, обговоренный во всех деталях, был задуман неделю назад. Еще раньше, находясь «на излечении» в санчасти ИТУ, Бабошкин и трижды бежавший из мест заключения Плечев по ночам вставали и кралась к крыльцу. Раздвигали в стороны доски и поочередно спускались в лаз, где наготове были лопаты, электрический фонарь и мешок для земли. Днем отсыпались, симулировали болезнь, а ночью... Но уйти преступникам через подкоп не удалось. Их замысел был сорван.

И все же мысль о побеге не оставляла Бабошкина. Он составил новый план, более дерзкий. На этот раз посвятил в него Линченкова. Выслушав дружка, тот покачал головой:

— Рисково.

— А ты что же, воробьем отсюда вылететь хочешь? Ради сладкой жизни, которая ждет там, можно и рискнуть.

И повторил рассказ о том, как, выбравшись из колонии, они на время затеряются в каком-нибудь городе, «лягут на дно», а потом вычислят преуспевающего кооператора или торговца и грабанут.

— А если они в милицию? — глотнул слюну Линченков.

— Пришьем, — спокойно ответил Бабошкин. — А монеты поровну. Махнем на юга, чтобы нервишкам основательный ремонт сделать. Ну и гульнем по-царски. От бабья отбоя не будет. Мужики мы с тобой что надо, при деньгах. Как пить дать клюнут.

Нарисованная картина убаюкивала, заставляла не думать об опасности. Преступники уже мысленно были там, на Южном берегу Крыма...

Для побега решили использовать трактор. После работ техника оставалась на объекте, иногда рядом с ограждением. Открыть кабину и завести мотор было для осужденных пустячным делом. Но в последний момент Бабошкин внес в план коррективы.

— Пуля — дура, — пояснил он. — Она и лежачего может зацепить. Поэтому делаем так: включим скорость, а сами за трактором спрячемся. С противоположной от поста стороны. Чем не прикрытие?

Линченков был в восторге:

— Ну и голова у тебя, Бабош!..

...Пятьдесят пять лошадиных сил мощной машины с силой ударили в основной забор. Проломив его, трактор двинулся дальше. В пролом метнулись две тени. Но вдруг «Т-55» застопорил, его круто развернуло: намотавшиеся на гусеницы спирали колючей проволоки лишили трактора хода.

— Все, хана, — запричитал вдруг Линченков. — Сейчас нас, как перепелок...

— Быстро к болоту! — Бабошкин рванул кореша за рукав. — И не скули. Прорвемся.

Гонимые страхом, преступники спотыкались, падали. Поднявшись, снова бежали туда, где в мареве дождя темнел лес.

...Услышав выстрелы, догуливавший отпущенный капитан Николай Мерзляков понял все. На ходу надевая плащ-накидку, поспешил к казарме. Дежурный по подразделению старший лейтенант Юрий Джалалян на вопросы командира роты отвечал кратко, зная, как дорога сейчас каждая секунда.

— В штаб сообщили?

— Позвонил сразу же.

— Резервная группа?

— Она уже там.

— Роту подняли?
— Так точно. Люди ждут ваших распоряжений.

Капитан Мерзляков комплектовал группы и отправлял в самые уязвимые места. То тут, то там слышались команды:

— Выставить заслон вдоль железной дороги.

— Взять под контроль все тропы...

О ЧП, случившемся в лесном подразделении, полковник М. Дуда узнал от дежурного. Оперативно действовал он в эти тревожные минуты.

— Немедленно в машину командира отделения СРС прапорщика Зинько и инструктора сержанта Коломийца. С собаками. Без задержки отсылайте их к железнодорожной станции. Без задержки. Поняли?

Командирский «уазик» мчался к железной дороге. По пути забирал спешивших в расположение части офицеров. Через несколько минут дрезина на всех парах летела к далекому лесному гарнизону, где разыгрались события...

Прибыв к месту происшествия, полковник Дуда взял организацию поиска на себя. Придерживая на поводке нетерпеливую Акбару, прапорщик Зинько ждал команды. Но вместо нее услышал:

— Надежда на тебя, Толя. Постарайся...

«Толя», прозвучавшее по-домашнему, совсем не по-уставному, теплом отозвалось в сердце. Командир отделения СРС дрогнувшим от волнения голосом произнес:

— Я постараюсь, товарищ полковник.

...Болото выросло перед беглецами внезапно, преградив путь к лесу.

— Надо обходить слева, — выдохнул Линченков. — Там тропа.

— Направо бежим, — возражал Бабошкин. — Я эти места знаю.

— Тогда нам не по дороге. — Преступник шагнул в темноту. — Прощай. Бог даст, увидимся.

— Пропадешь, дура! — Бабошкин зло выругался, но за дружкой не пошел.

Сначала взяли Линченкова. Услышав лай собаки и суровое «Стой, ни с мѣста!», тот понял, что это конец, что дорога к Черному морю была очень и очень короткой. Чуть длиннее оказалась она у главаря, которого спустя час обнаружил в лесу майор В. Рузаев. Операция по задержанию преступников, совершивших дерзкий побег из-под охраны, заняла в общей сложности около четырех часов. Воины, участвовавшие в ней, с честью выдержали трудный экзамен. Только к утру почувствовал сильную боль в правой ноге прапорщик Анатолий Зинько. Она распухла так, что пришлось разрезать сапог. Невероятную усталость испытывал сержант Валерий Коломиец. Нервное напряжение от первой минуты до последней не покидало майора В. Рузаева, рядового Есена Чарыева.

Оказались на высоте и четвероногие друзья — Акбара и Жельда. Правда, в приказ, изданный командиром, они не попали, но свои положенные кусочки сахара получили...

Старший прапорщик В. СЛОБОДЯНЮК.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

ЗА ОТВАГУ И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ,
ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ.

НАГРАЖДЕННЫ

орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

подполковник МАЛЬЦЕВ Владимир Александрович;

генерал-майор МАРКОВ Евгений Михайлович;

орденом «ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ
В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР»

III степени

генерал-майор ДОЛОБАНЬ Владимир Филиппович;

полковник ДРОНОВ Владимир Иванович;

орденом «ЗА ЛИЧНОЕ МУЖЕСТВО»
майор СТЕПАНОВ Сергей Алексеевич;
старший лейтенант УБОЛОВ Евгений Витальевич;

медалью «ЗА ОТВАГУ»

старший лейтенант ПАШКЕВИЧ Константин Васильевич;

подполковник ПЕТРОВ Анатолий Александрович;

медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»
майор БУРЧЕНКО Иван Владимирович;
капитан БУТОРИН Виктор Павлович.

ПРИСВОЕНО

ОЧЕРЕДНОЕ ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ
ДОСРОЧНО

подполковник

майору РЕТИВЦЕВУ Александру Сергеевичу;

майору СОКОЛОВСКОМУ Александру Кузьмичу;

майор

капитану ЖИТИХИНУ Сергею Владимировичу;

капитану ЖУКУ Александру Александровичу;

капитан

старшему лейтенанту ГАВРИЛОВИЧУ Юрию Александровичу;

старшему лейтенанту ГОЛОВИНУ Сергею Александровичу.



«20 января 1990 года в г. Баку в ночное время, находясь в составе войсковой оперативной группы части, выдвигался для рассредоточения бесчинствующей толпы экстремистов. Продвижение военнослужащих было встречено градом камней, металлических прутьев, бутылок с зажигательной смесью и огнем из огнестрельного оружия. Рядовой Кузьмин А. Ю. увидел, как с крыши жилого дома боевики открыли стрельбу из автоматического оружия по военнослужащим. Одновременно успел заметить, что командир отделения сержант Ильин А. И., отвлеченный действиями другой группы экстремистов, не видит возникшей опасности, угрожающей его жизни. В этой ситуации, не растерявшись, рискуя собой, рядовой Кузьмин А. Ю. оттолкнул своего командира в безопасное место, однако сам получил смертельное ранение в голову».

(Из наградного листа).

Указом Президента Союза Советских Социалистических Республик за отвагу и самоотверженность, проявленные при обеспечении охраны общественного порядка в сложных условиях,

рядовой КУЗЬМИН
Андрей Юрьевич
награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

«Подожди, Андрей, подожди...»

В «черном тюльпане» те, кто с заданьем Едут на Родину милую в землю залечь,
В отпуск бессрочный, рваные в клочья,
Им никогда, никогда не обнять
теплых плеч...

САДНЯЩИЙ незаживающей афганской раной хрип певца разносился над холодным вокзальным перроном, где сгрудились в последние прощальные минуты стригунки-призывники и провожающие их матери, отцы, братья, сестры, друзья-товарищи... «Главное, чтобы в роте земляков побольше было... В сержантскую тоже неплохо попасть — полгода попашешь, зато потом...» — внушали новобранцам парни постарше, отслужившие. «Слава богу, из Афгана этого черто-

ва выводят наших...» — вздыхали в слабом утешении матери.

«...Опять на душу класть тяжелый камень, Опять нести на Родину героев, Которым в двадцать лет могилы роют», — кричал, не унимаясь, бард, и рвал, и рвал струны...

«Здравствуй, Виктор Николаевич и вся твоя семья!»

Пишет тебе твой ученик Андрей. Как у тебя идут дела? У меня пока все хорошо. Попал я в дивизию им. Дзержинского, в парадный полк. 17 декабря принял присягу. Приезжали родители, навезли всякой всячины — был «день живота». А сейчас началась служба. Полк за неделю до моего прибытия улетел в Ереван, и мы сейчас готовимся к вылету, но в Баку. Все ждут

сигнала, 20-минутная готовность. Первый месяц службы пролетел для меня так быстро, что я сам еще не верю. Хорошо бы, чтобы остальные 23 месяца пролетели так же быстро. Не знаю, как будет дальше, но пока все хорошо. Постепенно ко всему привыкаю. Чем там дышит печка, как дела у бригады? Передавай всем огромный привет». (Из письма Андрея Кузьмина наставнику по бригаде В. Кругликову).

Парадный шаг чеканится в муках. Кровавые мозоли и соленый пот, команды настолько зычные и беспрекословно-грозные, что мороз по коже. «Тянуть носочек, подбородочек повыше, локотками друг дружку чувствуем...»—каждая жилочка в солдатских-ребятушках натянута, прямо дух захватывает. Сердца стучат под серыми шинелями в такт барабану...

Нет, не надумана старая солдатская поговорка «Красив в строю—силен в бою»—от жизни она. «Парадники» дивизии Дзержинского себя не только на Красной площади показывают. В самое пекло не раз бросали этих ребят—и Сумгаит повидали, и Фергану пережили... Сейчас сидят, устало вытянув ноги после очередной порции шагистики, кто перекуривает, кто машинально драит и без того ослепительную бляху белого парадного ремня, переговариваются:

— Мужики, а кому вообще эти парады нужны? Пашем, пашем и все ради каких-то минут.

«...Ездим на стрельбище — бегаем, ползаем, стреляем. Устнешь к концу дня, после команды «отбой» еще и голова до подушки не прикоснулась, а уже полный «вырубон».

(Из письма другу).

В споры о целесообразности парадов Андрей не вступает. У него на сей счет свое, фамильное, мнение, оно не для широкой публики, хранится в сокровенных тайниках души.

Дед Андрея, весьегонский колхозный бригадир Степан Алексеевич Кузьмин,—полный кавалер ордена Славы, участник парада Победы на Красной площади в июне 1945 года. Казалось бы, уникальная судьба у человека, геройский боевой путь. «А многие ли знают деда моего?—раздумывал Андрей.—Не канут ли в Лету его первый бой на границе 22 июня сорок первого года, его дерзкие вылазки за «языками» под Сандомир, его колхозное житье-бытье на тверской-калининской земле?» Пацаном еще Андрейка искренне гордился дедом. 9 Мая страсть как нра-

вилось ему идти с ним рука в руке, и чтоб все видели три звезды Славы на черно-оранжевых гвардейских лентах, и еще одну звезду—Красную, где красноармеец с винтовкой, и медали за освобождение Европы, по которой дед прошагал в своих солдатских кирзачах... Жаль, не дожил дед до того дня, когда по кремлевской брусчатке прошагает внук, жаль, не дожил...

П О ДОРОГЕ из училища домой Андрей, решил завернуть к дяде—посоветоваться надо было по очень серьезному вопросу. Дядя Саша тут первый советчик, потому как сам рабочий, с металлом дело имеет, на сталепрокатном человек уважаемый, две Трудовые Славы, II и III степеней, имеет. Дело в том, что на комбинате, где Андрей проходил практику, намечался конкурс профессионального мастера. Андрей, без пяти минут горновой доменной печи, горел желанием участвовать в соревновании. По весне его сотоварищи-пэтушники все больше любовь крутили, а ему подругой ненаглядной, которая и по ночам снится, стала знаменитая «Северянка»—доменная печь № 5 Череповецкого орденов Ленина и Трудового Красного Знамени металлургического комбината им. 50-летия СССР. Печь—крупнейшая в Европе. Бригада—неоднократный победитель комбинатовского и министерского соревнований. Но не титулы громкие, не слава звонкая прельстили Андрея на «Северянке», а сама профессия металлурга.

— Как быть, дядя Саш?—Андрей для себя-то все уже решил, но все ж хочет подкрепиться еще и дядькиной поддержкой, зная на все сто, что тот дурного не посоветует.

— Если уверен в себе—действуй!—Александр Степанович тоже не робкого десятка, еще когда был комсомольским секретарем в цехе, агитировал не лозунгами, а делом.

— Я-то уверен,—продолжает Андрей,—бригада поддерживает и училище. Пацаны, правда, поговаривают, что рано соваться на соревнование, что не нам, салагам, призы достанутся...

— Да разве ж дело в призах! Если уверен в себе—выйди и докажи, что ты, Андрей Кузьмин, не лыком шит!

Бригада его полюбила сразу, с первого дня практики. Звали то Кузей, то Слоном—за спокойную величавую силу, скрывающуюся в этом русоволосом плечистом пареньке, юном по возрасту и рассудительном не по годам. Наставником Андрея был Виктор Николаевич Кругликов. Все в нем соответствовало образу вологодского мужика: ровный, покладистый, незлобивый характер, основательность и дотошность в деле, распевающий окошущий говорок и борода, как у писателя Белова. Он стал для Андрея старшим братом в жизни, учителем доменного дела на великанше «Северянке».

Мастер Николай Николаевич Зиганшин, ветеран бригады Валентин Павлович Котов видели, как выматывался парень за смену, гнали его домой. А он не спешил, все помогал горновым, вглядывался в бесчисленные приборы на пульте. Сколько раз за месяцы практики обошел он пятаю дому — кто считал? Как ни сватали его училищные преподаватели в институт — лучшим был не только в группе, но, пожалуй, и на курсе, — он ни в какую. Только горновым! «Разве не может быть рабочим человек, имеющий только четверки и пятерки в дипломе?» — таков был его ответ.

Тот конкурс он выдержал с честью. Положил перед матерью красивый альбом «Вологодские просторы» — запечатленные родные места, уцелевшие еще от железной поступи и ядовитого дыхания индустриального молоха — Череповца пейзажи русской озерно-лесной сторонки.

— А вот еще и газета, мам, — Андрей развернул номер «Череповецкого металлурга»: «...То, что молодо, не всегда зелено, доказал самый молодой конкурсант — учащийся СПТУ № 2 Андрей Кузьмин, занявший неожиданно для многих пятое место».

Неожиданно для многих, что верно, то верно. Но не для всех — уверены были в нем родные, преподаватели, товарищи по бригаде. Дружба металлургов — прочная дружба. Когда советовались в коллективе, что подарить Андрею за верность «Северянке», решили единогласно — часы «Слава». Деда, полного кавалера ордена Славы, вспомнили, Александра Степановича, дядю, который тоже к такому званию приближается... В общем, скинулись, купили, надпись памятную сделали, а вручая часы, напутствовали: «Славная у тебя родня, Андрюха. Скоро тебе на службу — продолжай традиции. Твоя слава, твои ордена — впереди...»

«На 1 Мая ездили в Москву, где на площади 50-летия Октября стояли в цепочке всю праздничную демонстрацию. Мамулечка, ты только представь себе — все люди идут с таким хорошим настроением, у кого что в руках, в общем, и мне подарили цветы. Вечером те, кто не заступал в караул, ездили на фейерверк на Ленинские горы. Правда, я со своего поста тоже видел весь салют — это такая красотища...»

Спасет ли красота мир, Андрей не знал. Но то, что красота лечит — совершенно был убежден. Вот и сейчас — стоит взглянуть в пестрое веселое многолюдье, в улыбающиеся лица девушек, в радостных ребятшек, машущих флажками, и... уходит ноющая боль в уставших ногах, пояснице.

Мысли его оборвало «чрезвычайное происшествие». Он вздрогнул, встрепенулся от толкнувшего его в сердце необыкновенно жаркого и в то же время нежного дуновения — перед ним возникла из бурлящей толпы прелесть девушка. Это потом уже, когда выйдет из шока, Андрей будет

сообразать, чем же так поразила она: ни жеманства, ни фривольности, естественна, как тот цветок, который протянула Андрею.

Тюльпан был необыкновенно красив — такой сочной алой краски не было во всей первомайской Москве.

«Я вас прошу посмотреть военный парад на 7 ноября. Пока я хожу в 1 коробке, в 6 шеренге 13-м, а потом могут быть изменения, но я вам сообщу. 28.08.89 г.»

«Мы можем улететь, только не в Закавказье, а куда-нибудь еще. Только, мамулечка, не расстраивайся и не волнуйся, ведь я же в армии, и что будет, то будет...»

Крутился между парадными тренировками, стрельбами, хозработами, нарядами по столовой. В военторге все присматривал то обновку братишке, то гостиницы столичные — благо здесь чутко побогаче выбор, чем в рабочем Череповце. На пресловутые «тяготы и лишения воинской службы» матери не жаловался. Разве что в письмах к другу-наставнику проскальзывали строчки о ноющих ногах и слипающихся на посту глазах. А родню все успокаивал, все дни считал, оставшиеся до встречи:

«Полк должен улететь в Степанакерт на замену, но сведения еще неточные. Главное для меня, чтобы ты, мамулечка, не волновалась, и все у меня будет нормально. 28.11.89 г.»

ОН БЫЛ как все — считал дни до приказа, костерил в душе оттягивающий плечо автомат, «резался» на отпуск. И при всем при том каждый день его службы был наполнен трудом, автомат он держал надежно, и претендентом на отпуск поощрению был рядовой Кузьмин заслуженно. Искренне огорчился, когда подразделение улетало в командировку без него. Его оставляли «зам. по тылу батальона», так как и тыл должен быть крепким. Ребята возвращались из горячих точек, выполнив в очередной раз свою спасительную миссию, и продолжали готовиться к парадом, оставаясь в полной боевой. Возвращались из Ферганы пропахшие потом и гарью, усталые и изможденные недосыпанием, с сердцами, раненными увиденным и пережитым. Брились в комнате для умывания и только потом замечали, что она выложена новой плиткой. Хлопали Андрея по плечу: «Молодец, Кузя, работа — высший класс!» Шли в бытовку подшить подворотнички и там ахали: «Ну, дает Кузя, и здесь шик-блеск навел!»

«Привет из дивизии железного Феликса! Здравствуй, дорогой Виктор Николаевич и вся твоя большая семья! С огромным приветом к тебе твой ученик, а нынче стрелок-пулеметчик дивизии им. Дзержинского — Андрей. Очень благодарен тебе за письмо, которое получил на той неделе. Из твоего письма я понял, что у вас дела идут не в лучшую сторону. Если бы я был

с вами, я бы вас поддержал—из-за этого еще больше захотелось попасть домой, но пока—ув! Немного о себе. Служба идет своим чередом...»

«...А впереди самое ответственное — парад 7 ноября на Красной площади в городе-герое Москве, 118-й военный парад, который надо пройти на отлично. Кроме того, есть и другое, например, сдали итоговую проверку за летний период обучения. Сегодня воскресенье, мы с утра всем парадным расчетом посетили Мавзолей...»

С 13-го номера в шестой шеренге его передвинули на 9-й. Все было просто здорово! Парадный шаг—как песня! Прием в Кремлевском Дворце съездов по торжественно-красивой открытке: «Уважаемый тов. Кузьмин! Военный совет и Политическое управление ордена Ленина Московского военного округа приглашают Вас на торжественное собрание участников парада на Красной площади, посвященного 72-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Собрание состоится в Кремлевском Дворце съездов 5 ноября 1989 г. в 10 часов».

«И мне очень хочется, чтобы ты, мамулечка, не волновалась. Такая уж у меня служба — защищать государственные интересы страны и советские люди. А осталось мне всего 346 дней».

(Из письма матери).

118-й военный парад на Красной площади стал первой значительной вехой в солдатской службе рядового Кузьмина. Про себя он прикинул наперед: 9 Мая будет парад в честь деда, а следующий ноябрьский—в честь славного окончания службы! «Парадные» впечатления еще живо обсуждались, когда раздался сигнал тревоги. Были сборы недолги... И первый вопрос, как всегда: «Куда?» На этот раз был Кишинев. Когда Андрей с товарищами шли по Красной площади, экстремисты в столице Молдавии осуществляли безрассудную и дерзкую акцию по срыву военного парада. «Пацифисты», «борцы за демократию», вооружившись железными прутьями, камнями, бутылками с зажигательной смесью, штурмовали здание МВД, избивали солдат.

В Кишиневе пробыли недолго—страсти там пошли на убыль. Выхода на патрулирование, солдаты не встречали уже неуправляемых толп, исторгающих оскорбления и угрозы в адрес военных. Некоторые юнцы пытались задирали солдат, но лишь

издали, как мелкие шавки из подворотни. А разумное население, которого большинство, неприязни к парням из внутренних войск не питало, прекрасно понимая, что порядок всюду необходим.

ПОСЛЕ Кишинева он поднялся на перевал своей службы—миновал год. Домой хотелось нестерпимо, обещания скорого отпуска прямо с ума сводили. Ну никак не могут обойти его с отпуском: зарабатывал его ногами—на параде, руками—чего только в казарме не переделал, всем существом своим солдатским в караулах, патрулях... Ну разве ж пустые безделицы комсомольские награды—знаки ЦК ВЛКСМ «За отличие в труде» и «Мастер-умелец»? Разве ж казенные слова—благодарность министра обороны? И разве ж нельзя верить командирам, которые через несколько дней обещали присвоить звание «ефрейтор» и первым же приказом в новом году поощрить отпуском?

«Мамулечка, мне дают «ефрейтора», т. к. я по штату старший стрелок-пулеметчик. Мамулечка, милая моя, родная моя, напиши мне, пожалуйста, нужны ли Сережке кроссовки кимрские на шипах. Если нужны, то напиши размер его ноги, я куплю. Я соберу вам посылочку и вышлю конфет, печенье».

Осталось 10 месяцев, или 312 дней, и все.

Крепко целую вас и еще крепче обнимаю. Ваш сын и брат Андрей. 8. 01. 90 г.»

Это было его последнее письмо. Для всех нас пришел черный январь Баку. Черным январем Андрей погиб.

Андрея везли по ночным бакинским улицам. Боевое охранение стало для павших почетным эскортом — впереди и позади колонны гремели по черному асфальту бронированные машины. В кузовах «ЗИЛов»—солдаты в бронежилетах, с автоматами. В салоне «Икаруса» — оцинкованные листы, которыми уже в Москве оденут красные гробы. Офицер, бывший «афганец», командует: «Вести наблюдение вправо и влево. Автоматы положить на колени, стволами к окнам».

Третий день лил дождь. Придорожные низкорослые сосны были черными. Оливковые деревца, извечные символы мира, тоже черны.

Колонну не обстреляли—боевые товарищи Андрея несли бессонную вахту на стреляющих бакинских улицах бдительно, ведь

...надо добратся, надо собраться—если сломаться, то можно нарваться...

Если нарваться, то ларни второй раз умрут.

«Черный тюльпан» поднялся в черное бакинское небо, плачущее небо. Шестеро павших не слышали натужного рева моторов. Вечным сном спали

капитан МАЛЧЕВ Александр Владимирович,

сержант ЛУКЬЯНОВ Вячеслав Вячеславович,

ефрейтор ОЛЕЙНИК Сергей Зиновьевич, рядовой ТАРАКАНОВ Андрей Михайлович,

рядовой КОВАЛЕВ Василий Васильевич, рядовой КУЗЬМИН Андрей Юрьевич.

Замполит батальона майор Валерий Сидоров трет воспаленные от бессонницы глаза, которые ест горький дым отсыревших сигарет.

— Мы, когда прилетели в Баку, оказались заблокированными на военном аэродроме. Стали в чистом поле. Холодно, ветер сифонит. Андрей эти трое суток совсем не спал — дров раздобыл, полевые кухни разжег, чай вскипятил... Ожили солдатики. Потом и палатки поставили, кое-как обустроились. Он все ребятам приговаривал: «Ничего, мужики, прорвемся!»

ПРОРЫВАТЬСЯ в Баку, где всюю шли погромы армян, где нужна была наша помощь, пришлось с боем. На Тбилисском проспекте путь нам преградили мощные баррикады: тяжелые самосвалы с камнем, четыре бензовоза—открывая краны, поджигай, и потечет под ноги солдатам огненная река. Мы кричим в мегафоны: «Дайте пройти солдатам! Не допускайте кровопролития!» Какое там—впереди черная стена. При первой же попытке сдвинуть ее боевики, их было человек восемьсот, открыли огонь. У кого оружия не было, швыряли в нас камни, куски арматуры, бутылки с кислотой, с «горючкой». Мы это предвидели, как-никак за плечами Фергана, Карабах, Кишинев. В каждом отделении была плащ-палатка, которой гасили пламя на горящих людях.

Начали тот бой 19 января, заканчивали уже 20-го. Едва за полночь перевалило, когда самое пекло было. Слева по ходу движения озверевшие окончательно боевики теснили наших—там был полковник Ракин. Андрей был рядом с комбатом подполковником Мидзютой. Он наблюдал по фронту, сержант Ильин—слева, рядовой Клименко—справа.

Что в эти минуты творилось—жуткое дело! Живыми факелами вспыхнули подполковник Копосов, капитан Янченко—боевики метили прежде всего в офицеров. Я наблюдаю за комбатом. Хорошо, думаю, что вокруг него такие надежные парни—Ильин, Кузьмин и Клименко, и наблюдение обеспечат, и связь, и прикроют, случись что.

Вдруг трассер справа сверху, как раз между Кузьминым и комбатом, в направлении Ильина. Ильин не видел, откуда бьют. А они, сволочи, засели в зданиях по обе стороны, правильно рассчитав, что солдаты по жилым домам не станут палить. Андрей скорее всего хотел Ильина предупредить—тот-то все влево смотрел. Сделал два, наверное, шага к Ильину. И упал навзничь. Ильин и Клименко его подхватили на руки, кричат: «Кузю рани-

ло!» Еще кто-то подбежал—понесли в тыл, метров пятьдесят, пожалуй. Там медики наши, майор Королев и старший лейтенант Марков (им в ту ночь работы хватало), укол Андрею сделали сразу. Пуля, наверняка снайперская, голову пробила. Минут через пятнадцать умер...

Черная птица через границу
К русским зарницам

несет ребятишек домой.

— Подъем, ребята!—сказал кто-то из экипажа.— Садимся в Волгограде на полтора часа, дозаправимся.

Три часа черной ночи 25 января... В видеосалоне и в три часа ночи крутили боевик, унылая буфетчица торговала жидким чаем и сморщенными яблоками—аэропорт города-героя в ожидании светлого дня поддерживал всякое слабое движение, обозначавшее жизнь. Черная птица сумрачно поникла у края заснеженного поля, тяжелая своей тягостной ношей. Где-то недалеко Мамаев курган—там такая же тишина и такой же фиолетовый снег...

В ту ночь в его казарме нашли приют беженцы из погромного Баку. Может быть, кто-то из ребятишек спал в тот час на его койке, укрывшись его солдатским одеялом. И не подозревал, что тепло это—от горячего и сильного русского сердца. Сам не успевший познать радости отцовства, любил Андрей детвору. Висли на нем и братишка, и две крохи-шалуньи Виктора Кругликова, и кучерявый племяш Ильюшка...

В ту ночь не спала мать Андрея, Татьяна Степановна, не находила себе места от отчаяния, как ни успокаивали, ни утешали съехавшиеся по горькому сигналу родственники. Письма от сына остались теперь лишь обрывками ниточки, что целый год была единственной поддержкой. Строчки плыли в слезном мареве:

«Мамулечка, милая моя, я тебя прошу об одном—ради бога не переживай и не расстраивайся, все будет отлично, только письма пиши почаще. Ради бога не переживай, ну ведь ты меня знаешь...»

Русские мужики, потемневшие взглядом, встретили в Череповце военных тяжелыми вопросами-укорами: «За что? Почему наш Андрей? Кто ответит?»

Немым укором и ряд одинаковых надгробий красного гранита на Аллее воинов-интернационалистов: «Старший лейтенант Муравьев Александр Александрович, гвардии рядовой Павленко Владимир Иванович, гвардии рядовой Курочкин Александр Алексеевич, Бесенков Павел Александрович, старший лейтенант Попиков Александр Анатольевич, младший сержант Катайков Андрей Сергеевич...» Рядом—могила для еще одного воина-интернационалиста, еще одного вологодского парня, еще одного Андрея—рядового Кузьмина.

Что мне орден, коль нету ног

И ушел навсегда Андрей?

Сделал я все, что только мог,

И не жалею меня, не жалею.

Что мне льготы—без ног к врачу,—
Если там из свинца дожди,
Если каждую ночь кричу:
«Подожди, Андрей, подожди...»

Подожди...
О каком Андрее плачет-убивается израненный телом и душой «афганец»? О русском солдате плач...

Полковник С. Леонов, городской военком, сам «афганец», призывавший Андрея на службу Отечеству точнехонько в день рождения—21 ноября 1988 года, едва подавил комок в горле, когда открывал траурный митинг—он ли посылал под пули?

Прощалась с любимым учеником Тамара Константиновна Бухарина: «Был в классе самым смышленным. И для чего же растили мы таких мальчишек—для смерти?»
«Пусть будет тебе пухом родная земля»,—сказал Виктор Кругликов, разминая в сильных руках стылый комок, прежде чем бросить на крышку кумачового гроба.

Рабочий-орденоносец Александр Степанович, не богатырского роста, но из рода богатырей Кузьминых, тоже не был многословен—словами разве вернуть Андриюшу, надежду матери.

От залпа прощального салюта спорхнули снежинки с понурых ветвей, растеклись по лицам слезами.

«...Очень хочется после армии попасть к вам в бригаду, и я надеюсь и буду добиваться этого. Очень сильно заскучал по бригаде, по печке, которая снится во ночам. Вита, как бригада, пиши? Ну вот, вроде и все...»

НЕТ, Андрей, не все.
«С матерью Андрея мы связи не теряем, навещаем ее. Она работает в химчистке. Так вот, на прошлой неделе к ним привозили обмундирование солдаты. При виде их у Татьяны Степановны был сердечный приступ. В общем, переживает она сильно...»

Мы в бригаде взяли обязательство, что будем делать перечисления на счет братишки Андрея—Сережи, до его совершеннолетия...

У художника заказали мемориальную доску. Когда будет готова, повесим ее на пульт управления «Северянки». Виктор Кругликов».

Прошались на Параде в честь 45-й годовщины нашей Великой Победы однополчане рядового Андрея Кузьмина. Каждый день заступают они в бессонный караул. Получают они ордена. Получают раны. И

Снова сон, и перевалом горным
Мы уходим в наш последний бой.
Снова сон, и вот «тюльпаном черным»
Едет к маме Андрей домой...

Пусть твой последний бой будет последним боем. Пусть снится тебе, Андрей, твоя «Северянка».

Подполковник Б. КАРПОВ.

«Монолог пилота «черного тюльпана» пел для рядового Андрея Кузьмина Александр Розенбаум, песню «Сон»—Виктор Третьяков.

В ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ

Погиб при исполнении служебных обязанностей... Как больно читать эти горькие слова в газетных сообщениях, слышать по радио. Сердце и разум отказываются принимать и понимать, почему смелые, надежные парни уходят из жизни в мирное время. Гибнут чьи-то отцы, сыновья, мужья, братья, не менее других имеющие право растить детей, любить и быть любимыми, но более других связанные узами долга — стоять на страже общественного порядка.

Невосполнима потеря близкого человека, неизбывно горе его родственников. Однако каждый из нас может хоть отчасти облегчить страшную беду, если станет участником **ФОНДА ПОМОЩИ СЕМЬЯМ ПОГИБШИХ РАБОТНИКОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ВОИНОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР.**

Фонд, образованный при газете «Советская культура», — это благотворительная акция милосердия, направленная на оказание моральной и материальной помощи семьям тех, кто, проходя службу в милиции, исправительно-трудовых учреждениях, в органах пожарной охраны, во внутренних войсках, ценой жизни выполнил свой служебный или воинский долг.

Фонд имеет отдельный счет в Жилсоцбанке СССР, он образован на добровольных пожертвованиях как отдельных граждан, так и предприятий, колхозов, кооперативов, творческих союзов, организаций (например, МВД Узбекистана перечислило 5 тысяч рублей). В него также входят доходы, полученные от благотворительных концертов, аукционов, выпуска плакатов, художественной литературы о солдатах правопорядка. Распределение средств фонда производится исключительно целевым назначением по решению совета, работающего на общественных началах.

Сообщаем номер счета: **МОСКВА, СЧЕТ 700881 В ОПЕРУ ЖИЛСОЦБАНКА СССР (МФО 299093).**

Просим всех, кто пожелает сделать добровольный взнос, подробно указать при этом свою фамилию, место работы или точное название трудового коллектива, если взнос делает отдельное учреждение, организация.

Правление фонда, учитывая предложение читателей, утвердило его девиз — «Подвиг».

АКАДЕМИК ВАСХНИЛ СЛОВО ДЕРЖИТ

За годы перестройки Владимир Александрович Тихонов привык к дифирамбам. К таким, например, какие изливает в его адрес со страниц «Книжного обозрения» писатель Иосиф Герасимов:

«Много лет я занимаюсь людьми дела... искал все время человека, в котором был бунт против рутинности «стабильности», ошибающегося, мучающегося. Вот и сейчас я думаю о людях дела и вижу, как много появилось у нас кликуш перестройки.

...Особенно они заметны среди ученых-экономистов. Многие из них написали пухлые тома о «развитом социализме», получили на этом степени, звания, а сейчас стараются перекричать друг друга, ошеломить якобы вновь открывшимися обстоятельствами предкризисной ситуации. Но есть и другие. Я давно, очень давно знаю академика ВАСХНИЛ Владимира Александровича Тихонова. Помню, как еще в шестидесятых годах он мучился над проблемой аренды земли, взволнованно говорил о позиции В. Овечкина. Тогда еще не найдены были слова «семейный подряд», а говорили—«фермерство»—негромко, меж собой. Но суть была не в этом, а в серьезных поисках: как дать крестьянину свободу, чтобы он мог вырваться на рынок достаточно продовольствия.

...Сколько ему навесили различных выговоров, пытались исключить из партии, довели до сердечной болезни, он стал инвалидом второй группы. Поводы для наказания, конечно же, предусматривались разные, чаще всего лежачие за пределами науки: так убивать человека легче...»

Красиво звучит! Вот только когда же был искренним наш бунтарь против «рутины стабильности»? Сейчас или в начале шестидесятых? Тогда тайный сторонник фермерства (видимо, в целях конспирации) писал: «...крупное хозяйство имеет неоспоримое преимущество над мелким, в частности, и в том, что большие размеры позволяют лучше использовать технику, интенсифицировать земледелие... Победа колхозного строя в нашей стране, свидетельствующая о триумфе ленинского кооперативного плана, дала возможность вести систематическое укрупнение колхозов».

Да, ленинскую идею кооперации В. Тихонов толковал иначе, нежели теперь. Сейчас-то он заявляет в прессе: государству, дескать, надо понять—кооператив, в отли-

чие от колхоза, не нахлебник, а партнер по делу.

Куда делся колхозный оптимизм хрущевской эпохи, который водил рукой В. Тихонова: «Благодаря постоянной заботе партии и правительства о развитии сельского хозяйства, колхозное и совхозное производство поднялось ныне на такую высоту, которая даст возможность в исторически кратчайшие сроки догнать и превзойти по производству важнейших видов продукции самую развитую капиталистическую страну—Соединенные Штаты Америки».

Можно возразить: все это было ритуалом. Однако именно тщательное следование ему позволяло добиваться званий, регалий, наград. И вот их обладатели, позванивая лауреатскими и прочими медалями, получили формальное право возглавить перестроечную науку. Может быть, теперь им стоит отказаться от прежних диссертаций и других работ? Однако что тогда останется у них за душой? Кто станет слушать «неостепененных ученых»?

Но может быть, тот же В. Тихонов имел право изменить свои взгляды? Однако вот цитата 1983 года из сборника «Развитие аграрных отношений на современном этапе»: «Установление общенародной собственности на средства производства в городе и деревне позволило преодолеть противоположность между ними и обеспечить не только единство социальных интересов рабочего класса и крестьянства, но и их нерушимый союз».

Так что прибыльную идею плюрализма форм собственности В. Тихонов стал использовать совсем недавно. Странное совпадение: подул «свежий ветер перемен», и взгляды многих ученых тут же развернулись на 180 градусов. Подобно флюгеру. А мы-то считали их компасом!

Да, в каждый период времени наш герой выступал «как положено». За что же «навешивали» на него выговоры и даже из партии пытались исключить?

Действительно, к науке все это не имеет отношения. Впрочем, как и многое из того, что написал академик ВАСХНИЛ.

Итак, в апреле 1972 года последовал строгий выговор с занесением «за зажим критики и нарушение порядка распределения жилой площади». Будучи директором института, В. А. Тихонов в той ситуации уж никак не был похож на гонимое существо.

В октябре 1983 года бюро МГК КПСС нашему борцу с рутинной работой был объявлен строгий выговор «за неправильное поведение в быту и нарушение партийной этики при продаже личных автомобилей».

А вот справка, которую подготовила комиссия, утвержденная партийным бюро института экономики АН СССР в апреле 1986 года. Именно тогда В. Тихонов чуть было не лишился партбилета (что, возможно, создало бы теперь над его головой ореол мученика и борца с «аппаратчиками»). В чем же конкретно провинился будущий народный депутат?

В этом документе суммированы многие факты «бунта В. Тихонова против рутинной «стабильности». Сообщает он, в частности, о нарушении порядка получения государственной трехкомнатной квартиры. Решающим моментом в борьбе за нее стало письмо В. Тихонова, адресованное в октябре 1985 года А. А. Громыко. В нем он пишет, что является участником Великой Отечественной войны и что прежнюю жилплощадь оставил первой жене.

Что касается фронтового, героического прошлого будущего предводителя кооператоров, то не иначе, как он был бойцом настолько незримого фронта, что... Впрочем, цитируем справку далее. «...Тихонов указывает, что он участник Великой Отечественной войны, не имея соответствующего удостоверения... Последнее положение приобретает особое значение еще и потому, что несколькими годами ранее... при объявлении выговора бюро МГК КПСС уже стоял вопрос о том, что он неправильно пользовался льготами участника войны, недоплачивая подоходный налог».

Да, будучи историком по образованию, академик ВАСХНИЛ, видно, подзабыл историю собственной жизни...

От чтения названной справки просто устаешь. Есть в ней и раздел о систематической недоплате партийных взносов и о фактах стяжательства, мелочности в урегулировании имущественного конфликта с прежней семьей. О том, что В. Тихонов явно преувеличивает свою роль в разработке многих актуальных тем, решение которых на самом деле являлось результатом коллективного творчества. О групповщине и зажиме критики, насаждаемых академиком. О некорректности его выступлений в адрес многих коллег.

На фоне этих документов весьма любопытно читать опубликованный в «Сельской жизни» отчет о собрании академиков и членов-корреспондентов ВАСХНИЛ по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР.

«Довольно бурную реакцию вызвало сообщение о том, что один из выдвинутых кандидатов имеет партийные взыскания, на основании чего президиум воздержался от рекомендации... Академик В. А. Тихонов подял на трибуну.

— На протяжении ряда лет, примерно до 1986 года, я был объектом травли со стороны отдельных людей, на меня поступали анонимки, доносы. Многие из авторов

сейчас уже не работают. Но взыскания остались. Формулировки? Одна, например, выделяется особо: «За надменное поведение на бюро райкома».

Испытанная «борцами за демократию» противоаппаратная струна задета. И вот итог: «При тайном голосовании академик В. А. Тихонов был выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР: «за»—125 голосов, «против»—69».

Наверно, закономерно, что многие академики и профессора, склонные к внутренним «перестройкам», так увлеклись сейчас конъюнктурой политической борьбы. И в их числе—наш борец против рутинной стабильности.

Говоря о стабильности, мы намеренно снимаем иронические кавычки, поставленные писателем И. Герасимовым. События в стране развиваются слишком угрожающе, чтобы подшучивать над этим понятием. И когда, например, В. Тихонов уговаривает бастовать шахтеров—тут не до иронии. И когда торпедируются полезные поправки к Закону о кооперации—тоже.

Кстати, ученые, принимавшие участие в его написании, вспоминают, как тяжело было работать с В. Тихоновым. Ратовал Владимир Александрович за такую свободу для кооператоров, которой не знает ни одна страна мира. Во многом так оно и получилось.

И вот результат. По данным МВД СССР, в прошлом году в кооперативном секторе выявлено преступлений в 5,2 раза больше, чем в предыдущем. А какой стала простейшая формула получения прибыли? На государственную булку кладется государственная колбаса, и получается некое новое качество—кооперативный бутерброд. Как назвать эти прибыльные взмахи острого ножа? Коопиратство!

Правительство еще несколько месяцев назад предлагало наделить Советы правом определять, какой кооператив в данном районе заводить целесообразнее. Видимо, вопрос об этой поправке представлялся делом решенным. Вспомним, как М. С. Горбачев во время осенней поездки на Украину сказал: «...Верховный Совет не может знать, как обстоят дела в каждом городе, в каждом селе. Это виднее на местах. Потому было предложено доверить местным органам совместно с депутатскими комиссиями решать вопрос о том, каким кооперативам надо дать зеленую улицу».

Так нет же! Заболтали на второй сессии эту ценную идею. И на трибуне Верховного Совета СССР, и в прессе нередко пытаются увести разговор от экономического и правового конструктива, ввести его в русло односторонней критики аппарата.

«Исполкомы,—пишет В. Тихонов,—почти повсюду относятся к кооперации двойственно. Одни терпят до поры как источник дополнительных доходов, в том числе и личных, другие—изгоняют».

Что ж, коррупция, подкуп—для нас уже не экзотика. Только надо четко ставить вопрос: кто подкупает, а кто подкуплен. Заказывает-то музыку тот, кто платит, Основ-

ная часть зла—в тех теневых накоплениях, которые позволяют покупать все большее количество людей.

Да, на корню продаются некоторые чиновники партийного, советского аппарата, министерств и ведомств. Эксперты утверждают, что на подкуп тратится две трети теневых доходов. Но капитал стремится действовать с еще большим размахом. А это гарантирует опора уже не только на благосклонность того или иного чиновника, но и на закон, на общественное мнение. Поэтому вслед за исполнительной властью на этот чудовищный рынок выставляется законодательная. А также прес-са.

И там, и здесь закономерно формирование лобби. Работать же оно рано или поздно предпочтет на более денежное крыло нашей кооперации—то, что смыкается с преступным миром. Во всяком случае генеральный директор объединения «Светлана» Г. С. Хижа, выступая на совместном пленуме Ленинградских обкома и горкома партии, высказался относительно технологии подготовки законов недвусмысленно: «Представляется, что к решению этих вопросов имеют сейчас доступ силы, отстаивающие не интересы трудящихся, а интересы теневой экономики».

Как упорно отстаивают у нас посредническую кооперацию! Характерен пассаж В. Тихонова, прозвучавший по Ленинградскому телевидению: «Сейчас идет кампания по закрытию торгово-закупочных и посреднических кооперативов, но если мы движемся к рыночной экономике, покажите мне хоть одно общество, где рыночная экономика существовала бы без баз торгового капитала, а ведь торговый капитал—это те торгово-закупочные и торгово-посреднические учреждения, без которых экономика существовать не может».

Обратите внимание: самоцелью развития «экономики по-тихоновски» является рынок. А мы-то думали, что удовлетворение потребностей людей. Между прочим, это не одно и то же. Можно привести массу стран «третьего мира», где рыночные отношения отнюдь не обеспечили благоденствия для всех.

На рынке просто торгуют. А прежде чем торговать, надо произвести. Вот с этим у нас действительно туго, в том числе и в кооперации. Проблем со сбытом продукции, для чего во всем мире существуют посреднические фирмы, нет. В СССР нет избытка продукции, зато есть избыток купюр, составляющий сейчас полмиллиарда неотоваренных рублей. Но ведь в карманах людей перекачиваются и безналичные. Есть даже теневой тариф: за наличный рубль платят по три безналичных, а затем, проведя через банк, их снова превращают в хрустящие банкноты. Этот колоссальный резервуар и позволяет целым вереницам перекупщиков выстраиваться в очереди за нашими рублями.

Награбили немало! Надо срочно ввести декларирование доходов. Однако эта мера, принятая во всех цивилизованных странах, почему-то очень не нравится ака-

демику ВАСХНИЛ. В этой связи он даже заявляет уже о практике гражданского неповиновения. Говорит он и о бойкоте грабительскому, с его точки зрения, налогу-обложению.

Все это сопровождается аккомпанементом криков об административном и запретительстве. Однако интересно, как относится В. Тихонов к уставу Международного кооперативного альянса? Он ведь накладывает ограничение на прибыли по внесенному в кооператив паю. Таким образом, его деятельность направляется не на заколачивание сверхприбыли любой ценой, а на решение социальных, экологических и других «нерентабельных» проблем.

Все-таки удивительно, как бытие определяет сознание! Кооперативное кредо В. Тихонова, похоже, напрямую переплетается с его собственным опытом практического участия в кооперации. Имеется в виду история с гомельским кооперативом «Спутник». В общих чертах она изложена в письме, направленном А. И. Лукьянову народным депутатом СССР А. А. Граховским.

«Авторскому коллективу из четырех человек во главе с академиком ВАСХНИЛ Тихоновым В. А. за подготовку «Методических разработок по внедрению арендных отношений в сельскохозяйственном производстве» выплачено 66,4 т. р., в то время, как Госкомиздатом БССР за эту работу определено вознаграждение 3 118 руб. 50 коп.

Указанная книга реализовывалась предприятиям и организациями по 195 руб. за 1 экземпляр при определенной Госкомиздатом БССР максимальной цене 57 коп.

Согласно полученному в ходе проверки отзыву Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, указанная книга на 75—80 процентов содержит материалы, разработанные и изданные научными организациями Госагропрома СССР и во многих случаях использованные без ведома их авторов...»

Будучи для кооперации человеком «не чужим», трудно избавиться от нелюбви к декларациям доходов, налогам и в парламенте. Он должен стать профессиональным. Состоящим из людей, не имеющих никаких материальных зависимостей. В практике зарубежного законодательства это предусмотрено четко.

Депутатский мандат, умение «перестраиваться», личная предприимчивость—мощное сочетание. Оно позволило стать В. Тихонову не только теоретиком, но и крупным практиком нашей кооперации. Как известно, на I Всесоюзном съезде объединенных кооперативов СССР он был избран президентом этого союза. И тогда же пообещал обеспечить поддержку движения на всех уровнях. Где-где, а здесь академик ВАСХНИЛ свое слово держит!

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
Ю. ВОРОБЬЕВСКИЙ,
обозреватель ТАСС.
(Специально для журнала
«На боевом посту»).

173

КОНВЕЙЕР БЕЗ ОТВЕТ- СТВЕННОСТИ

- ЧИСЛО САМОВОЛЬНЫХ ОСТАВЛЕНИЙ ЧАСТИ РАСТЕТ. ПОЧЕМУ?
- ПЛОДЫ ПРИЗЫВА ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ
- ИСКУССТВО МАСКИРОВКИ НЕДОСТАТКОВ ИЛИ НЕЖЕЛАНИЕ РАБОТАТЬ?

НЕМНОГО статистики: в прошлом году во внутренних войсках совершено на 47 процентов самовольных оставлений части больше, чем в 1988. А один лишь квартал нынешнего дал почти половину прошлогоднего «достижения». Темпы роста, согласитесь, более чем тревожные. Что же происходит? Какие причины толкают на преступления людей, призванных являть собой образец соблюдения законности?

— Душевнобольные, вот и бегают, — прокомментировал ситуацию полковник А. Баканов, командир части, которую за четыре месяца оставили шесть военнослужащих. — Трое уже комиссованы, еще трое у психиатров на экспертизе: тем же, наверное, закончится.

— Личная недисциплинированность беглецов и плохая служба суточного наряда, — убеждены политработники этой же части полковник В. Гурский и подполковник Н. Григораш.

— Причины можно свести к трем основным, — считает военный психиатр подполковник медицинской службы Б. Медушевский. — Это неправильный призыв на военную службу, неуставные взаимоотношения и неадекватное реагирование командиров на нарушения воинской дисциплины.

Мнения заметно разнятся, какое же из них ближе к истине?

Рядовой Игорь Р. родился в асфиксии (состояние удушья), рос ослабленным, часто болел. В 14 лет перенес черепно-мозговую травму с потерей сознания. За время службы обратил на себя внимание исключительной замкнутостью, медлительно-

стью, на вопросы отвечал односложно, с задержками. Самовольно оставил часть, четверо суток без цели бродил в окрестностях города, при задержании заявил, что свои действия помнит плохо. Вывод окружной военно-врачебной комиссии: негоден к военной службе в мирное время, в военное — годен к нестроевой. Закономерен вопрос: неужели тяжкое заболевание не смогла обнаружить компетентная призывная комиссия?

Начальник политотдела, по долгу службы расследовавший обстоятельства этого самовольного оставления части, рассказал о беседе с родителями солдата. Оказывается, это они уговорили (!!) призывную комиссию Радянского РВК г. Киева не обращать внимания на некоторые физические и психические недостатки сына. Мотив? Пусть он будет как все: раз в армию взяли, значит, здоров!

Можно понять отца и мать, но как расценить действия призывной комиссии? С каких это пор пригодность будущего солдата к службе она определяет желанием родителей? Не проще ли в таком случае и вовсе распустить ее за ненадобностью, заменив выборным родительским комитетом? Демократично? Нет, безответственно! И все потому, что с нее, как говорится, взятки гладки, ибо пожинать плоды ее устремлений — любой ценой дать план по валу — приходится войскам. А совсем нелишнее, думается, предусмотреть меру ответственности военкоматов, причем не учреждений в целом, а конкретных лиц, за простите, брак в работе. Брак явный и далеко не безобидный.

Другой солдат, рядовой Игорь А., убежал из части трижды. Диагноз — психопатия, истерический тип. Вывод комиссии аналогичный: к службе в мирное время негоден. Сегодня трудно сказать, чем руководствовалась призывная комиссия Кировского РВК г. Москвы, с легкой руки которой Игорь А. стал солдатом внутренних войск, получил право с оружием в руках нести боевую службу и, соответственно, применять это оружие.

Рядовой Олег Ф. оставил часть, через пять суток задержан в Москве сотрудниками милиции. Тяжело переживает случившееся. Диагноз: затяжное реактивное невротическое состояние у акцентированной по тормозному типу личности. Естественно, к службе негоден. Хотя у призывной комиссии Тимирязевского РВК г. Москвы мнение оказалось иным.

НЕ ТРУДНО заметить, что все трое призваны столичными военкоматами, призваны той весной, когда народные депутаты СССР, не задумавшись о последствиях своего «революционного» шага, сделали для студентов вузов исключение из Закона СССР о всеобщей воинской обязанности. Не секрет — в таких городах, как Москва и Киев, студенты дневных отделений вузов составляли значительную часть призывного контингента. Когда подготовленные для них повестки утратили силу, работники военкоматов оказались в сложнейшем положении: где взять людей, ведь Отечеству нужны не только студенты, но и защитники. А тут родители просят призвать больного сына. Нельзя, но... если за службу призванного военкомат практически не отвечает, то за полноту призыва с него спросят строго. Тут, ясное дело, не до качества, было бы количество.

Проблема настолько заострилась, что военкоматы перестали скрывать «отказников», не желающих исполнять конституционный долг. В том же Кировском РВК г. Москвы осенью прошлого года таких набралось полтора человека! Военкомат направил в районную прокуратуру 60 личных дел для возбуждения уголовных дел по ст. 80 УК РСФСР за уклонение от призыва и список (91 фамилия) — для вынесения прокурорского предостережения о недопустимости нарушения закона. И вот тут сработало второе звено безответственности на этом конвейере. Обязанные беспристрастно, но ревностно контролировать соблюдение буквы и духа Закона, «законники» стыдливо отвели глаза, не заметив того, чего не заметить было невозможно. Следуя необъяснимому принципу профилактической избирательности, они по сути проявили полную беспринципность: вынесли 22 предостережения, возвратив без комментариев остальные дела. Понятно, что сердобольные работники военкоматов истолковали все сомнения врачей в свою пользу. Но, к сожалению, не на пользу делу.

Увы, исследовать причины двух других

самовольных оставлений части гораздо труднее. Оно и не удивительно, ни командира части, ни политработников не обрадуют факты неуставных взаимоотношений и допущенное офицерами попустительство. Естественно, что причины этого рода не упомянуты в документах расследования — к чему выносить сор из избы? Но значит ли это, что их нет в действительности?

Если бы так! Просто маскировать недостатки в части научились, прямо скажем, на «ять». Так, служебное расследование по факту второй самовольной отлучки рядового А. проводил подполковник Н. Григораш. Он должен был докопаться до причин, заставивших солдата совершить преступление. А как же иначе! Вопрос: «Что побудило вас нарушить закон?» — должен был стать отправной точкой, дать необходимую информацию, опора на которую позволила бы исключить подобные ЧП в дальнейшем. Но политработник, не утруждая себя «излишней волокитой», а другими словами — показав образец вопиющего равнодушия к интересам службы, ограничился тем, что восстановил последовательность событий. О причинах же упомянул вскользь — личная недисциплинированность солдата и плохая служба суточного наряда. Недисциплинированность — ладно, хотя это не причина, а только сопутствующее обстоятельство. А в чем, собственно, вина суточного наряда, если А. поднялся и ушел за десять минут до подъема? Или один патрульный может обеспечить надежную охрану всего периметра военного городка? Налицо явная попытка найти крайних, дабы воздать им должное в приказе, ударив из пушки по воробьям.

НАЧИНАЯ расследование (хотя это слово малоприменимо к ситуации), заместитель начальника политотдела уже знал: командира роты следует наказать правами командира батальона. Примерно знал и за что: «за ослабление работы по укреплению воинской дисциплины» — формулировка универсальная. Любого из нас можно подвести под нее. Было бы желание. А оно было. Верх взял не здравый смысл, не забота о службе, а некая бюрократическая заданность: нужны виноватые — пожалуйте. Был бы человек — вину подыщем.

Приблизительно в том же стиле выдержана его рекомендация: «Командирам и политработникам принять дополнительные меры по укреплению воинской дисциплины, полному выполнению распоряжений начальника внутренних войск МВД СССР». Каков уровень, а?

Нет, недаром руководство войск обеспокоено пассивной, безразличной позицией многочисленного отряда «управленцев» всех уровней в борьбе с самовольными оставлениями части. Потому и требует проанализировать (а не пройтись по верхам) работу по изжитию уклонений от службы, глубже изучать (а не камуфлировать) происходящие в воинских коллективах процессы, взять под особый контроль

лиц с неустойчивой психикой, отклонениями в поведении (а не сваливать всю вину на них).

В этой же части исхитрились автоматически переадресовать распоряжения выше командирам и политработникам ротного и батальонного звена, что не просто сужает круг исполнителей, а вообще выводит их действия за рамки объективного, компетентного анализа. Дескать, ковыряйтесь в своих болячках сами — политотделу части эти проблемы ни к чему! Он — в роли ретранслятора: озвучил указания и умыл руки.

Но вернемся к судьбе рядового А. За две самовольные отлучки его полагалось привлечь к уголовной ответственности, но дело прекратили, да как ловко! В Москве и Киеве думают, что это сделала прокуратура гарнизона, а прокурор утверждает, что все решил командир части. И документальных следов не осталось: нет постановления ни о возбуждении, ни о прекращении уголовного дела. Может, и дела не было?

— Было! — утверждает нештатный военный дознаватель части капитан Х. Вахитов. — Я собрал необходимые материалы и повез в прокуратуру. А там говорят, с такой мелочью ни один суд возиться не станет, сейчас даже за более серьезные преступления не судят. Посоветуй командиру прикрыть это дело в связи с незначительностью: дескать, раскаялся. Постановление о прекращении уголовного дела писал командир части или его заместитель, точно не помню.

— Но если постановления были, — спрашиваю, — куда они подевались?

Капитан потупил взор:

— На всякий случай я поищу у себя дома...

После такого признания пришлось долго искать самого Вахитова, прежде чем он принес два машинописных листочка, подлинность которых сразу вызвала сомнения. Закроем глаза на отсутствие регистрационного штампа и прочих формальных атрибутов. Но смысл, суть! Впрочем, судите сами (орфография оригинала): «...рядовой А. повторно в течение 3-х месяцев совершил самовольное оставление места службы. Однако учитывая его раскаяние и что он не думал оставить часть и своими действиями не подорвал боевую готовность. И учитывая непродолжительность нахождения его на службе в ВВ МВД СССР постановил:

1. На основании ст. 5 п. 2 УПК РСФСР в отношении рядового А. уголовное дело прекратить.

2. Копию настоящего постановления направить военному прокурору гарнизона. Врио командира части подполковник (подпись) В. А. Росляков».

РОЗЫСКНОЙ наряд ездил из областного центра Украины в Москву, десятки людей, оставив насущные заботы, искали беглеца возле подразделения — а боеготовность части не пострадала! Четыре человека, словно сго-

ворившись, написали в объяснительных, что в момент задержания после первой самовольной отлучки Игорь А. кричал: «Все равно грохну кого-нибудь в рот и убегу!», а, по мнению автора постановления, это называется «не думал оставить часть»!

Ради чего подполковник Росляков мог закрыть глаза и подписать (если, конечно, он подписывал) нелепицу, противоречащую материалам дознания? Неужели его рукой двигало стремление поскорее сообщить по инстанциям о желанном исходе? А заодно — снять с себя ответственность: «Военной прокуратурой гарнизона вынесено постановление о прекращении уголовного дела на рядового А. по п. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления. Данное деяние переквалифицировано и учтено как дисциплинарный проступок» (выделено мною. — В. Г.). Вот где собака зарыта, и нечего лукавить: часть заинтересована в том, чтобы поменьше было преступлений или не было вовсе. Противозаконного и зазорного в этом нет, если только конечный результат не достигается элементарным замыливанием правонарушений, поисками всяческих лазеек для перевода их в разряд дисциплинарных проступков вместо конкретной профилактической работы. В том же самом заинтересован и вышестоящий орган — УВВ по Украинской ССР и ССР Молдова. Зачем портить отчетность своими же руками — за низкие показатели по головке не погладят. Сколько уже высказано гневных слов в адрес порочной системы круговой ответственности за то или иное нарушение, системы, связывающей командиров любого ранга по рукам и ногам: или работай на совесть, но в чести не будешь — что откопашь, на тебя и повесят, или камуфлируй, маскируй, словом, крутись.

Вот и Вахитов крутанул. По книге учета исходящих нетрудно выяснить, что постановление отправлено раньше, чем подписано, а с подлинными документами такого не бывает, и то, что он «отыскал у себя дома», — заведомая фальшивка. Как же можно решиться на подлог?

Запросто! Кто рискнет без указания свыше изъять постановления, подтверждающие сам факт существования уголовного дела? И дознаватель знает: командир не выдаст — никто не съест и упорствует во лжи, готовый все брать на себя...

Только безнравственная цель оправдывает средства. Столько усилий, подтасовок, откровенного вранья, чтобы подлакировать истинную картину! И все напрасно — нельзя избавиться от проблемы, загоняя ее вглубь, с глаз долой. Видимость благополучия вновь испортит рядовой А.: ушел в третий раз, доказав тем самым, что истинные причины его предыдущих самовольных отлучек не выявлены и не устранены.

В этот момент, наверное, и исчезли постановления, относящиеся к безвременно

прикрытому уголовному делу — пришлось заводить новое. Тогда-то следователь направил рядового А. на судебно-психиатрическую экспертизу: вменяем ли?

Кстати, буквально за несколько дней до второй самовольной отлучки Игоря А. командир части отказал в возбуждении уголовного дела в отношении уже упоминавшегося рядового Игоря Р. Основанием послужила справка старшего врача-психиатра части майора медицинской службы В. Щукина о том, что Р. находится на стационарном лечении в психиатрическом отделении гарнизонного госпиталя. Постановление направлено в прокуратуру за два дня до медицинской комиссии, признавшей Р. негодным к военной службе в мирное время. Откуда командир может заранее знать решение военно-врачебной комиссии? И почему этот провидческий дар не заинтересовал старшего помощника военного прокурора гарнизона майора юстиции Н. Ромаса, который проверил отказные материалы и заключил, что постановление вынесено обоснованно?

— Нельзя же быть таким формалистом! — попытался отшутиться прокурор гарнизона полковник юстиции Е. Миловидов. — Дай вам волю, всех за колючую проволоку загонител..

И отечески посоветовал для моей же пользы нигде больше об этом не спрашивать...

Некоторые офицеры за глаза упрекали прокуратуру, что она, дескать, старается при малейшей возможности не привлекать самовольщика к уголовной ответственности. Но мои попытки организовать встречу начальника политотдела части и прокурора гарнизона для совместного обсуждения причин самовольных отлучек окончились безрезультатно — полковник Гурский решительно воспротивился: «Ты приехал и уедешь, а мне с ним работать! В стране ни власти, ни порядка, может, завтра вместе безработными будем, а ты мне за беглого солдата уже голову прогрыз. Крови хочешь?»

Не крови — справедливости, компетентности, профессионализма. Законности, наконец. Да, во многом Василий Федосеевич прав: органы власти не могут в полном объеме обеспечить качественный призыв в Вооруженные Силы. Да, военкоматы работают исключительно на себя. Да, руководящие документы до недавнего времени позволяли призывать страдающих бронхиальной астмой и ночным недержанием мочи. Но нельзя сбрасывать со счетов и собственные большие издержки в деле оздоровления обстановки в части.

Нужно набраться смелости «раскручивать» каждый случай до конца, до мотивов ухода, даже если это добавит «палочек» в учеты преступлений и дисциплинарных проступков. Тем более, что за каждой «палочкой» — человек. Человек с оружием.

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО,
наш спецкор.
УВВ по Украинской ССР
и ССР Молдова.

С коллегии МВД СССР

На состоявшемся в конце августа заседании коллегии МВД СССР рассматривался вопрос о захвате воздушного судна в Якутской АССР и привлечении к ответственности лиц, виновных в чрезвычайном происшествии.

Это случилось 19 августа 1990 года. Группа осужденных и подследственных, конвоируемая из города Нерюнгри в Якутск, разоружила трех конвоиров и с угрозой применения оружия и взрывного устройства захватила воздушное судно с пассажирами на борту.

20 августа в 11 часов 55 минут самолет по требованию террористов совершил посадку в аэропорту г. Карачи (Пакистан), где преступники сдались местным властям.

Председательствующий на коллегии первый заместитель министра внутренних дел СССР И. Ф. Шиллов сказал:

— Мы расцениваем захват и угон воздушного судна конвоируемыми преступниками как особо тяжкое чрезвычайное происшествие, нанесшее ущерб государственным интересам, правам и безопасности советских граждан. Создавшаяся в результате угона самолета кризисная ситуация получила широкий негативный резонанс в стране и за рубежом, вызвала справедливое возмущение трудящихся.

Коллегия выявила и виновников данного происшествия. Отмечалось, что оно явилось следствием бездеятельности и безответственности руководства МВД автономной республики, крайне низкой требовательности и либерализма коллегии республиканского министерства и лично министра В. В. Балдуева в отношении подчиненных лиц.

Все это привело к тому, что в горрайорганах сложилась низкая дисциплина, грубо нарушались нормативные акты по организации служебно-оперативной деятельности. Так, решение на конвоирование данных преступников должен был принять лично министр Балдуев, однако руководство Нерюнгринского РОВД проигнорировало это. Министр же [всего полтора года в органах внутренних дел и уже получивший генеральское звание] о своих правах в силу некомпетентности не знал.

Коллегия обязала руководителей соответствующих служб безотлагательно разобраться с организацией содержания задержанных и арестованных, их охраны и конвоирования. С учетом уроков последних чрезвычайных происшествий обеспечить устранение имеющихся недостатков. Признано невозможным дальнейшее использование в должности министра внутренних дел Якутской АССР В. В. Балдуева. МВД РСФСР поручено внести соответствующие предложения в Верховный Совет автономной республики.

ПРАВСТВЕННОСТЬ И ЗАКОН



- А ЕСЛИ «РЕБЯТА» НЕ ШУТЯТ?
- ДВУХЦВЕТНЫЙ МИР ЮНОШЕСКОГО МАКСИМАЛИЗМА
- КОЕ-ЧТО ИЗ УРОКОВ ИСТОРИИ
- КОРЫСТНО ЛИ ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО?

ТРИ ГОДА назад из очерка «Слепой захват» читатели «Советской России» узнали об «ошеломляюще тяжком преступлении в Уфе». Младший сержант Н. Мацнев, рядовые С. Ягмуржи, А. Коновал, И. Федоткин намеревались, завладев оружием и бронетранспортером, захватить пассажирский авиалайнер и на нем перелететь в одну из недружественных СССР стран. Не стану заново пересказывать трагические события той ночи 1986 года, когда по дороге в аэропорт преступники изрешетили пулями автомобиль патрульного наряда с двумя милиционерами, как на борту захваченного «Ту-134» застрелили еще двоих, пытавшихся помешать им пассажиров, как в конце концов оказался сорванным их план и в ходе операции по освобождению самолета Мацнев был убит и ранен Ягмуржи. Не читавших очерка или интересующихся подробностями отсылаю к первоисточнику за 20 сентября 1987 года. А напомнить хочу вот о чем.

За несколько дней до налета на аэродром преступной четверке удалось привлечь на свою сторону еще двоих — рядовых К. Илюковича и Ф. Губаева. Однако, испугавшись ответственности, те буквально накануне преступления отказались в нем участвовать. Правда, разума и смелости обоим хватило только на это. И Илюкович, и Губаев твердо решили «не выдавать сослуживцев» и никому не сообразили о готовящемся захвате самолета. Первому ложно понимаемое чувство товарищества стоило двух с половиной, а второму — двух лет лишения свободы, замененных впоследствии направлением в дисциплинарный батальон на те же сроки.

Немаловажен и другой факт: несколько человек слышали, как Мацнев, Ягмуржи, Коновал и Федоткин прямо в расположении роты вели между собой разговоры о захвате самолета, об Израиле, куда они

поначалу собирались отправиться. У других они расспрашивали, охраняются ли самолеты, интересовались, как паркуются бронетранспортеры, узнавали о расписании движения в Уфимском аэропорту. А у рядового Малкова Мацнев и Федоткин поочередно допытывались, каким образом в условиях воинской службы можно захватить и угнать за границу пассажирский лайнер. Дело в том, что у Малкова было высшее образование, и преступники посчитали его наиболее осведомленным. И «специалист» охотно нарисовал им детальный план, обогатил сведениями, почерпнутыми из зарубежных публикаций. Потом, на следствии, он искренне недоумевал: да ведь ребята шутили...

ВСЯКИЙ РАЗ, знакомясь с подробностями происшествия, ловлю себя на мысли, что в сущности за редким исключением немало людей посвящаются в преступные замыслы. Но в силу то ли недопонимания происходящего, беспечности, лени мысли, душевной глухоты, то ли малого житейского опыта эти невольные свидетели остаются безучастными к развивающимся событиям, а то и просто играют в молчанку, когда по сути отмалчиваться столь же преступно. И вот тому уже недавнее подтверждение.

Находясь на боевой службе, старший сержант Ф. Полищук — помощник начальника караула-начальник КПП по пропуску автотранспорта — убил шестерых и ранил троих сослуживцев. После перестрелки с резервной группой выстрелом в голову он покончил с собой.

Не стану касаться всех причин тяжелейшего происшествия — это тема отдельного разговора. Но вот на что мне опять-таки хочется обратить внимание.

В ходе расследования было выявлено не только то, что Полищук воспитывался в

семье с психически больной матерью и трижды до призыва в армию сам обследовался в психиатрической больнице. Уже на службе он, оказывается, «имел серьезные отклонения в поведении, отличался жестокостью, говорил сослуживцам о возможной расправе с офицерами роты и некоторыми солдатами, сержантами».

— Видимо, по счастливой случайности избежали участи погибших караульных командир роты и политработник, — рассказывал мне проводивший служебное расследование полковник Валерий Яковлевич Побединский. — На руке у Полищука были написаны домашние адреса того и другого.

Так почему информация не дошла до тех, кто мог принять меры по пресечению беды? На дне чьей глухой души она осела? Почему только теперь, после трагедии, даже беглый пересказ которой леденит в жилах кровь, выясняется, что самоубийца «изготавливал взрывчатые вещества, хранил холодное оружие, анашу, допускал не дозволенные связи с осужденными, самовольные отлучки, пьянничал»? И это при том, что он практически всегда был на виду. Старший сержант, заместитель командира взвода, заместитель секретаря бюро ВЛКСМ роты, Полищук только в 1989 году был поощрен 8 раз и накануне преступления повесил на грудь знак «За отличие в службе» II степени.

Думается, ответы на все эти вопросы, как и аналогичные им, неизбежно возникающие при знакомстве с обстоятельствами других «громких ЧП», тщетно искать только в официальной документации.

ПРЕДО МНОЙ не первое и, к сожалению, видимо, еще далеко не последнее солдатское письмо, начинающееся до удивления знакомыми словами: «Здравствуйте, уважаемая редакция. Наверное, я неправильно поступаю, написав вам. Если узнают, мне наверняка не только не будет возможности служить в нашей роте и даже части, а и вообще жить не дадут. Ведь для своих товарищей я буду стукачом...»

«Стукач», «застукали», «стучать». У Владимира Ивановича Даля — великого знатока русского языка — мы не найдем этого слова, хотя само понятие имеет богатый синонимический ряд: «донос», «наушничество», «наговор», «клевета», «возведение напраслины», «оговор», а также почти не употребляемые ныне «извет» (от «изветовать» — доносить, обвинять в преступлении) и «фискальство» («фискальничать»), «фискалить» — заниматься доносами; от «фискал» — пристав, законный надзиратель).

«Стукач» — словцо блатного лексикона и уже нового времени. Как рассказывал скульптор Федот Сучков, проведший не один год в сталинских лагерях Инты, «разрушение человека в местах заключения шло не в одном направлении. Одним из проявлений его было проявление стукача,

этого бурно разраставшегося сорняка на поле пшеницы, откликнувшегося на призыв «охранительных» сил и проявившего себя в начальных опытах. Бескостные, недалекие существа рассчитывали на то, что кто-то скотит сроки их, продолжительные как вечность, поскольку они — лагерные осведомители — свои в доску...»

Но что общего между подлым корыстолюбцем, шкурником, о ком поведал Сучков, и солдатом, обратившимся за помощью в редакцию, ибо никому больше не верит и не знает, где дальше искать правды и защиты? А ведь он не просто боится, а хорошо понимает, что, прознав про это письмо, сослуживцы прилепят ярлык стукача, житья не дадут.

Как же за полвека должно было деформироваться наше сознание, чтобы сегодня люди перестали различать предательство и исполнение своего конституционного долга? Да-да! Это не высокий стиль, не ложная патетика — именно Конституция СССР обязывает каждого из нас оберегать интересы Советского государства (ст. 62), быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка (ст. 65).

На сколько же градусов дала крен наша мораль, чтобы сверстники травили парнишку, бросившего вызов унижению и подлости, видя в нем Иуду с тридцатью сребренниками за душой? Но психология молодежного коллектива сегодня такова (и я не открываю тут никакой Америки), что презрение выражается любому, пытающемуся вынести из круга ровесников решение возникающих проблем, а тем более заговорить о трениях. Юношеский максимализм окрашивает жизнь в две краски — черную и белую — и не знает полутонов. Пусть наш молодой человек будет трижды прав, из самых благих побуждений, принародно апеллируя к командиру, политработнику, «высокому начальству». Он должен быть готов (об этом пора сказать со всей определенностью) к психологическому давлению сослуживцев, а подчас и к самому настоящему духовному насилию со стороны тех, кому неписанные законы казармы более всего на руку.

Ну а все мы, не учитывая это, будем и впредь недоумевать, сталкиваясь с молчаливым потворством большинства выкрутасам кучки казарменных хулиганов, «стариковствующих», распоясавшейся «земляческой компашке», будем тратить энергию на изобретение очередных «телефонов доверия», удивляться беззубости комсомольского актива или его борьбе с неустановленной втихаря — приемами и методами тех же самых пресловутых «дедов».

«ОЧЕНЬ ЧАСТО в подразделении можно услышать о комсомольском активисте, что он «стукач», — читаю в письме секретаря бюро ВЛКСМ батальона младшего сержанта Д. Петрова. — Но кто так гово-

рит? Прежде всего — отъявленные нарушители дисциплины, к которым применены строгие меры комсомольского воздействия. Как бы в отместку эти люди стремятся очернить тех, кто удерживает их от недостойных поступков. И как правило, вокруг нарушителей формируется свой мирок — из им подобных или симпатизирующих, всегда готовых раздуть или поддержать любую клевету. Вот и не надо удивляться, что складывается порой предвзятое отношение к комсомольскому активу. А усугубляется это еще и тем, что иному командиру смелый, не лезущий в карман за словом группомсорг или комсомольский секретарь в общем-то и ни к чему. Ему по душе тихий, спокойный информатор. Такой офицер даже не задумывается, что, выслушивая нашептывания на ушко, взрачивает подхалимство и поощряет двуличие».

Не знаю уж почему, но, перечитывая эти строки, вспомнил «Кадетский монастырь» Николая Семеновича Лескова. Есть в этой небольшой повести, представляющей собой литературную обработку воспоминаний выпускника Первого петербургского кадетского корпуса Г. Д. Похитонова (впоследствии видного государственного деятеля, основателя издательства «Общественная польза»), интересный эпизод. После того, как верные правительству войска открыли огонь по декабристам, около двух десятков раненых солдат Московского полка перебрались по льду на другой берег Невы и нашли убежище в стенах кадетского корпуса.

Прознав про это, на следующий день сюда прибыл сам Николай I. Надо ли говорить, как он был разгневан. Выслушав доклад директора корпуса генерал-майора Перского, он воскликнул:

— Здесь нехороший дух!

— Военный, ваше величество, — отвечал полным и спокойным голосом генерал.

— Отсюда Рылеев и Бестужев! — не унился император.

— Отсюда Румянцев, Прозоровский, Каменский, Кульнев — все главнокомандующие, и отсюда Толь, — с тем же неизменным спокойствием и достоинством возразил Перский.

— Они бунтовщиков кормили! — не скрывая негодования, указал на кадетов государь.

— Они так воспитаны, — вновь парировал директор корпуса. — Драться с неприятелем, но после победы призывать раненых, как своих.

Николай, более ничего не сказав, уехал.

Заранее приношу извинения, ибо никого не хочу обидеть, но мне трудно представить в подобной ситуации кого-либо из знакомых командиров, и не только перед Президентом страны, но и перед министром внутренних дел, начальником войск.

Кого в этом винить? Самостоятельность, независимость — удовольствие дорогое. Но если мы все же приняли (следуя любимейшему чеховскому выражению) по

капле выдавливать из себя раба, начинать, видимо, надо с позвоночника, которому должна быть чужда эластичность такого рода. Хочется верить, что посредством Офицерского собрания к нам вернуться многие, утратившие истинный смысл понятия, без чего на письмо младшего сержанта пока невозможно ответить.

НАВЕРНЯКА все было бы значительно проще, не настрадайся так наше общество за все эти годы. Куда подевалось исконно русское правило: «доносчику — первый кнут!»? В деле каждого осужденного в тридцатые-пятидесятые фигурирует донос соседа, сослуживца, знакомого, а то и родственника. Поэтому как не согласиться с людьми, призывающими создавать в стране такую обстановку гласности, демократии, чтобы доносительство становилось невозможным. Чтобы наша система сама по себе была нравственной, моральной, не давала возможности всякому отребью творить наветы на честных людей. Иными словами, всем нам надо дружно возводить правовое государство, где «руководит Закон, а не очередной живой вождь». Но если его построение — все-таки перспектива ближайшего будущего, что же делать сегодня, чтобы уже теперь жить лучше, правдивее, чище? А вот здесь-то полнейший разнобой мнений. Немало среди них и таких. «Хватит нам стыдиться называть вещи своими именами, — заявляла в «Литературной газете» Л. Графова. — Донос он и есть донос, а никакая не «сигнал», не безликое сообщение... В житейской практике, в вековой истории «донос» и «доносчик» однозначно ассоциируются с подлостью. Никакими высшими соображениями о благих целях невозможно реабилитировать (и — зачем?) скомпрометированное средство. Так приемлемо ли оно в нашей борьбе за правду и социальную справедливость?»

С такой постановкой вопроса соглашаться нельзя. Да и как можно сообщать о готовящихся, совершаемых преступлениях, злодеяниях смешивать с доносами, за которыми во все времена скрывалась корысть? Не поняв этого, нам никогда не одолеть преступность, продолжающую расти, как на дрожжах.

Не лицемерно ли рассуждать о доносительстве, когда речь идет о гибели близкого нам человека, о смерти беззащитных детей?! Неужели уместно размышлять о мерзости фискальства при виде готовящегося преступления, которое в наших силах предотвратить! Эти вопросы поставлены Е. Шереметьевым, сотрудником КГБ, принимавшим самое активное участие в операции по обезвреживанию банды Яшкиянца, если вы помните, захватившей во Владикавказе автобус со школьниками и пытавшейся путем шантажа обеспечить себе вылет за рубеж.

Они обращены и к нам с вами.

Е. АНАТОЛЬЕВ.

ЗА ПОВОРОТОМ ПОВОРОТ





Работа с техникой — дело нелегкое, чисто мужское. И хотя не всегда военная форма и руки этих неулыбчивых парней блестят чистой и опрятностью, зато автотехника, вверенная им, что называется, на ходу.

■ В профессиональной подготовке молодого водителя рядового В. Олейченко и начальника КТП прапорщика А. Бойко разница ощутимая. Потому и заглядывает частенько к Валерию Анатолий Васильевич.

■ Не так-то просто перебрать двигатель, устранить неисправность. Впрочем, рядовым Андрею Рыбалко и Тенгизу Ашубе простых поручений не дают. Не та квалификация...

■ Токарь рядовой Александр Волчок в автопарке фигура заметная. По груди и честь.

Фото Б. БУЛГАКОВА.

ПАВЕДОНОСЕЦ

1



В КИШАЩЕМ бедой непокое,
С мечом, со щитом, с булавой
На свет появились герои.
Откуда приходит герой?
Откуда, скажите, откуда
Начало геройство берет?
Нежданно, как некое чудо,
Героя рождает народ,
Священными всплесками света
Во мраке он радует нас.
Однако явление это
Кому-то не в пору сейчас.
Старайтесь, мордуйте, глумитесь,
Но знайте: нам нету преград,
Когда появляется витязь
Из наших бесштаных ребят.
Когда в его гневные руки
Обиды вверяет народ,
И мукн тогда нам не мукн,
И смерть нас тогда не берет.
Георгий,
Что в горе не тонет
И не пропадает в беде,
Ведет нас к победному часу
На облачно-пенном коне.

2

О ПРОШЛОЙ войне памятью,
Пытаясь былое понять,
Правдиво и просто хочу я
О Жукове вам рассказать.
На страх толчее bestолковой,
В сумятице путаных дел
Не раз этот воин суровый
Со Сталиным дело имел.

А деспот весьма был неглупым,
Он видел, что в Жукове есть
Все то, что приводит к победе:
Предвиденье,
Четкость
И честь.
Он видел, что бойня все туже
Сплетается в гибельный жгут,
Он знал, что солдаты на фронте
Железного маршала ждут.

* * *

*Сказать даже как-то неловко,
Название, Боже ты мой,
Река Огублянка,
Деревня Стрелковка,
А надо ж, родился герой!
В Георгия день
Родился он,
Георгием был наречен.
И с этого самого часа
С Победою был обручен.
Минуя все горести, мчится
Табун необъезженных дней.
И вот уж в столицу учиться
Торопится мальчик скорей.
Скорняжное дело—не шутка,
Всегда при деньгах как-нибудь.
Стрелковка,
Цветок-незабудка,
Юрашку * не позабуди!*

3

МЫ ПЛОХО
Те пружины знаем

Войны
Вильгельма с Николаем,
Но ведь ни тот
И ни другой
Войны, как пить дать,
Не хотели.
Все о родстве
Друг другу пели,
А надо ж — кончилось войной.

* * *

И вот уже взвыла деревня,
И город в три горла орет,
И вот уже валит деревья
Для нужд похоронных народ.
Война, она разве кому-то
Из люда простого нужна?

* Юрий—славянская форма от древнегреческого имени Георгий.



278

Наступит лихая минута
И все взбаламутит до дна.
Георгию не позабыла
Война трехлинейку всучить.
Забрила, помыла, забила
В казарму
Служить—не тужить,
Ремень подтянувши потуже,
Он хмыкнул:
— Гляди веселей!
Ну что ж,
Коли нужно,
На совесть
Послужим Отчизне своей!
Вот так превратился в вояку
Старательный, хваткий скорняк.
Гоняли его как собаку
Средь точно таких же собак.
Служил он потом в Балаклаве,
В драгунах,
Награды имел.
Не рвался особенно к славе,
Но был необузданно смел.
Драгуны.
В седле, а не пехом,
Вольготней и пища жирней.
Заботы—о стенку горохом,
Служи, головы не жалей!

* * *

Но вот
Пришел тот самый год,
Когда смешались
Кровь и пот.
— Переворот, переворот...
— Долой!
— Да здравствует!
— Даешь!—
Удавка, пуля,
Финский нож.
— А потом,
Потом, потом
Было дело под мостом.
— Под каким еще мостом?
— Да под тем, что за крестом.
— Во какая заваруха —
В комара влюбилась муха!
— А сегодня плачут:
Зря
Загубили, мол, царя.
— В дурнопахнущем подвале
Их не гляючи стреляли.
— А чтоб тишь
Да гладь была,
В кислоте сожгли тела.
— А голову царя — в мешок
Да в Чикаго на торжок.
— Император русский в банке
Экспонатом ихним стал.
— Революции всемирной
Очень нужен капитал.
То ли дьявол,
То ли кот
Умывает лапкой рот.
У пенснистого кота
Нонче власти полнота!
Там ЧеКа,
А тута нож.

Бей своих,
Моих не трожь!
Не охота драться,
Да некуда податься.
Много было всякого
У Сеньки и у Якова.
Кулаком по кулакам!
Нету счета дуракам...
Ах, калина-калина,
Черный ус у Сталина.
Кто в колхозе,
Кто в Сибири,
Кто в навозе,
Кто в квартире
С дверью кожаной уже
На девятом этаже.
Пес скулит,
А кот мурлычет.
Коля с Полей
Магарычат.
Слово —
Делу голова.
Трупы в дровнях,
Что дрова.
Жизнь идет,
Страна поет:
«Не спи, вставай,
Кудрявая...»
Двадцать девятый год.

4



Х, ДАЛЬНИЙ-предальний,
Далекий Восток,

Богатый и вкусный
Монгольский кусок.
Японский император
У нашего плетня
Пытался сесть однажды
На белого коня.
И, может быть, уселся б.
Когда бы не кабы,
Но конь был норовистым,
Взвивался на дыбы.

* * *

И вот заехал
Святой Егорий
В леса дремучи,



Где бродит в полночь
Хозяин смерти
Мороз трескучий.
Глядит Егорий,
Повсюду волчьи
Глаза огнятся,
Конь вспрел от страха
Коняги ой как
Волков боятся.
— Вы мне не волки,—
Вскричал Егорий,—
Вы мне собаки!
Не то готовьтесь,—
Вскричал Егорий,—
К смертельной драке!
Иные звери
Закрыли пасти,
Хвосты поджали,
Как псы от палки,
Дрожа от страха,
Во тьму бежали.
Но те, что злее,
Да посмелее,
Да поумнее,
Поклялись службу
Служить герою
Собакам вернее.

Камацубара генерал
Отлично в шахматы играл.
— Терпенью учатся у пчел,
Не торопясь я все учел,—
Сказал Камацубара тот
И сделал очень дерзкий ход.
Но был разбит на Халхин-Голе
Георгием
По Божьей воле.

Халхин-Гол стал большой школой для
Красной Армии. Мы научились учитывать
даже те мелочи, вроде комаров, которые
причиняли нашим войскам особые неприятности.
По вечерам комары буквально
заедали нас. Японцы спасались специальными
накомарниками, мы их не имели и
изготовили с большим опозданием*.

— Да кто же, кто
Георгий тот?
— Да Жуков,
Мальчик из Стрелковки,
Которого не первый год
Боятся и враги, и волки.
Юрашка,
Сказать даже
Как-то неловко,
Мальчишка
Из дальней деревни
Стрелковки,
Что смотрит домами
В реку Огублянку,

* Здесь и далее в основе прозаических
фрагментов использована книга Г. Жукова
«Воспоминания и размышления».

Где крик петушинный
Стоял спозаранку,
Где блеяли овцы,
Мычали коровы,
Где жили негромко,
Но были здоровы.

5



Н А ЖУКОВА того не раз
Сам Сталин шурил

Хищный глаз.
Учитель, наставник, радетель,
Вершитель великих побед.
Суровый и строгий родитель,
Незыблемой воли портрет.
Тщедушный, болезненный телом,
С белой оспяной на лице,
По белому свету на белом
Мечтал проскакать жеребце.
А в это же время в Берлине
Росточка такого же гном
Был мучим под душной перинной
Таким же ублюдочным сном.
Бывает, сбываются грезы
Маньяков, вождей, упырей
Сквозь скрежет зубовный, и слезы,
И кровь неповинных детей.
И многим из них, и во многом,
О чем удалось умолчать,
Придется признаться пред Богом,
Придется за все отвечать.
Наступит тот час и осудит,
И спросит всевидящий глаз
За то, что бывало и будет,
За то, что творится сейчас.
За все,
За Кабул и Чернобыль,
За Фрунзе, Баку, Сумгаит.
Пробьет этот час,
Коль не пробил,—
Огонь очищенья горит.
Две разных, но дьявольских силы
Бичами речей и идей
Со свистом
Сгоняли в могилы
Безмолвных, как тени, людей.



Все в мире
 Дышало грозою
 Над той и другою страной,
 И вот разразилось бедою —
 Неслыханной в мире войной.
 — Вы все теперь валите в кучу:
 Фашизм, коммунизм, сионизм.
 — А что!
 Это сбившийся в тучу
 Над миром
 Один катаклизм.
 — Ну нет,
 Коммунизм—это все же
 Источник трех светлых начал.
 Я не был средь тех редькорожих,
 Кто блага с идеи качал.
 — Начала? Какие?
 — Свобода!
 — Свобода труда для народа?!
 — А равенство?
 — Равенство тоже
 На равное рабство похоже.
 — А то, что касасемо братства,
 Так это ж —
 К богатству богатства!

*То над явью,
 То над снами,
 То вообще наоборот
 Дьявол шутики шутит с нами,
 То хохочет, то поет.
 Тыры-тыры,
 Пыры-дыры,
 Есть прорухи,
 Несть старух.
 Дьявол знает,
 Где есть дыры,
 Кошка чует
 Мышкин дух.
 Дьявол знай себе колбасит,
 В матюгальники орет,
 Красной краской
 Уши красит,
 По церквам
 Из пушек бьет.
 Потому, когда зевашь,
 Прикрывай
 Ладоншкой рот,
 А не то, что пес залагашь
 Иль ослепнешь, словно крот.
 Дьявол видит,
 Дьявол знает,
 Дьявол трещинку найдет.
 Дьявол душами играет
 И за пазуху кладет.
 Не скорбит,
 Не спит,
 Не тужит,
 Ищет он такой народ,
 Чтoб связать его потуже
 Да забить землю рот.*



ОВАРИЩ Сталин,
 Не знаю даже,

Как сказать...
 Нам Ленинград
 Не удержать...
 — Как это так,
 Не удержать?!
 Не соглашусь я
 Никогда!
 Сейчас же
 Жукова сюда!..
 — Летите в этот
 Адский склад
 Несчастий наших.
 Дело плохо.
 Но вы без «охов»
 И без «охов»
 Спасайте
 Город Ленинград!

Фашисты уже ликовали,
 Штампую металл для наград,
 — Хайль Гитлер!
 Нах Остен! — орали,
 Готовясь войти в Ленинград.
 И сам себя фюрер, рисуя
 Героем на белом коне,
 Улыбки для прессы даруя,
 Был счастлив в то время вполне.
 Не ведала падаль чумная,
 Что в город
 Над славиной Невой
 Въезжал уже, бронзой сверкая,
 С иконы Георгий святой.
 И в Жукова он превратился,
 И в Смольный вошел не спеша,
 И волей суровой добился
 Того, чем дышала душа.
 Стал город на Неве судьбой
 Страны,
 Идущей в смертный бой!

ИЗ ТАЙНОГО архива
 Особых войск СС:

«...И миновав счастливо
 Тот злополучный лес,
 Я дальше по приказу



Шел не спеша тропой,
И за подлеском сразу
В тумане над рекой
Увидел я большого,
Как облако, коня
И всадника,
Который
Вдруг приподнял меня
Железною рукою
Над лесом и рекой,
Над городом, над морем
И над самим собой.
И швырнул с размаху,
И прощедил:
— Капуть!
Я поседел со страха
За эти пять минут.
Майн Готт, что в небе ясном,
Я не могу понять...»
А дальше броско, красным:
«За трусость—
Расстрелять!»

Враг подошел вплотную к городу на Неве. Танки прорвались к мясокомбинату. Измученные нечеловеческим напряжением и голодом, превращенные в тени защитники города снова и снова отбрасывали разъяренного железного змея на исходные рубежи. «Черной смертью» называли немцы наших не знающих страха балтийских матросов. Ни голод, ни холод не сломили дух защитников Ленинграда. Мужество наших людей, нестандартная стратегия обороны сумели остановить и опрокинуть противника.

7

Да, то, что Гитлеру мечталось,
Как сон рассыпалось,
Распалось.
Москву хотел он
Взять с налета,
Разграбить,
Превратить в болото.
Полки отборных палачей
Готовил он
Для москвичей.
Сжечь все и вся
И навсегда!
Чтоб ни былинки, ни следа!
План гениальный и простой—
Взорвать,
Сровнять,
Залить водой!
— Товарищ Сталин...
— Нет, нет, нет!
Я не могу
Москву оставить.
Себя и партию ославить
В такой решительный момент.
Нет, окончательное нет!
А ну-ка, Жукова скорей
Ко мне сюда,
Ему видней
Где, в чем,

Какая здесь беда...
— Товарищ Жуков,
Нам столицу
Нельзя никак
Врагу отдать.
Надежда есть?
Хотя б крупницу
Надежды
Надо отыскать,
Из той крупницы
Силы взять,
Рвануть вперед
И показать,
Врага
Безжалостно круша,
Что значит
Русская душа.

А ГЕНЕРАЛ Гудерман, Готовя танковый таран,

Сказал, не открывая рта:
— Считайте, что Москва взята!
И двинул танки и полки
Тогда на нашу оборону.
Нигде и никакому стону
Не выразить людской тоски
По тем, кто пал.
Плачь, сердце, плачь...
Но не прошел в Москву палач.
Свидетели событий тех
Поклясться могут головою:
Не дождь,
Не слякоть
И не снег
Разбили немцев под Москвою.
Был час тот страшным,
Гитлер мог...
Но встал народ,
И Бог помог,
Был обескровлен
Подлый враг,
С кровавой пеной на губах
Уполз, свернув зменный флаг.
Народ.
Конечно же, народ.
А был ли тот,
Кто вел народ?
Был, был, невдалеке,
Не дымкою прикрыт,
А дымом.
Не в небе с пикою в руке
На скакуне неуязвимом,
А с можжевеловой клюкой,
В папахе
И как штык прямой.
Шагая вдоль передовой,
Он удивлял бесстрашьем нас,
Георгий,
Что Россию спас.
Что та гора, неуязвимый,
Как сам народ, непобедимый,
Он шел сквозь смерть,
Сквозь гром и вой
На удивленье всем
Живой!
Да кто же,
Кто же тот герой?

Да Жуков,
Мальчик из Стрелковки,
Которого не первый год
Боятся и враги, и волки.
Герой—на то он и герой,
Чтоб за народ
Стоять горой!

8



РТОРАЯ русская зима
Сводила Гитлера с ума.

И тайно в катакомбной тьме
Он жертвы приносил Зиме.
(Мы можем в архивах
Тех лет обнаружить,
Что он, поклоняясь
Космической стуже,
Иной раз в припадке
Безумных страстей
Живьем замораживал
Сотни людей).
Одннадцать армий
Отборных солдат
В кольцо зажали
Сталинград.
Две тысячи сто
Боевых самолетов
И столько же лучших
Немецких пилотов.
Машинны, машины,
Моторы в броне—
Все брошено было
В утробу войне.

— А ну-ка, Жукова ко мне!
Без риска нет
Побед в войне.
Бить надо сразу
С двух сторон.
Он прав.
На то и Жуков он..

Поехал дальше
Святой Егорий
Во поле чисто.
Навроде полдень,
А в небе хмуро,

Темно и мелисто.
Не тучи это
Собрались в небе,
А птиц станицы.
Орлы кружатся,
Вороны грают,
Шумят синицы.
Глядит Егорий
На стаи птичьи—
Что за примета?
От белых, черных
И сизокрылых
Не видно света,
Вскричал Егорий
Такому чуду:
— Эй вы, пернаты,
За мной летите
К студену морю
На пир богатый!

НЕ СЫЩЕТЕ—
Не было под Сталинградом

Клочка земли,
Не изрытой снарядом.
Уверен был фюрер:
Падет Сталинград.
Но те, кто случайно
Вернулся назад
Из этого зимнего ада
В Дойчланд,
Тому, я скажу вам,
Давно уж не надо
Ни звездных наград,
Ни сапог для парада.
Но многие помнят из них
До сих пор
Не страх и не холод,
Не боль, не позор.
Тревожит всю жизнь их
Явление такое,
Которое, можно сказать,
Неземное.
Однажды был зимний
И солнечный день,
И вдруг появился
Какая-то тень,
И в небе
Над снежной пустыней великой
Явилось виденье
С приподнятой пикой.
— Капут, —
Прозвучало над степью,
— Капут!
Явление длилось
Двенадцать минут.
Три раза
«Капут» это
Эхом звучало.
И было оно
Перелома начало.
Виденье?
Виденье на белом коне,
Но в жизни
Реальная личность вполне.

(Окончание следует)

ДЫРА В МЕТ ДИЖЕ

■ СЛОЖНЫЕ
УСЛОВИЯ И
УСЛОВНЫЕ
СЛОЖНОСТИ

■ БУМАГА
СТЕРПИТ.
А СЛУЖБА!

■ ШТРАФ ЗА...
ПОБЕГ

ИЗ ПИСЬМА в редакцию майора В. Григорьева: «Нет сомнений, что назрела необходимость дополнительных выплат за службу в ночное время и праздничные дни, материального поощрения отличившихся и в целом — дифференцированной системы оплаты контролерского труда с учетом условий службы».

Старо утверждение: армия — самый консервативный механизм общества. А все равно обидно. Обидно, что меняться она начинает последней, оправдывая репутацию арьергарда. И потому, когда нынешняя офицерская молодежь начинает сетовать, что службу приходится править дедовским способом — она недалеко от истины. Сколько воды утекло с тех пор, как ввели в действие небезызвестную методику определения численности контролеров для надзора? Без малого четверть века минуло. Да и нормы выделения контролерского состава уже три пятилетки продержались — две застойные и одну перестроечную. А ведь жизнь не стоит на месте, усложняясь порой совершенно неожиданно. Вот тут бы и не зевать, приравниваться к ней, подравнивать шаг. Куда там! При нашей ли неповоротливости такие чудеса творить? Ведь не столько в очередном руководящем указании корень зла (хотя и в нем тоже), сколько во всей методике работы с контролерами.

Остается довольствоваться печальной констатацией фактов. А они напоминают: только за последние годы в системе исправительно-трудовых учреждений, структуре колоний, их наполнении и составе спецконтингента произошли значительные изменения, ряд из которых очень трудно отнести к позитивным. К примеру, в связи с гуманизацией уголовно-правовой политики и судебной практики, с одной стороны, и резким ростом преступности — с другой, в ИТУ заметно ухудшилась криминогенная

обстановка. Почти две трети осужденных ныне — рецидивисты, да еще какие! Как было сказано на пресс-конференции в Прокуратуре СССР, прошлый год оказался самым криминогенным для ИТК и следственных изоляторов. Уровень преступности в колониях вырос на 84 процента, в изоляторах и тюрьмах — на 62 процента, в лечебно-трудовых профилакториях — почти в два раза. Участились случаи нападения на работников ИТУ, военнослужащих, захвата их в качестве заложников. Только в 1989 году было захвачено 177 заложников (из них 83 женщины). Значительно выросло количество побегов, групповых неповиновений.

Не радует и статистика нынешнего года. Сейчас в исправительно-трудовых учреждениях страны содержится более 700 тысяч человек (данные на 1 мая 1990 года). Из них 70 процентов осуждены за тяжкие преступления. Ежегодно в колониях изымается более 90 тысяч литров спиртных напитков, 2 миллиона рублей, 130 килограммов наркотических веществ (прокуратура считает, что это еще не все «запасы»).

Все чаще и чаще поступает тревожная информация о случаях открытого организованного противодействия осужденных администрации и войсковым нарядам. Массовых отказов от выходов на работу и приема пищи, например, в прошлом году зафиксировано около двухсот. При нынешней взрывоопасной обстановке в ряде регионов страны такие «фитили» могут сослужить недобрую службу.

Что мы можем противопоставить этим негативным тенденциям? В идеале — усилить контроль и надзор за осужденными. Но какие бы строгие и правительные приказы на повышение бдительности и улучшение качества несения службы мы контролерам ни отдавали, у каждого из них по-прежнему остается по два глаза, чтобы видеть, и две руки, чтобы действовать. А

глаза и руки нужны повсюду, их хронически не хватает на охраняемых объектах. По данным Прокуратуры СССР, в Швейцарии на одного заключенного два сотрудника, у нас — один сотрудник на сто осужденных. Комментировать цифры нет смысла. Простейшие арифметические расчеты показывают, что сокращение количества осужденных и соответственно контролеров не привело к равновесию, а, напротив, усилило диспропорцию между объективными условиями надзора и скудными возможностями его осуществления.

Выход один — увеличить численность контролерского состава. Вопреки патриархальным методикам определения численности и нормам положенности. Только тогда нам не придется закрывать глаза на то, что далеко не всегда и не везде выставляются раздельные парные посты для патрулирования на объекте, а контроль за осужденными в общежитиях, медчасти, школе, училище, при погрузке, разгрузке транспорта и его сопровождении по территории, а также на других изолированных участках — откровенно поверхностный. И иным в подобных условиях быть не может.

ИЗ ПИСЬМА в редакцию майора В. Григорьева: *«План охраны стал для нас сегодня документом символическим, нереальным, так как штатная численность взвода не согласуется с задачами обеспечения надежности охраны и соблюдения режима содержания осужденных. Что-то одно — или кучные штаты, или высокая надежность. Дошло до того, что командир роты, его замполит, командир взвода и даже старший техник фактически стали начальниками караулов, имея до пятнадцати полусуточных нарядов в месяц. Помощников начальника караула, естественно, не назначаем. Стоит ли объяснять, как это все сказывается на служебно-боевой деятельности подразделения.»*

Да и до штатной численности уже не дотягиваем. Совет Министров Латвии отнял у нас возможность принимать на службу «мигрантов». А низкие оклады контролеров (вдвое меньше среднемесячной зарплаты по республике), иллюзорные, почти несбыточные надежды на получение квартиры, отсутствие перспектив для служебного роста и антиармейские настроения за территорией военного городка лишили нас притока свежих сил. Выходит, сами подрубили сук, на котором сидим...»

Ситуация действительно парадоксальная: устаревшие, мхом поросшие, не отвечающие элементарным, насущным требованиям дня нормы и методики противоречат здравому смыслу и подчас прямо вредят службе, а мы покорно следуем им. Даже на нарушения устава идем. Примеры? Пожалуйста. Войсковому наряду контролеров нужна резервная группа для действий в исключительных случаях, а где ее взять, если порой маршруты прикрыть нечем?!

Чем не предпосылка для ЧП? Да что там о резерве говорить, если добрая половина постов на объекте — безнадзорна. Неужели и это не основание для того, чтобы пересмотреть древние параметры и повернуться, наконец, лицом к контролерской службе? Чего мы ждем? Какой катаклизм заставит нас сделать это?

Да, нагрузка велика, это бесспорно. А оплата? Ведь и тарифные разряды денежного содержания контролеров тоже не пересматривались около пятнадцати лет. И честно признаться, немного у нас в войсках столь сложных и одновременно низкооплачиваемых военных специальностей среди прапорщиков. Подобное же сочетание еще никогда не способствовало улучшению качества работы, поднятию престижа профессии.

Но оплата труда контролеров не соответствует не только незавидным условиям их службы, но и положениям, касающимся деятельности сотрудников ИТУ. Известно, что ведомственными нормативными актами контролерский состав отнесен к сотрудникам исправительно-трудовых учреждений. И это правомерно, ибо контролеры выполняют предписания закона об обеспечении изоляции осужденных и осуществлении постоянного надзора за ними. При чем выполняют в тех же (а иной раз и в худших) условиях, что и сотрудники администрации, а суммы, за которые и те и другие расписываются ежемесячно в ведомостях, заметно разнятся. Кроме того, весьма значительны ножицы в оплате труда в зависимости от режима содержания. Только один пример: должностные оклады работников ИТУ общего и строгого режимов отличаются на десять — пятнадцать процентов, контролеров — всего на четыре — восемь процентов. При желании можно пройтись и по другим параметрам, не забывая, однако, что на контролеров, как ни странно, не распространяется принцип материального стимулирования результатов труда по итогам производственно-хозяйственной деятельности ИТК, хотя ими делается немало для пресечения немотивированных потерь рабочего времени осужденными.

ИЗ ПИСЬМА в редакцию майора В. Григорьева: *«Я не знаю, можно ли считать перестройкой то, что происходит в нашем коллективе в последние годы. Уменьшилась штатная численность взвода контролеров по надзору. Сокращение, как и следовало ожидать, ослабило надзор за осужденными, зато увеличило служебную нагрузку контролеров. Как результат, вслед за «лишними» ушли и некоторые из признанных мастеров службы.»*

Сегодня популярны различные социологические исследования. Дабы не отставать от времени и выяснить, насколько мнения с мест согласуются с настроениями и позицией авторов, мы провели небольшой экспресс-опрос тех, кто так или иначе связан с контролерской службой. Можно ли,

оперируя его обобщенными результатами, делать всеобъемлющие, категоричные выводы? Вряд ли, однако и бесполезными данные этого небольшого исследования тоже не назовешь. Тем более, что отнесено оно к проблеме столь же не новой, сколь и неизменно актуальной—материальному стимулированию людей, обеспечивающих надежность охраны объектов.

Все опрошенные были на редкость единодушны: результаты боевой службы должны непосредственно влиять на итоговую сумму в денежной ведомости. И это ничуть не попахивает меркантильностью и рвачеством, а, напротив, устраняет ненавистную уравниловку, при которой и ленивый, и усердный зарабатывают одинаково, соотносится с принципом «...каждому по труду».

Высказывались и суждения как можно чаще использовать рубль и как можно реже—благодарность для поощрения военнослужащих: что поделаешь, если громкие слова и звучные фразы девальвируются быстрее, чем дензнаки. И пусть, дескать, альтруисты от идеологии не опасаются за мораль и нравственность личного состава; он не пострадает и не увязнет в стяжательстве: маловероятно, что в коллективе, где все делается «за спасибо», бездельников и разгильдяев меньше, чем там, где оплата идет наличными, в зависимости от конкретного вклада каждого в общее дело.

Кроме того, некоторые усматривают в этой акции долгожданную и счастливую возможность поднять, наконец, пошатнувшийся в последние годы престиж воинской службы вообще и службы внутренних войск в частности. Мотивировка до удивления проста: высокооплачиваемые по справедливости профессии популярны всегда, независимо от настроений в обществе и преобладающих лозунгов и призывов.

Конечно, не во всем доводы участников экспресс-опроса достаточно убедительны. Соблюдая данное обещание анонимности, безотносительности, отметим: один офицер, к примеру, обязательность материального стимулирования аргументирует тем, что осужденные, мол, за выпуск из-под охраны предлагают прапорщикам довольно крупные суммы, нередко превышающие размеры их денежного содержания. Думается, не к лицу нам, отталкиваясь от исходного тезиса о необходимости повышения надежности охраны, представлять возможное решение рассматриваемой проблемы в виде своеобразного соревнования командования части и охраняемого контингента: кто больше даст? Это абсолютно недопустимо и потому, что никакое стимулирование не должно подменять и, к счастью, не подменяет собой такие понятия, как воинский долг, честь, достоинство, совесть. И уж, разумеется, не отменяет соответствующие статьи Уголовного кодекса и военного законодательства.

Каковы же, по мнению опрошенных, ре-

альные пути обеспечения материальной заинтересованности военнослужащих в качественном несении боевой службы по охране объектов? Примечательно, что здесь особых разногласий не возникло, не было предложено и фантастических проектов,—все в разумных пределах войсковой практики. Видимо, тема эта не раз обсуждалась кулуарно, и в ходе неформальных дискуссий определились приоритетные направления, на которых сошлись даже самые рьяные поборники стимулов.

85 процентов участников экспресс-опроса в качестве наиболее приемлемых вариантов назвали такие, как периодическая выплата контролерам оптимальных процентов с изъятых при обыске сумм, ежемесячные, ежеквартальные премии, скажем так, за «беспобеговость». В последнем типе поощрения усматривается способ совместить личную ответственность с коллективной. И, наконец, третья, часто упоминаемая мера,—штрафы за **непосредственных** (выделено опрошенными, видимо, в противовес существующей системе поголового наказания снизу доверху.—**Авторы**) виновников: и за побег, и за невыход на службу, и за многое другое. Иными словами, заменить выговоры, простые и строгие, на различной силы удары рублем. Справедливости ради следует отметить, насколько широко признается целесообразность «одаривать», настолько же —зыскивать, примерное равновесие соблюдается.

Безусловно, перечень осмысленных «нововведений» не полон. Предлагаются и почасовая оплата службы контролеров, дабы все, кому не лень, не злоупотребляли их служебным временем, и различные надбавки за суточные дежурства и прочие виды нарядов, не связанные непосредственно с выполнением функциональных обязанностей. Есть даже ссылки на вооруженные силы Соединенных Штатов, где, по некоторым данным, существует около двух десятков видов материальных надбавок и льгот.

И еще несколько слов об одной, на наш взгляд, любопытной детали, проявившейся в ходе опроса. Около 60 процентов однозначно ратующих за материальное стимулирование убеждены, что, несмотря на демократизацию и гласность, их личное мнение вкуче с общественным, войсковым неспособно ни в коей мере повлиять на решение этой назревшей проблемы. Причем диапазон аргументации достаточно богат: от категоричного «нет, потому что такого никогда не было», до обстоятельных объяснений, что руководство, способное сдвинуть дело с мертвой точки, абсолютно не заинтересовано в позитивных переменах: оно далеко от охраняемого объекта и потому ничего с этого иметь не будет.

Разуверились люди. И все же хочется надеяться, что о наших контролерах наконец вспомнят.

Полковник Ф. МАЛЫШКИН,
майор А. УШАР.

НУЖЕН ЛИ ПОСТУ ЧАСОВОЙ?

Я убежден (и пусть мне попробуют доказать обратное): активный способ охраны объектов себя исчерпал. Почему?

Первое и самое главное — люди. Да, войска выполняют действительно важные задачи. Но, согласитесь, все же не от хорошей жизни поручаем мы восемнадцатилетним парням с еще не устоявшимися мировоззрением и психикой охрану преступников. Стоит ли объяснять, насколько пагубно сказывается на часовых непосредственная близость осужденных, необходимость терпеть их насмешки, угрозы и оскорбления, постоянная «вербовка»?

И, как результат, второе: опасность и возможность неслужебных связей, которые нередко заканчиваются гибелью ни в чем не повинных людей. Да, мы боремся с предательством интересов службы, но если устранить его причину, отпадет и следствие.

Третье — ненадежность человека на посту. Не в плане моральном, а в физическом смысле. Пусть он хороший, честный, подготовленный в служебном отношении воин, но есть у него один существенный недостаток, который не исправишь, — утомляемость под воздействием тягот и трудностей. Анализ проверок службы в караулах показал: в ночное время примерно каждый пятый часовой находится в полудремотном, если не сказать большего, состоянии. Бодрые и отдохнувшие, они прекрасно осознают необходимость бдительности и неусыпной зоркости на боевом посту. Однако многочасовое бдение с нередко увеличенной служебной нагрузкой помимо их воли (а мы делаем расчет на то, что у каждого не воля, а кремьень) притупляет актуальность уставных постулатов.

Четвертое — часовые не только с переменным успехом пытаются подменить собой технику, но и (предвижу гневные возражения) негативно влияют на состояние датчиков обнаружения, находящихся в зоне их досягаемости. Анализ причин «ложных» срабатываний датчиков позволил сделать вывод: более трети их — на совести часовых, причем не всегда в этом случае совесть остается чистой, так как «связникам» датчики — серьезная помеха. И такие факты, как вывод технических средств из строя, несанкционированное отключение отдельных датчиков обнаружения, перевод системы «Ночь-12» в режим «контроль», искажение или уничтожение оперативных записей на сред-

ствах документирования, — увы, не атрибуты приключенческих историй, а реальность.

И пятый аспект — чисто теоретический: по данным исследований Военно-инженерной академии имени Куйбышева, надежность «работы» часовых — 60 — 70 процентов, а инженерно-технических средств — 95—97 процентов. Разница ощутимая, если учесть, что у осужденного нередко не более одного шанса из ста на побег и он им пользуется, а это уже один процент. На мой взгляд, настала пора переходить (или возвращаться?) на способ оперативного дежурства.

Серьезный аргумент в пользу этого — рост количественных и качественных параметров инженерно-технических средств (даже с учетом имеющихся недостатков) на охраняемых объектах. Часовому-оператору вполне по силам держать в руках нити от всей системы. А помочь ему в этом может микропроцессор. Введенный в состав «Ночи-12», он бы с успехом обрабатывал поступающие сигналы, отсеивал недостоверные и выдавал сигнал тревоги только в случае фактического преодоления нарушителем линии охраны. Это сначала, а там, глядишь, и вовсе «вытеснил» бы человека, работая по заданной программе в автоматическом режиме с выдачей информации непосредственно начальнику караула.

Скажите, фантастика? А мне думается, что это могло быть уже пройденным этапом, если бы мы не норовили любой сложный вопрос решить методом выделения. Выделения людей для заделывания брешей в системе охраны. И то правда, рассуждает иной начальник, зачем ломать голову над усовершенствованием имеющихся средств и приобретением новинок? Куда проще скомандовать: «Рядовые Иванов и Петров, на посты шаг-гом...»

Конечно, внедрение качественно новой техники потребует определенных материальных затрат, но они, безусловно, окупятся сокращением численности личного состава. Подсчитайте на досуге, сколько стоит служба солдата, включая подготовку, а затем сравните со стоимостью «обученного» датчика или какого иного прибора. Сами увидите: активный способ — способ затратный. Не всякому посту часовой нужен.

Майор В. БЕЛЯЕВ.

Приволжское управление внутренних войск.

СЛУЖБА

ПО НАЙМУ?

ЗА!

Известно, что Съезд народных депутатов СССР принял решение о комплектовании в перспективе наших частей на добровольной основе. И хотя постфактум, но все же возникает сомнение, а насколько объективным является такой шаг? И не преждевременен ли он? Этот вопрос, кстати, задают и читатели. Вот письмо рядового В. Самарина. Он пишет: «Полная профессионализация внутренних войск, несомненно, потребует многомиллиардных расходов. А экономика страны и без того терпит урон. Так стоят ли торопиться?»

— В самом деле, Вячеслав Александрович, не спешим ли! — с этого вопроса началась наша беседа с заместителем начальника отдела разработки проблем внутренних войск подполковником В. А. СИРОТКИНЫМ.

— Такое мнение бытует. Говорят даже так: история внутренних войск знает немало волюнтаристских решений, и последнее — из их числа. Хотелось бы заверить читателей журнала, что переход к службе по контракту не чья-то выдумка, это веление времени.

Среди причин назову лишь одну — главную: это ухудшение в последнее время условий для целенаправленной качественной подготовки личного состава, в том числе (если по большому счету) и как резерва армии.

Сейчас призыв в войска идет два раза в год, и это требует непрерывного учебного процесса. Между тем, начиная с февраля 1988 г. (события в Сумгаите), значительно возросли задачи, выполняемые военнослужащими вне мест постоянной дислокации. Ряд оперативных и специальных историзованных частей милиции практически постоянно был оторван от своей учебно-материальной базы и не имел возможности отработать и половину программ. Учеба шла лишь урывками, зачастую за счет отдыха. Но так далее не может продолжаться. Для умелых действий, сводящих потери и ущерб к минимуму, нужны профессионалы, которые основную часть своей квалификации получали бы в результате первоначальной подготовки. Последующая же должна лишь корректировать их опыт.

— В общем, вы хотите сказать, усилились противоречия между сложностью задач и подготовленностью наших частей и подразделений. И это противоречие, по вашему мнению, можно снять за счет профессионализации?

— Именно так. Больше того, нельзя сбрасывать со счетов социально-нравственные аргументы в пользу профессионали-

зации внутренних войск. В ходе пресечения групповых и массовых беспорядков наши военнослужащие подвергаются постоянным оскорблениям, мощному психологическому и даже физическому воздействию со стороны представителей экстремистских и националистических объединений, хулиганствующих элементов. У значительной части военнослужащих срочной службы это вызывает сомнение в правильности своих действий, психологическую неустойчивость. Все труднее переносить высокую морально-психологическую нагрузку и солдатам, охраняющим ИТУ.

Без последствий тут не обходится. А ведь речь идет о 18—20-летних юношах. Как можно в этих условиях говорить об армии как о школе жизни, идейной и нравственной закалки?

— Принцип добровольности в комплектовании внутренних войск предполагает не просто замену одних военнослужащих другими. Простота здесь только кажущаяся. Уверен, потребуются серьезные перемены всей системы жизнедеятельности войск, а может быть, и в самом их назначении. Какова концепция, то есть система взглядов на их будущее!

— Они будут составлять важнейший элемент федерального (союзного) государственно-правового механизма защиты социалистического общественного строя, демократии, поддержания государственной стабильности, правопорядка и обеспечения безопасности граждан, их конституционных прав и свобод. Именно такой подход и нашел отражение в первой части проекта концепции, разработанного в нашем отделе. При этом имеется в виду, что они, являясь составной частью военной организации общества, будут выполнять и некоторые чисто специфические задачи в интересах внешней защиты в военное время. Но эти задачи, повторяюсь, носят характер, резко отличный от задач Вооруженных Сил СССР.

183

К слову, такой подход полностью соответствует и взглядам руководства МВД СССР на реформу системы нашего министерства в целом. Эта концепция была изложена В. В. Бакатиным на II Съезде народных депутатов СССР.

— Между тем наши солдаты по-прежнему принимают общеармейскую присягу, в которой отражены (по-другому и быть не могло) лишь функции защиты государства от внешних врагов. Иначе говоря, клянутся делать то, что не является для них определяющим. Ну не анахронизм ли это!

— И анахронизм, и формализм, что стало особенно очевидным после указа от 21 марта 1989 года, когда внутренние войска были выведены из состава Вооруженных Сил. Несостоятельность существующего ныне торжественного обещания применительно к нашим военнослужащим как бы еще раз подчеркивает вторая часть концепции, которая посвящена функциям, выполняемым профессионалами. Они вытекают не из оборонных задач, а из Закона СССР о правамочиях войск. Частично мы их уже касались. Безусловно, ряд задач не отражает сущностного предназначения войск, например, охрана важных государственных объектов. Однако они в равной мере важны и на данном этапе просто необходимы. Эти противоречия легко разрешимы, если внутренние войска по мере становления системы президентского правления станут со временем его органом как «корпус общественной безопасности». Отсюда вытекает и суть новой присяги. Она должна представлять собой нечто среднее между военной присягой и той, которую принимают сотрудники органов внутренних дел, а присягать мы должны Президенту СССР или Верховному Совету СССР.

— Как известно, готовится ряд законов о внутренних войсках. Создана специальная комиссия. Думается, самое время сформировать рабочую группу и по подготовке присяги военнослужащих внутренних войск. Ее текст должен быть дан как приложение к закону.

— Вопрос, естественно, назрел. Реализован он может быть и в той форме, которую предлагаете вы, а можно ввести ее в действие и каким-то иным законодательным актом Верховного Совета СССР. Главное сейчас — разработать проект присяги и вынести на обсуждение войсковой общности, целесообразно было бы опубликовать его в журнале «На боевом посту».

— Каким вы видите военнослужащего-профессионала!

— Квалификационные требования к нему изложены в третьей части концепции. При этом имеется в виду не только чисто профессиональная подготовка, но и политические, нравственные качества людей. После суммирования качеств, имеющих наиболее устойчивый и общий характер, выявились и более конкретные, то есть то, что профессионал должен знать и уметь по различным видам деятельности. По су-

ществу речь идет о модели военнослужащего войск МВД СССР. Но полного представления о ней у нас пока не сложилось. Конечно, идеал представить не сложно. Но жизнь далека от идеалов. Надо учитывать реальные возможности и по подготовке людей, и по их отбору на службу.

— Как же планируется комплектовать профессиональные части!

— Комплектование должно осуществляться, с нашей точки зрения, путем заключения контракта первоначально на срок от 3 до 5 лет с последующим продлением не менее, чем на 5 лет. Временно, на этапе перехода к полной профессионализации, сохраняется смешанное комплектование, предусматривающее и призыв на действительную военную службу в соответствии с Законом СССР о всеобщей воинской обязанности. На профессионалов будут распространяться требования воинских уставов, все права и льготы, установленные для военнослужащих сверхсрочной службы. Предполагается, что на военной службе они могут состоять в зависимости от служебно-боевого предназначения частей (в оперативных — до 40 лет, милицеских — до 45, в остальных — до 50 лет).

По контракту предполагается принимать граждан не старше 27 лет, имеющих среднее образование и отвечающих требованиям для службы в МВД СССР. Должности, замещаемые этими военнослужащими, комплектуются отслужившими срочную военную службу, состоящими в запасе, а также гражданами, достигшими 18-летнего возраста — с зачетом первых двух лет службы по контракту в срок действительной военной службы, с выплатой уменьшенного денежного содержания.

— Очевидно, принимать будут не всех подряд, предусматривается какая-то система отбора!

— Безусловно. Отбор будет производиться органами комплектования, а также командирами воинских частей. Чтобы он был качественным, мне кажется, необходимо создать постоянно действующую рекламу, сформировать специальные пункты в крупных городах (по регионам), а в медицинских учреждениях МВД СССР иметь постоянные комиссии по медицинскому обследованию и психологическому тестированию кандидатов.

— А что представляет собой контракт!

— Это документ, определяющий взаимные обязательства сторон. Вопросы, связанные с комплектованием и контрактом, включены в пятую часть концепции.

— А какую связь вы видите между контрактом и присягой! Здесь нет взаимоисключения!

— Думаю, что они будут дополнять друг друга, объединять, так сказать, долг и материальный интерес. А потом, вы забыли об обязательствах воинской части, что в присяге никак не отражается.

— Каков порядок подготовки и переподготовки профессионалов!

— В их основе будет лежать индивидуальная учеба. Общая подготовка должна включать первоначальную — 3 месяца для

военнослужащих, отслуживших срочную службу, 6—для неслуживших, и обучение специальности — 2—3 месяца.

Последующая подготовка будет вестись по ныне существующей системе — по периодам обучения.

Добровольцы должны заниматься и по особым программам. В системе специальной подготовки целесообразно выделить три их вида.

Подготовка младших командиров — со сроком обучения 6 месяцев.

Обучение технических специалистов будет проводиться в течение 3—6 месяцев.

Высшей ступенью в системе подготовки добровольцев являются школы прапорщиков. Срок обучения от 7 до 10 месяцев.

— Притчей во языцех последних лет была служебная нагрузка. Я уж не говорю о тех, кто находился в Закавказье: там служба прерывалась лишь редкими часами отдыха. А возьмем наши конвойные части, где солдаты заступают в караул через сутки на сутки. Нередко только на посту они находятся по 12 часов, о выходных подчас и речи не идет. Но если человек света белого не видит, то кто же пойдет на такую службу!

— Вы правы. Служебной нагрузке в концепции (седьмая часть) уделяется особое внимание. Она будет распределяться таким образом, чтобы в течение недели средняя продолжительность рабочего дня не превышала общепринятую. При этом расчетная численность личного состава (кроме оперативных и милицейских частей) предусматривается: для частей по охране ИТУ — 10 единиц на пост (сравните — сегодня 4,5 единицы), для частей по охране особо важных объектов — 9,5.

Если военнослужащий непрерывно длительное время (более месяца) выполнял служебные обязанности, ему будет выплачиваться денежная компенсация за сверхурочные часы по специально разработанным тарифам. Отпуск с оплатой проезда, продолжительность — в зависимости от выслуги лет, но не менее 30 суток.

Значительное внимание уделяется денежному содержанию и другим видам материального обеспечения военнослужащих. Этому посвящена восьмая часть предлагаемого проекта концепции.

— Говорят, что теперь солдат будет обращаться казне в 40 и даже 50 раз дороже.

— Не совсем верно. Названные цифры относятся только к денежному содержанию, поскольку предполагается, что среднемесячный оклад солдат и сержантов составит 398 руб., прапорщиков — 458 руб.

Из чего мы исходим? Из среднего оклада квалифицированных рабочих ведущих отраслей промышленности (290 руб.), повышенного на 25 процентов за ненормированный рабочий день и за разряд (тариф) ответственности по занимаемой должности. Плюс ныне действующие надбавки за выслугу лет.

Кроме того, на военнослужащих, принятых по контракту, распространяются льготные надбавки: районные, за выполнение

задач в условиях чрезвычайных обстоятельств, командировочные (полевые). Устанавливается также система одновременного досрочия за образцовое выполнение воинского долга. Суммарное увеличение расходов по этой статье к расчетной численности на 1990 год может составить около 3 млрд. рублей.

— Вот они, эти миллиарды, о которых писал рядовой Самарин.

— Но это еще не все. Военнослужащие-добровольцы будут обеспечиваться бесплатным страхованием за счет МВД СССР. В случае гибели военнослужащего при исполнении служебных обязанностей его семье предполагается выплачивать единовременное пособие в размере не менее 10 окладов денежного содержания, а несовершеннолетним детям — назначать пенсию, ее сумма не ниже 50 процентов денежного содержания погибшего.

В соответствии с общесоюзным законодательством военнослужащим-профессионалам устанавливаются два вида пенсии: по выслуге лет и инвалидности. Право на первую имеют люди, прослужившие во внутренних войсках 20 и более лет, в размерах, установленных Законом о пенсионном обеспечении. Вторую получают военнослужащие, утратившие трудоспособность на 10 и более процентов.

Должно измениться и продовольственное снабжение. В пунктах постоянной дислокации военнослужащие будут обеспечиваться трехразовым горячим питанием за счет сумм продовольственного пайка по нормам, установленным для технического состава ВВС. Личному составу спецназа, а также военнослужащим с вредными условиями службы предусматривается бесплатное дополнительное питание. При действиях в отрыве от мест постоянной дислокации и невозможности приготовления пищи солдаты и сержанты обеспечиваются сухим пайком. При временном убытии из части (отпуска, командировки) им выплачивается денежная компенсация за питание.

Вещевое довольствие, по всей вероятности, претерпит существенные изменения. Оно должно оставаться бесплатным с сохранением ныне действующих сроков носки. На период действий в условиях чрезвычайных обстоятельств, а также для выходов на полевые занятия и учения военнослужащим-профессионалам в зависимости от времени года предполагается выдавать специальное обмундирование. Предусматриваются и особые знаки отличия.

Всем принимаемым на военную службу должно гарантироваться обеспечение жильем. При этом предоставление семье военнослужащего государственной квартиры будет возможно лишь после 15 лет службы (согласно очереди), при меньших сроках службы имеется в виду предоставлять им служебную жилую площадь. Намечается оплата расходов за аренду (наем) жилья в зависимости от выслуги лет, должности и состава семьи. Ну а неженатые военнослужащие будут жить в типовом общежитии военного городка. На все это потребуются примерно 2 млрд. рублей.

— Что и говорить, проект профессионализации войск очень дорогой.

— Иначе не обойтись. Военнослужащие должны иметь все условия для службы и жизни. Потребуется реконструкция имеющихся военных городков, строительство новых. Будут нужны и различные социально-бытовые помещения (столовые, чайные, магазины, бытовые комбинаты и т. п.). Эти расходы могут составить более 50 млн. рублей. Необходимо также выделить средства на строительство объектов соцкультбыта для семей военнослужащих (магазины, поликлиники, больницы, школы, детские дошкольные учреждения и т. д.). Нужен еще 1 млрд. рублей.

— Основные проблемы строительства внутренних войск на принципах добровольного комплектования вы изложили, надо полагать, лишь в общих чертах. Но и из сказанного ясно, процесс этот сложный, длительный, требующий тесной взаимосвязи с реформой Вооруженных Сил СССР, совершенствованием системы МВД СССР, организацией президентского правления в стране и другими процессами обновления нашего общества. И потому совершенно очевидно, что переход на службу по контракту должен осуществляться постепенно, поэтапно. Кому и чему будет отдан приоритет?

— Прежде всего оперативным частям и соединениям, СМЧМ, частям по конвоированию, а также подразделением по перевозкам грузов. Многие в этом плане должны прояснить эксперимент, который предполагается провести в ближайшее время. Однако уже сейчас можно спрогнозировать некоторые последствия перестройки во внутренних войсках.

Так вот, к положительным перспективам такого решения, на мой взгляд, можно отнести ожидаемые значительное повышение качества служебно-боевой деятельности войск, активизацию их участия в обеспечении общественного порядка и безопасности граждан, в регулировании социальных отношений, выполнении специальных задач при чрезвычайных обстоятельствах. Комплектование добровольцами частей по охране ИТУ и объектов на коммуникациях даст возможность применять вахтовый метод несения службы в отдаленных и прежде всего малочисленных караулах. В частях по охране важных государственных объектов эта мера позволит уменьшить общую их численность примерно на 15 процентов.

Новая система строительства внутренних войск представляется наиболее демократичной, отвечающей принципам социалистического правового многонационального государства. Привлечение профессионалов к выполнению служебно-боевых задач позволит избежать многих моральных издержек. Изживем мы также целый ряд негативных явлений, ныне присущих воинским коллективам, в частности, неуставные взаимоотношения. Наличие в частях высококвалифицированных специалистов позволит поднять уровень и продлить сроки эксплуатации техники.

Профессионализация войск, несомненно, расширит сферу их служебно-боевого применения, особенно в борьбе с преступностью, исключит дублирование ряда функций в системе МВД, например, одновременное существование отрядов милиции особого назначения (ОМОН) и специальных моторизованных частей милиции (СМЧМ). Наконец, профессионализация войск значительно повысит их общественный престиж, а также авторитет и всех сил охраны правопорядка.

— Пока вы говорите, и весьма убедительно, о достоинствах профессионализации. Но ведь ей свойственны и недостатки. По мнению зарубежных специалистов, система комплектования на началах добровольности ставит качество службы в зависимость от размера оплаты, наличия жилья и других материальных благ.

— Безусловно, моральные, духовные стимулы заметно вытесняются, и все это в большей степени, чем труднее будут условия выполнения задач. Так что моральный фактор, очевидно, обострится. Роль воспитательной работы возрастет. А в дополнение к существующей ныне дисциплинарной практике будет применяться система штрафных санкций или вычетов из жалования за различные виды нарушений воинской дисциплины.

Возрастет время сбора частей для их переброски в районы оперативного предназначения. Обострятся проблемы, связанные с длительным пребыванием профессионалов в отрыве от пунктов постоянной дислокации, то есть от семей и близких, а резкое увеличение объемов служебно-боевых задач затруднит привлечение профессионалов для выполнения сверхнормативных обязанностей.

Переход на добровольный принцип комплектования фактически ликвидирует правовую основу внутренних войск как военных формирований, потребует коренная переработка нормативных актов, регламентирующих их жизнедеятельность в соответствии с изменившимися условиями и статусом. Осложнится решение мобилизационных вопросов, во многом будет построена существующая система комплектования войск, нарушится механизм их взаимодействия с органами комплектования Вооруженных Сил СССР. Профессионализация войск неизбежно поставит вопрос о создании республиканских формирований (ими, очевидно, станут конвойные и милицейские части), а это в ряде случаев может привести к эскалации напряженности в межнациональных конфликтах.

— Будем считать, что в нашей беседе изложена лишь одна из точек зрения... Ввиду слабой изученности многие вопросы покажутся спорными, а аргументы недостаточно обоснованными. Тем не менее это не отрицает актуальности проблемы в целом. Вот почему мы должны обратиться к читателям с просьбой высказать по ней свои мнения. Будем надеяться на продолжение разговора.

Вел беседу полковник В. АСТАШИН.

НЕФОРМАЛЫ:

«ДОФИНЫ», «БРЕЙКЕРЫ» И ДРУГИЕ

«...В последнее время в печати появились материалы о всевозможных неформальных объединениях, союзах, группировках и даже партиях. Но это пишут о взрослых. А в армию сейчас призываются «попсы», «роботы», «электрик-буги», «фляж-дансы», «фростаилы», «панки», «волосатые». Я уже не говорю о «хиппи», «рокерах», «фанатах», «люберах», «оптимистах», «пацифистах», «мажорах», «солидниках», «гонниках», «дофинах» и прочая и прочая.

Что мы знаем о них, кто становятся защитниками нашего Отечества? Вернее, как прикажете из них, у которых в голове в лучшем случае тряпки и металл, готовить по ускоренной программе высокодейных борцов, а не «черпаков», «сынков» и «дедов»? Тем более, когда их публично (даже в органах печати ЦК КПСС) называют «фашистами», «оккупантами»?

Я вас прошу, расскажите, если, конечно, можете, хотя бы об основных группировках юнцов-неформалов, чтобы мы, политработники, представляли, какой в наши руки поступает «контингент».

Замполит роты лейтенант Н. Ус.»

Публикуем беседу с военным социологом подполковником А. ЖУЛИНЫМ.

— Александр Анатольевич, в наше сознание незаметным образом внедрился стереотип, что неформалы—это обязательно трудные подростки или просто нехорошие ребята. Так ли это! Тревогу в обществе вызывает тот факт, что «основной боевой силой» в погромах и бесчинствах в Фергане и в других горячих районах выступили подростки и молодежь от 12 до 25 лет. «Огонек» же, выступая против принятия Закона о молодежи, практически призывал ее к массовым выступлениям минувшим летом. В корреспонденции «Молодежь в законе» [явно по аналогии «воры в законе»—«Огонек», № 14] авторы категорично утверждают, что «ситуация действительно критическая, молодежь действительно может выйти на улицы, и вполне вероятно, что произойдет это летом, причем независимо от того, примем мы закон или не примем. Потому что закон здесь ни при чем». И ведь найдутся такие, кто пойдет на разбой—жизнь подтверждает это каждый день.

Нас, читателей, интересует, под какое знамя встанут армейские неформалы!

— Ну, об этом можно и не спрашивать, мы знаем, кто, рискуя жизнью, становится на пути погромщиков. Правда, их за это называют порой «фашистами». Видимо, делают это одни и те же силы: кто пытается ослабить армию, в том числе и таким путем, как подготовка к службе в армии бездуховной, аполитичной, а нередко и просто враждебной молодежи.

Но среди неформальных объединений молодежи есть такие, кого по-настоящему заботит судьба Родины и кто, несмотря ни на что, готов отдать за нее жизнь, как это делали их деды и отцы, отстаивая нашу с вами свободу и независимость. Прежде всего, я хочу сказать об «афганцах»—так называют себя те, кто прошел Афганистан. Они честно выполнили свой долг в несправедливой войне, большинство из них и сейчас в наше «смутное время» остаются честными и порядочными. Этих людей объединила война—кровь, победы, утрата друзей, неприятие социальной несправедливости, негативных явлений в нашем обществе и... готовность бороться с ними, как говорится, не за страх, а за совесть. Особую неприязнь у «афганцев»

вызывает протекционизм, взяточничество, коррупция, хищение государственной собственности, непонимание их интересов, когда, например, говорят: «Я вас в Афганистан не посылал».

В последнее время ставку на «афганцев» делают, к сожалению, многие политические группировки, народные фронты, и те, кого еще вчера объединяло «братство по крови», сегодня оказались по разные стороны баррикад.

С горечью и недоумением прочитал в «Московских новостях», что бывший полковник Ю. Ковалевский, выгнанный из армии за поведение, порочащее звание советского офицера, организует силами «афганцев» охрану от провокаторской «Псевдо-Памяти» сборища «перестройщиков-писателей» из русскоязычного «Апреля».

Пользуясь случаем, хочу призвать «афганцев»: не поддавайтесь на провокации, храните свое единство, ибо оно, ваше единство,—это залог того, что мы сохраним свое государство, за которое заплатили своей жизнью сотни миллионов наших предков.

— И все-таки, Александр Анатольевич, давайте поговорим о тех неформальных объединениях и группах, которые имеют неоднозначную, противоречивую, а то и негативную направленность. Ведь именно их представители, как показывает жизнь, требуют особого внимания командиров и политработников.

— Не ошибусь, наверное, если скажу, что самая популярная среди них—художественно-творческая. Именно в ней существует наибольшее количество разноплановых групп, течений, жанров, стилей, направлений. Главенствуют здесь те, кого мы привычно называем «рокерами». Причем самих исполнителей рок-музыки насчитывается едва ли 10 процентов, а остальные — ее поклонники, так называемые «тусовщики». «Тусовщики» в свою очередь разделяются на два неравных мира—«организованных» поклонников и «неорганизованных»—в первом случае речь идет о фан-клубах, во втором—о «фанатах».

В массе своей «металлисты», безусловно, относятся к зоне повышенной криминогенной опасности. В их среде плетут свои сети фарцовщики и спекулянты, представители наркобизнеса и организованной преступности. Из них пополняют свои ряды «фашишки» и «наци». Однако в работе с военнослужащими-«металлистами» надо помнить, что среди них есть немало талантливых музыкантов и тонких ценителей современной музыки. Это требует от офицеров строго дифференцированного подхода к ним в воспитательной работе. И, конечно же, компетентности.

— Александр Анатольевич, у вас не кружится голова от всех этих «фрестайлов», «гопников», «дофинов»? У меня, признаться, от такого изобилия пестрит перед глазами...

— Конечно, в наши юные годы все было проще: «октябренок», «пионер», «комсомолец»... А жизнь, оказывается, брала свое.

— Но как случилось, что мы о них не только ничего не знали, но даже не подозревали о их существовании? И вдруг они обрушились на нас какой-то всепоглощающей снежной лавиной.

— Никакого «вдруг» не было, знали мы о них и даже пытались запретить их. А потом махнули рукой—«перебесятся», мол. Не «перебесились», как видим. Более того, они и не могли «перебеситься», потому что мы имеем дело с небывалым ранее явлением отчуждения молодежи от взрослых, которое наблюдается во всем мире. Только в одних странах пик их торжества прошел, у нас же, на мой взгляд, он еще только начинается, и я не берусь сказать, во что это в конечном счете выльется.

Сейчас в голове у всех нас—не только у молодых людей—полный сумбур: какое сознание выдержит, когда вчера было все самое лучшее, самое светлое и самое передовое, а сегодня в нашей тысячелетней истории кроме жертв и преступников почти ничего не осталось. По существу мы дважды лишаемся своей истории, культуры: после 1917 года, когда все прошлое было объявлено враждебным, и сегодня, когда «послереволюционное семидесятилетие» загоняется за колючую проволоку сталинских концлагерей.

И вот в такое «смутное время» значительная часть нашей интеллигенции (журналисты, писатели, деятели культуры и искусства, экономисты), вскормленные и вспоенные народом, вместо того, чтобы в этот трудный час прийти ему на помощь, наносят через средства массовой информации по общественному сознанию массивные удары за ударом. Более того, в политическую борьбу втягивают юнцов—вкладывают им в руки оружие и посылают на разбой. Так было в Алма-Ате, Тбилиси, Фергане и Нагорном Карабахе. Делается все, чтобы парализовать у народа волю к сопротивлению. Народный депутат СССР А. И. Воробьев, например, пишет («Огонек», № 13): «...Каждый русский должен знать лично, что его в погромщики никто насильно не гонит, и если наши с бритыми затылками мальцы хоть чуточку задумаются и не позволят себя втянуть в братоубийственную войну, тогда ни Ферганы, ни Душанбе, ни Баку в Ленинграде и в Москве не получатся. В стране восторжествует порядок и закон, саботаж аппарата захлебнется, и мы себя обеспечим продуктами и товарами».

Цинично? Но по крайней мере откровенно: «брейк» вам нужен—танцуйте хоть на животе; «рок»?—получайте хоть под завязку; «секс»?—да сколько угодно, идите в театры, в каждой комнате отдыха, баре, клубе, видеотеке смотрите порнофильмы сколько влезет, а будете «пай-мальчиками», жратвой и тряпками вас обеспечим... А ведь ничего просто так не происходит.

— Вы хотите сказать...

— Простите, именно это я и хочу сказать: кому-то выгодно, чтобы молодежь нашу заразить вирусом равнодушия, безволия, глубокой апатии. Сейчас, как вы знаете, развернулось массивное наступление на армию, и цель этого наступления совершенно очевидна—развалить ее.

Развалить как последний фактор сохранения стабильности в стране. Боюсь, неформалы в этот процесс привносят свою лепту, хотя и невидимую на глаз. Не все, конечно.

— Александр Анатольевич, а как политработнику разобраться в безбрежном море неформалов, знать «кто есть кто», чтобы правильно и эффективно строить свою работу с ними? Как, наконец, обратить на пользу дела их неуправляемый потенциал!

— Прежде всего, должно быть ясно одно: неформальные объединения—это не какие-то «фирмы» отщепенцев, трудных ребят, а одна из форм реализации многообразных общественных потребностей молодежи. Не надо раздувать ажиотаж, изощряться в сарказме вокруг бритых затылков или зеленых волос, давайте вести конкретный диалог с молодежью, помогать здоровым началам и изживать все чуждое, уродливое.

Предвижу ваши возражения: вести диалог с «фашиками» (фашистами), «фанатами»..

Да, и с ними тоже. Сложность даже не в этом. В стране сейчас насчитывается около 60 тысяч неформальных объединений и групп. Диапазон их интересов чрезвычайно широк—от политического и экономического до развлекательного, от борьбы за перестройку до полного ухода в разного рода «социальные ниши», от военно-патриотического до пацифистского, от интернационального до националистического и космополитического. И вот вся эта разношерстная масса людей приносит в подразделения свои взгляды и идеалы, традиции и нравственные ценности, правила поведения и общения, увлечения и интересы. И ты, офицер, почти их одноклассник, должен хорошо разбираться в молодежных проблемах, свободно ориентироваться в среде неформалов, различать их специфику и направления деятельности, особенности их проявления в армейской среде.

Трудно? Конечно. Но ведь это та самая живая работа, по которой все мы скучали в застойные времена.

— Есть ли какие-то критерии оценки деятельности неформальных молодежных объединений? Не стричь же их всех под одну гребенку...

— Есть, конечно. Прежде всего, неформальные группы и объединения нужно дифференцировать по их социальной направленности, отношению молодежи к процессам перестройки. Такой критерий оценки позволяет, с некоторой, конечно, долей условности, всех неформалов разделить на несколько групп.

К первой группе можно отнести тех, чью деятельность можно охарактеризовать как положительную [просоциальной направленности]—естественно, с нашей точки зрения. Это—«фонды» (клубы) социальной инициативы, очные и заочные социально-политические дискуссионные клубы (СПК и ЗСПК, объединения «Спасение», «Наследие», «Милосердие», «Маладзик», «Юные ленинцы», «ЭКО», «ЭРА» (экология рядовой архитектуры), «Зеленые» и некоторые другие.

Как видно даже из названий, эти группы действуют на разных направлениях, но объединяет их борьба с негативными явлениями, стремление к социальной справедливости, желание усовершенствоваться и упрочить завоевания старших поколений. Одни из них своей целью ставят борьбу за мир, против угрозы ядерной войны («Мир», «Оптимисты», «Россы»). Другие, имея твердые политические и идейные убеждения и не довольные деятельностью комсомольских организаций, объединились в интербригады, политклубы, коммунистические стройотряды, клубы воинов-интернационалистов. И, наконец, третьи («ремонтники», «ассенизаторы», «коммунары», «борцы») пытаются провести «реставрацию личности деформировавшихся сверстников».

Ко второй группе неформальных объединений молодежи относятся те, чья деятельность носит псевдосоциальную направленность. Они декларируют идеи социальной справедливости, высокой нравственности, однако используют методы, которые не имеют ничего общего с нравственными нормами социализма, а зачастую влекут нарушения законов. Это «гопники», «стригуны», «лампашики». Надо иметь в виду, что языки у них подвешены, как правило, неплохо, они хорошо владеют «перестроечной терминологией» и способны увлечь за собой часть молодежи. Их деятельность, кстати, вполне способствует установлению пресловутой «дедовщины». Вот почему неформалы псевдосоциальной направленности требуют к себе самого пристального внимания.

— Работать, видимо, с ними гораздо труднее. Одно дело, когда перед тобой откровенный недруг, совсем другое—тот, кто, так сказать, маскируется под друга... Расскажите, пожалуйста, о наиболее известных группировках неформалов этого направления.

— О московских «люберах» мы уже вспоминали. Москвичи, наверно, еще не забыли их рейды по дискотекам, барам и кафе, когда, присвоив себе «карательные функции», они ступали в жестокие схватки с «металлистами», «панками», «хиппи»... «Люберов» нельзя считать чисто московским явлением, оно присуще многим другим городам, где молодежь гуртуется в «стаи» и проводит сомнительные вояжи в поисках «противников».

Заметное место в среде неформалов занимают «пацифисты». Цели у них вроде бы благородны—борьба за мир, но отличают их политическая наивность, моральная незрелость, потребительский подход к жизни. Многие из них увлекаются древне-восточными религиозно-философскими учениями—буддизмом, даосизмом, йогой и другими. Не скрывают негативных взглядов на Вооруженные Силы СССР, на воинскую службу.

И еще о двух группировках этого направления хотелось бы сказать—о «панках» и «системе». «Панков» объединяет, по их словам, «протест против существующих меркантильных отношений в обществе». Реальная же их цель—самоутверждение в среде себе подобных, отрицание всего

общепринятого. Для них характерны низкий уровень трудолюбия, социальный паразитизм, крайне высокое мнение о собственной персоне.

«Системные ребята»—«пиплз»—не имеют четкой структуры. Это разношерстная публика, лидеры которой исповедуют идеи «неохристианства», стремятся — на словах опять же — к установлению на всей, заметьте, на всей планете «царства всеобщей любви». Однако среди рядовых членов «системы» преобладают тунеядцы, захребетники, которых вполне устраивает жизнь за счет ближнего. Осуждая пороки, терпимо относятся к процветающим в их среде пьянству, наркомании, половому разврату.

— Александр Анатольевич, мы, кажется, немного отвлеклись. Какие силы представляют третья группа неформальных объединений!

— Прежде всего, это неформалы с ярко выраженной асоциальной направленностью. В качестве ведущих целей они проповедуют эгоцентризм, индивидуализм, сознательное отмежевание от проблем — и молодежных, и тех, что встали ныне перед обществом во весь рост. Главное для них в жизни — развлечения, и они готовы добиваться их любыми путями. В число таких групп входят прежде всего «хайлайфисты», «дофеисты», «ионычи», «народники», «попперы» и другие.

К четвертой группе относятся довольно малочисленные, но представляющие повышенную социальную опасность объединения с антисоциальной направленностью деятельности: «нацисты», «Доверие», «Диалог», «Хельсинки-86», «Демократия и гуманизм», различного рода боевые секты, секскоммуны. Свою деятельность они не афишируют, в незнакомых аудиториях предпочитают выжидать, а проявляют себя в качестве «голоса из толпы», но при этом всячески стремятся пополнить свои ряды.

В особую группу, на мой взгляд, нужно выделить неформалов, объединенных идеей преклонения перед западным образом жизни, стремлением «делать деньги». Это — «мажоры», которые в свою очередь подразделяются на «американцев» (разумеется, псевдоамериканцев), «французов», «финнов», «румын», а также на — «деловых» и «солидных». Их отличают аполитичность, аморальность, способность к противоправным действиям.

Все они — «американцы», «румыны» и т. д. — фарцовщики (в основном старшеклассники, учащиеся ПТУ), одевающиеся в одежду, выпускаемую в соответствующей стране, — США, Румынии. Они прекрасно разбираются в моде, нередко владеют двумя-тремя иностранными языками.

«Деловые» — группировка спекулянтов заграничными тряпками, но более высокого ранга. У них в моде бокс, самбо, каратэ... Редко встретишь среди них и наркомана.

«Солидиакы» — элита фарцовщиков. Это люди, позволяющие себе одеваться только в самое модное и самое дорогое (вне зависимости от страны-изготовителя). Их идеал — бизнесмен-капиталист, буржуазный образ жизни со всеми его «прелестями»,

которые продаются и покупаются за деньги. Они решительно отвергают все советское, не признают таких понятий, как честь и достоинство в их изначальном смысле

И еще об одном явлении в среде неформалов хотелось бы сказать. В последнее время у нас в стране становится все больше «амистиков» — сторонников религиозно-мистических организаций и неомистических культов типа «Дети бога», «Семья любви», «Церковь унификации» южнокорейца Муна, «Международное общество сознания Кришны» индийца Прабхупады, «Международной коммуны саньсяинов» Раджеша — всего подобных организаций и сект насчитывается более 150. Результат их деятельности — это сотни тысяч загубленных жизней, искалеченных судеб.

— Понимаю, в беседе мы коснулись лишь некоторых разновидностей неформальных объединений молодежи. Но вот вопрос: достаточно ли хорошо мы знаем об истинной субкультуре молодежи! Занимается ли кто-нибудь серьезно ее изучением! Насколько глубоко проникли в общество ее метастазы! Что нам ожидать от нее!

— Мне тоже трудно ответить на эти вопросы. Одно могу сказать, тактика запрета, окрика, отмены, приемы и методы «околоточного надзирающего» не сработали. Вернее, сработали, но... в другую сторону. Запрет не уничтожил причин явления, а только глубже зажал проблему в ее питательную среду — подполье, где она и зацвела таким махровым цветом.

Пора признаться и в том, что мы в свое время недооценили силы, которые на протяжении длительного времени вырабатывали новые идеологические штампы, предназначенные для манипуляции общественным сознанием и направленные в конечном счете на социальное расслоение общества, на разрушение единства народов, на замену социалистической доктрины общественного развития. А ведь этому в немалой степени способствовали разложение духовности и нравственности молодежи, внедрение «массовой культуры» Запада, замена общепринятых человеческих ценностей на вседозволенность — торжество «сексуальной революции», наркоманию в частности, и... невиданное по масштабам оплевывание нашей истории и культуры.

Яростные атаки на армию — из того же арсенала разрушительных средств и целей. Но это говорит и о том, что армия все еще остается «непокоренным бастионом», гарантом стабильности. Поэтому влияние неформалов в армейской среде, я бы сказал, менее эффективно, чем на гражданке.

Но говорить о каком-то обобщенном опыте работы в армии и на флоте с войнами, которые до призыва состояли в неформальных объединениях, рано. Это предмет глубоких исследований.

— Выходит, мы можем все-таки рассчитывать..

— Простите, но я этого не сказал. Предсказать, как будут разворачиваться события завтра, я не берусь.

Т. ПАНЧЕНКО.

« Не надо Скрыля мазать грязью... »

Написать в редакцию меня побудила статья из майского номера журнала «По идейным соображениям!..» Скрыль — мой друг, 4 года мы были рядом, все у нас было поровну, на двоих. И поэтому, думаю, имею право высказать свое мнение о случившемся.

Сергей никогда не был по своей натуре военным человеком. В училище он пришел вслед за своим двоюродным братом и учебу не бросил потому, что учиться было интересно. На кафедре философии он стал своим человеком (и прозвище, кстати, у него было — Философ). По эрудиции он превосходил офицеров курса, имел на все свое мнение, из-за чего у него часто возникали «трения» с ними. Результатом одного из таких «эксцессов» и явился отказ в выдаче Скрылю рекомендации для вступления в партию. Так что «интуиция» отказавшего тут ни при чем.

Сергей действительно не был членом ни одной из неформальных организаций. Только мне непонятно, почему расспрашивали об этом Скутаря, Ласточкина, которые служили в другом взводе, или Петрова, Раковца — они вообще из соседней роты. Сергей писал курсовую работу по неформальным объединениям молодежи, перебивал во всех крупных ленинградских библиотеках, тратил на это все свои увольнения. На старших курсах он ни разу

не был с нами в кино или на дискотеках, девчонки у него тоже не было. Увлекали его митинги, собрания, на них он ходил охотно и, разумеется, не для того, чтобы поглазеть, послушать из праздного любопытства, а потому, что нельзя писать о том, чего сам не видел и не знаешь. А знал Скрыль куда больше предусмотренного программой. Знал и хотел учиться дальше, поэтому и решил увольняться. Сергей писал мне, что рапорт его комдив вернул, сказав, что таких «умных» много, но уволились единицы.

Всю эту «историю» я узнал из письма Сергея, полученного в декабре, и прошу вас: не надо лить грязь на Скрыля, нет в его поступке никакой политической подоплеки. С большим огорчением прочитал под статьей подпись капитана Татарнинова. Ведь он хорошо знал Сергея, который часто бывал в редакции «Политработника», пытался серьезно писать, советовался с журналистами, с тем же Татарниновым. На «политическую основу» свою мотивацию Сергей перевел только потому, что по-человечески тяжело увольняться из войск. Не имея возможности удержать офицера материально, его держат почти физически [это всем известно, но только почему-то наши печатные органы не любят об этом говорить]. Служба офицеров ротного звена год от года все труднее, а

жизнь все хуже и хуже, и, что самое, на мой взгляд, страшное, — все меньше остается у людей веры, что «наверху» хоть чем-то желают ее улучшить.

Я — потомственный «конвойник» и увольняться не собираюсь, но боюсь, что лет эдак через пяток от нашего выпуска не останется и половины.

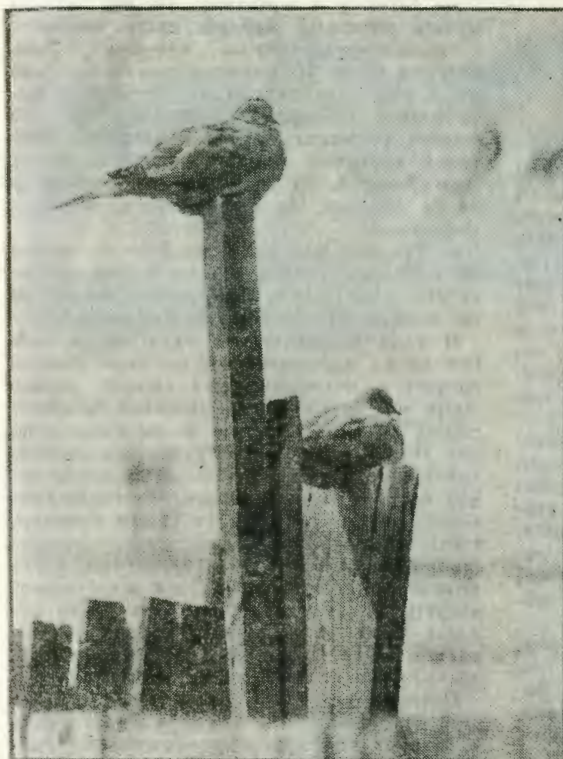
У меня сложилось впечатление, что журнал просто не хочет «ссориться» с начальством, работает по принципу «и нашим и вашим»: и верхи не тронуть, и низы не обидеть. Но так не бывает! Ведь не секрет, что есть противоречия между старшими и младшими офицерами, и о товариществе между ними говорить бы я поостерегся. Не вижу его нигде, в том числе и на Офицерском собрании.

Я, может быть, отвлекся, но наболело, ведь с детских лет вижу войска, и больно смотреть, во что они превращаются. Скрыль не ушел бы, если бы смог продолжать образование там, где хотел. А он заочно поступил на философский факультет Одесского госуниверситета. Сергей — жертва валового подхода к людям, а не деполитизировавшаяся личность.

Извините, если что не так, но пишу «по горячим следам» то, что думалось.

Лейтенант М. МЕШКОЙ,
помощник начальника
политотдела части по
комсомольской работе.

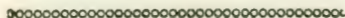
ОТ РЕДАКЦИИ: это письмо многое прояснило в поведении бывшего лейтенанта и бывшего коммуниста С. Скрыля. Но, справедливости ради, хочется заметить, что и авторы майской корреспонденции, с которыми полемизирует М. Мешкой, не очень-то верили в «идейную подоплеку» поступка Скрыля, предполагали, что все это им придумано, чтобы легче было «бежать с передовой». «Но дает ли это право продолжать жить и работать так, будто ничего не случилось!» — этот их вопрос, обращенный, видимо, не только к руководству училища, остается открытым.



Встречи с художниками всегда радостны и памятны, видимо, в силу естественного стремления человека к прекрасному. Одна из таких встреч предстоит и читателям нашего журнала. Ефрейтор Александр Чекаменев выносит на их строгий суд свое творчество.

Александр из тех, кого принято считать начинающими. И надо заметить, что начинает он весьма успешно: участник I республиканского фестиваля детских и юношеских мультипликационных фильмов «КРОК-1» в Киеве, лауреат II Всесоюзного фестиваля народного творчества в Москве... И вот сегодня — дебют в журнале. На наш взгляд, удачный.

Фото ефрейтора А. ЧЕКМЕНЕВА.



ЛЮДИ НА БОЛОТЕ

ЕДИНСТВЕННАЯ ниточка, связывающая этот затерявшийся в лесах и болотах таежный гарнизон с «материком», — трехсоткилометровая железнодорожная колея, которая то ли от времени пошла вкривь и вкось, то ли изначально такой и проложена. Поезд (о его существовании МПС, по всей видимости, и не догадывается) обычно более десяти часов морит в своем грязном чреве измученных тряской и холодом (летом — жарой) пассажиров. И шатко, и валко.

Но благодаря старшему прапорщику П. Панчишину, командиру хозяйственного взвода, действительно интересному собеседнику, неприятная и долгая дорога стала короче. От Петра Ивановича и узнал я, что их глубинку буквально лихорадит от проблем житейских. Тех самых, что на совести специалистов тыла части, где командиром подполковник Ю. Кудзоев.

— Какой я командир? — в запале спросил сам с собой Петр Иванович. — Я — доставала. Целыми днями рыскаю по поселку, достаю гвозди, электроды, доски, цемент, кирпич, трубы... А что это значит — достать, знаете?

Слушая старшего прапорщика, я представил себе серый военный городок в бедном убранстве на окраине поселка. Действительность оказалась еще хуже. Очевидно, уловив мое настроение, капитан С. Касьянов, замполит батальона, решил его усугубить. Он пояснил, что их подразделение — не просто «глубинное». До недавнего времени оно считалось наилучшим местом ссылки офицеров, «обросших» взысканиями. Кого только не присылали — бездельников, пьяниц, разочаровавшихся в службе и потому зарабатывающих себе отрицательный «капитал», столь необходимый для увольнения из войск. К примеру, в «активе» командира взвода старшего лейтенанта А. Раевского — четыре суда чести младших офицеров. Но и этого пока недостаточно, коли служит, знать, не взял еще «нормы». А вот те 15 (пятнадцать!) прапорщиков, которых уволили за год в основном за крепкую дружбу с «зеленым змием», исчерпали терпение до дна.

Отчего пьют? Объясняют: от той же бытовой неустроенности, заброшенности. Катастрофически не хватает жилья (а где оно есть?). Но и те, кто имеет свой угол, на счастливых людей совсем непохожи: дома старые, давно уже требующие не косметического — капитального ремонта.

А вот что довелось услышать в подразделении капитана С. Булдакова от солдат: — Ни летом, ни осенью мы почти не видели на столах овощей. Даже лука зеленого не было, не говоря уже о фруктах...

— Почему в магазине мы не можем купить конфеты, зубную пасту, мыло.

Нескончаемый поток «почему» (правильнее было бы спрашивать «по чьей вине?..» или «кто ответит за то, что?..») невозможно привести полностью. Да, во многих регионах страны ограничена торговля товарами первой необходимости. Но, убежден, на солдатах это сказываться не должно. Им и так невзгод и лишений хватает.

— Тут хоть лоб себе расшиби — ничего не выбьешь, только шишки набьешь, — сетует заместитель командира батальона по снабжению майор Н. Кречуняк.

И ведь действительно едва не расшиб. Год назад в поселковый магазин завезли капусту и помидоры, для солдат овощи почти что экзотические. Николай Юрьевич решил за свои кровные (в магазине расчет только наличными) заполнить овощехранилище, а позднее оформить товар через часть и вернуть деньги. Не теряя времени попусту, связался со своим руководством в службе тыла и заручился начальственным «добро». На солдатском столе появились долгожданные щи из свежей капусты и салат из помидоров. То-то радости было. А Кречуняк, добрая душа, восемь месяцев стоял в позе просителя, ожидая, когда ему вернут его законные.

Поселок, где стоит батальон, — небольшой островок среди лесов и болот. Здесь и захочет подразделение само себя прокормить — не сможет. Да и были бы угоды — нет людей, которых можно задействовать на сельскохозяйственные нужды.

Откармливают около восьмидесяти свиной. Но какой ценой! Нужно видеть этих несчастных животных, худых, поджарых, как гонимые собаки. И ведь наверняка все в «верхах» прекрасно понимают (специалисты, в конце концов) — не по силам «болотному» батальону держать такое поголовье. Раньше их было немногим больше сорока (хоть на свиней походили).

Трудно сказать, из каких соображений исходило командование, отдавая указание увеличить свиноголовье вдвое. И уж совсем не поддается здравому смыслу то обстоятельство, что поставки комбикормов оставлены прежними. Какой же резон плодить голодный скот?

Ответ на этот вопрос знает, видимо, только один человек — подполковник В. Дугин, заместитель командира части по тылу (а может, и начальник Дугина тоже?).

Но Николай Юрьевич рук не опускает, нельзя ему — дел невпроворот. Только только банно-прачечный комбинат построили (баня — одна из немногих радостей в этих глухих местах). И старшины рот рады — о стирке белья теперь голова болеть не будет. Одной заботой меньше. А сколько еще осталось?

Старший лейтенант И. ХОМЯКОВ.
Приволжское управление внутренних войск.

ЖАЛОБА

Прапорщик Н. Назаров решил действовать наверняка и, как говорится, «выстрелил» дуплетом, чтобы без промашки: в две инстанции одновременно ушли письма-жалобы. Одну — в редакцию газеты УВВ по Средней Азии и Казахстану «Дзержинец» — он написал сам. Другую — в редакцию журнала «На боевом посту» — его жена. Кстати сказать, письмо было написано по-узбекски, что во многом осложнило работу с ним.

Итак, жалобы. По сути они мало чем друг от друга отличаются, и есть смысл говорить об одной, первой, подписанной прапорщиком Нормурадом Назаровым. Автор, выступая в роли активного поборника идеи перестройки в войсках, сетовал на «бюрократическое отношение администрации и командиров к решению таких вопросов, как жилищно-бытовые условия» (здесь и далее стиль письма сохранен). Именно потому его семья из шести человек «для проживания не имеет никаких человеческих условий», ютится в бараке, подлежащем сносу. «Кончилось терпение ждать и надеяться на лучшее... Мне все время отказывают, а тем не менее прапорщик, стоящие в очереди позже меня на получение жилья, да и прослужившие меньше меня, раньше получили квартиру». Приводит Нормурад и тот факт, что его намереваются уволить по сокращению штатов. Судя по всему, за правду, за неприимчивость к беспорядкам, за принципиальность.

Словом, требовалась незамедлительная реакция, и авторы этих строк тут же выехали по адресу, указанному на конверте. Выехали, чтобы помочь человеку, попавшему в беду. Настроенные исключить всякую предвзятость при оценке обстановки, но в душе сочувствующие Назарову, готовы постоять за справедливость.

И первое зрительное, визуальное впечатление: все так и есть, как изложено в письме. Действительно, его семья занимает одну комнату в доме барачного типа. А вот дальше... Дальше изложенное Назаровым и реальная жизнь разошлись в разные стороны, так нигде более и не соприкоснувшись. Оказалось, что те, кому по-

ложено решать жилищные вопросы, как ни странно, решают их. И это отнюдь не черствые и бездушные люди, а, напротив, отзывчивые и сердечные. Председатель горисполкома заверил нас, подтвердив свои слова документами, что в самое ближайшее время (срок указал конкретно) проживающие в бараке будут переселены в семейное общежитие со всеми удобствами. Что поделаешь, жилье — болевая точка страны, а общежитие — пусть не лучший вариант, но все же не ветхий барак, грозящий рухнуть в любую минуту.

Кстати, о бараке. В нем кроме Назарова проживает еще три семьи прапорщиков. И тоже жалуются. Жалуются сами военнослужащие, их жены и соседи на... Назарова. Причины? Назаров груб с женой, пьет и нередко, что совсем уже непристойно, издевается над шестилетней дочерью. Очевидцы вспоминали, что он садистски избивал ребенка, связывая девочку по рукам и ногам колготками.

А что сослуживцы? И они в один голос требуют увольнения Назарова из войск. Удивляются, почему с ним нянчатся. Ценный кадр? Но, начиная с 1981 года, все характеристики-аттестации на Назарова — отрицательные, одна хуже другой. А последняя в качестве вывода недвусмысленно рекомендует (интересно, кому?): «Целеобразно уволить...» Коллектив — за! Прапорщик А. Алматов: «Назаров постоянно опаздывает на службу, отсутствует на занятиях... Все время жалуется на руководство». Прапорщики Н. Усманов и Н. Юркнаш добавляют: «Допускает невыходы на службу. Обсуждает распоряжения. Употребляет спиртное в быту».

Ни одного доброго слова в адрес Назарова не сказали и сотрудники администрации ИТК: есть на службе Назаров, нет ли его — не сразу и заметишь. В книге учета изъятых ценностей за последние два года его фамилия не встречается ни разу, следовательно, служебная активность — ноль. Правда, тихий он только в военном наряде, а так — за словом в карман не лезет. Не так давно, к примеру, Назаров был вызван на совет прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы, где

держал ответ за то, что нагрубил командиру взвода старшему прапорщику А. Джалилову.

Вот в чем истоки «бюрократизма» командиров и администрации, которые считают: по труду и честь, и блага. Нужно ли объяснять, что в неважных бытовых условиях своей семьи виноват прежде всего сам Назаров, нарушающий не только воинскую дисциплину и уставной порядок, но и нормы социалистического общежития, и элементарные законы человечности. И это справедливо, что квартиры предоставляются наиболее достойным, таким, как прапорщики Е. Трубиных, С. Сорокин. Напрасно Назаров зачисляет себе в актив срок службы: он не учитывает, что качество этой службы не выдерживает никакой критики.

Многое из того, что прапорщик изложил в своем письме, просто не подтвердилось: не было злоупотреблений командиром роты своим служебным положением, не было неуставных взаимоотношений, а также неслужебных связей контролеров с осужденными. А вот сам Назаров, потеряв уважение товарищей, решил заслужить его у осужденных. Делился с ними не только своими сложностями и житейскими невзгодами, но и рассказывал о делах в подразделении, другими словами, держал осужденных в курсе. И по-прежнему неотомимо боролся за жилье, считая, что в борьбе все средства хороши, в том числе и такое проверенное, как угроза жалобами.

К сожалению, и в наше время, время ломки устоявшихся негативных традиций и стереотипов, борьбы старого, консервативного мышления с новыми подходами к делу, мещанская психология не гнушается и таким способом. По-человечески можно понять того командира, который, трудясь в поте лица своего, наконец начинает добиваться первых успехов, выбиваться из прорыва и вдруг — жалоба! Слово гром среди ясного неба. И ведь только-только сдвинул вросший в землю возок с мертвой точки — опять стоп. Комиссии, разбирательства, объяснения, нередко тщетные попытки доказать «гостям», что белое — белое, а черное — черное, сломить убеждение, что не бывает дыма без огня. Увы, бывает, густой и едкий... А дело притормаживается, инициатива глохнет, энтузиазм чахнет, добрый запал творческой энергии расходуется на пустяки.

Нет, конечно, нередки жалобы по существу — о них речи нет, все правильно, нельзя равнодушно взирать на произвол и бесхозяйственность чиновников с любыми погонами. Но бывают и такие, как в этом случае, — высосанные из пальца, полные измышлений, греша ломаного не стоящие. Лишь бы нервишки некоторым «шибко принципиальным» пощекотать. Поверят на слово — значит, рубанут сплеча по обидчику. Решат проверить — пожалуйста. Не страшно, что сигнал не подтвердится, он все равно свою подлую роль сыграет, на невинного тень бросит, доверия к людям поубавит, наиболее ретивым крылья опалит.

Видимо, так и рассуждал Назаров и,

следует признать, имел для таких рассуждений все основания, ибо устрашающе-клеветнический механизм, даже в потенции имеющий немалый коэффициент вредного действия, уже работал вовсю. Стоило, к примеру, командиру в очередной раз слегка «поприжать» отбившегося от рук прапорщика, как сразу же звучала угроза: «Я на вас жалобу напишу! Я вас всех на чистую воду выведу! Вы меня еще узнаете!».

И что же? Отставали от него, как ни странно, полагая, что лучше не связываться... Парадокс. Ходит подобный «террорист», запугивает всех и вся, проворачивает свои неприглядные делишки, а «взять» его нельзя. Вернее, можно, да некому — смельчаков нет: себе дороже. Поди доложи-докажи кому, что тебя жалобой припугнули. Не докажешь. А вдруг и впрямь напишет: чем черт не шутит...

И потому многое сходит с рук. Даже то, что человеку дисциплинированному, но не склочному не простится. Попросился Назаров в отгулы прокатиться в Бухару — пожалуйста, скатертью дорога. Нужен отпуск в льготное летнее время — выбирайте месяц. Ушел с розыскного поста — пожурили малость, наказали несильно, для виду и... тишина. Избивает жену и дочь — так не до смерти же, да и жена не чужая — своя.

А тут вдруг «сорвалась резьба» — не выдержали наконец отцы-командиры, перешли на язык Дисциплинарного устава и... полетели далеко не голубины восточки прапорщика во все стороны, вплоть до Москвы.

Явно запустил командир Назарова — капитан В. Шаповалов эту болезнь, спуская все проделки прапорщика на тормозах. Вместо того чтобы гласно, публично, с привлечением общественности призвать к ответу зарвавшегося подчиненного, отважился... тихонок избавиться от него, уволив по сокращению штатов. Была б тверже его позиция, глядишь, куда меньше забот и хлопот принес окружающим этот жалобщик.

Есть предложение: в целях борьбы с клезуниками узаконить такое положение — раз приехали люди по «тревожному» письму, а факты не подтвердились, то и оплачивать им все расходы по командировке должен не государственный финорган, а сам заявитель — «доброжелатель». Дело бы только выиграло.

Что касается истории с Назаровым, то остается надеяться — пока материал готовился к печати, справедливость все же восторжествовала. Не так ли, капитан Шаповалов?

Майор Ю. КУМЫКОВ,
прапорщик Ю. ПОТАПОВ.

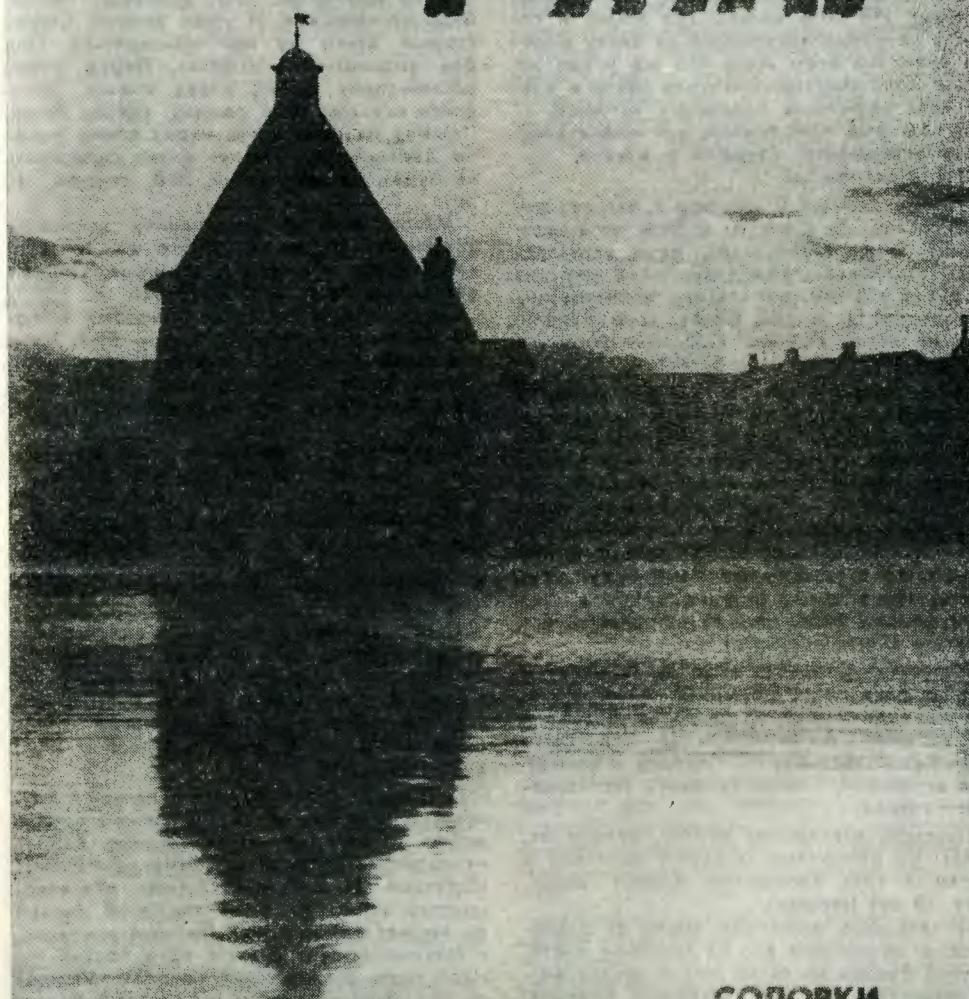
Управление внутренних войск по Средней Азии и Казахстану.

ОТ РЕДАКЦИИ. Надежды авторов оправдались. Прапорщик Н. Назаров уволен из войск по служебному несоответствию. Вместе с тем командование части, зная не помня, обратилось с ходатайством к председателю горисполкома об оказании помощи семье Назаровых в получении квартиры.

189

А. Солженицын

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ



**СОЛОВКИ...
ДОЛГАЯ И СОВСЕМ НЕ РАДОСТНАЯ ДОРОГА
ВЕЛА СЮДА ЛЮДЕЙ**

ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Десятая глава данного произведения, которую мы предлагаем вашему вниманию, «Новым миром» — основным печатным органом, возвращающим советскому читателю творчество Солженицына, — опубликована не была.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ВМЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИХ

...В этом угрюмом мире, где всякий гложет, кто кого может; где жизнь и совесть человека покупаются за пайку сырого хлеба,—в этом мире что же и где же были политические—носители чести и света всех тюремных населений истории?

А мы уже проследили, как «политических» отъединили, удружили и извели.

Ну, а взамен их?

А—что взамен? С тех пор у нас нет политических. Да у нас их и быть не может. Какие ж «политические», если установилась всеобщая справедливость? В царских тюрьмах мы когда-то льготы политических использовали, и тем более ясно поняли, что их надо кончать. Просто — отменили политических. Нет и не будет!

А те, кого сажают, ну, это казры, враги революции. С годами увяло слово «революция», хорошо, пусть будут враги народа, еще лучше звучит. (Если бы счесть по обзору наших Потоков всех посаженных по этой статье, да прибавить сюда трехкратное количество членов семей — изгоняемых, подозреваемых, унижаемых и теснимых, то с удивлением надо будет признать, что впервые в истории народ стал враг самому себе, зато приобрел лучшего друга — тайную полицию).

Известен лагерный анекдот, что осужденная баба долго не могла понять, почему на суде прокурор и судья обзывали ее «конный милиционер» (а это было «контрреволюционер»!). Посидев и посмотрев в лагерях, можно признать этот анекдот за быль.

Портной, откладывая иголку, вколол ее, чтобы не потерялась, в газету на стене и попал в глаз Кагановичу. Клиент видел, 58-я, 10 лет (террор).

Продавщица, принимая товар от экспедитора, записывала его на газетном листе, другой бумаги не было. Число кусков мыла пришлось на лоб товарища Сталина. 58-я, 10 лет.

Тракторист Знаменской МТС утеплит свой худой ботинок листовкой о кандидате на выборы в Верховный Совет, а убор-

щица хватилась (она за те листовки отвечала)—и нашла, у кого. КРА, контрреволюционная агитация, 10 лет.

Заведующий сельским клубом пошел со своим сторожем покупать бюст товарища Сталина. Купили. Бюст тяжелый, большой. Надо бы на носилки поставить да нести вдвоем, но заведующему клубом положение не дозволяет: «Ну, донесешь как-нибудь потихоньку». И ушел вперед. Старик сторож долго не мог приладиться. Под бок возьмет—не обхватит. Перед собой нести—спину ломит, назад кидает. Догадался все же: снял ремень, сделал петлю Сталину на шею и так через плечо понес по деревне. Ну, уж тут никто оспаривать не будет, случай чистый. 58-8, террор, 10 лет.

Матрос продал англичанину зажигалку «Катюшу» (фитиль в трубке да кресало) как сувенир—за фунт стерлингов. Подрыв авторитета Родины, 58-я, 10 лет.

Пастух в сердцах выругал корову за непослушание «колхозной б...» — 58-я, срок.

Элочка Свирская спела на вечере самодеятельности частушку, чуть затрагивающую, — да это мятеж просто! 58-я, 10 лет.

Глухонемой плотник — и тот получает срок за контрреволюционную агитацию! Каким же образом? Он стелет в клубе полы. Из большого зала все вынесли, нигде ни гвоздика, ни крючка. Свой пиджак и фуражку он, пока работает, набрасывает на бюст Ленина. Кто-то зашел, увидел. 58-я, 10 лет.

Перед войною в Волголаге сколько было их! — деревенских неграмотных стариков из Тульской, Калужской, Смоленской областей. Все они имели статью 58-10, то есть антисоветскую агитацию. А когда нужно было расписаться, ставили крестик. (Рассказ Лоцилина).

После же войны сидел я в лагере с ветлушкой Максимовым. Он служил с начала войны в зенитной части. Зимой собрал их политрук обсуждать с ними передовицу «Правды» (16 января 1942 года: «Расколосшим немца за зиму так, чтоб весной он не мог подняться!»). Вытянул выступать и Максимова. Тот сказал: «Это правильно! Надо гнать его, сволоча, пока выюжит, пока он без валенок, хоть и мы часом в ботинках. А весной-то хуже будет с его техникой...» И политрук хлопал, как будто все правильно. А в СМЕРШ вызвали и накрутили 8 лет—«восхваление немецкой тех-

ники», 58-я. (Образование Максимова было—один класс сельской школы. Сын его, комсомолец, приезжал в лагерь из армии, велел: «Матке не описывай, что арестован, мол—в армии до сих пор, не пуcaют». Жена отвечает по адресу «почтовый ящик»: «да уж твои года все вышли, что ж тебя не пуcaют?» Конвойный смотрит на Максимова, всегда небритого, пришибленного да еще глуховатого, и советует: «Напиши: дескать, в комсостав перешел, потому задерживают». Кто-то на стройке рассердился на Максимова за его глуховатость и непонятливость, выругался: «испортили на тебя 58-ю статью!»)

Детвора в колхозном клубе баловалась, боролась, и спинами сорвали со стены какой-то плакат. Двум старшим дали срок по 58-й. (По Указу 1935 года дети несут по всем преступлениям уголовную ответственность с 12-летнего возраста!) Мотали и родителям, что подучили, подослали.

16-летний школьник-чувашенок сделал на неродном русском языке ошибку в лозунге стенгазеты. 58-я, 5 лет.

А в бухгалтерии совхоза висел лозунг «Жить стало лучше, жить стало веселей. (Сталин)». И кто-то красным карандашом приписал «У»—мол, Сталину жить стало веселей. Виновика не искали—посадили всю бухгалтерию.

Уж конечно карается 58-й сбор денег в цеху на помощь жене арестованного рабочего. (Да как еще осмелились, спросить!)

Гессель Бернштейн и его жена Бессчастная получили 58-10, 5 лет за... домашний спиритический сеанс. Следовательно добивался: сознайся, кто еще крутил? (А в лагере прошел слух, что Гессель сидит «за гадания»,—и придурки несли ему хлеб и табак: погадай и мне!)

Вздорно? дико? бессмысленно? Ничуть не бессмысленно, вот это и есть «террор как средство убеждения». Есть пословица: бей сороку да ворону — добьешься и до белого лебеда! Бей подряд—в конце концов угодишь и в того, в кого надо. Первый смысл массового террора в том и состоит: подвернутся и погибнут такие сильные и затаенные, кого поодиночке не выловить никак.

И каких только не сочинялось глупейших обвинений, чтоб обосновать посадку случайного или намеченного лица!

Григорий Ефимович Генералов (из Смоленской области) обвинен: «пьянствовал потому, что ненавидел Советскую власть» (а он пьянствовал потому, что с женой жил плохо),—8 лет.

Ирина Тучинская (невеста сына Софроничконого) арестована, когда шла из церкви (намечено было всю семью их посадить), и обвинена, что в церкви «молилась о смерти Сталина» (кто мог слышать ту молитву?!),—террор! 25 лет.

Александр Бабич обвинен, что «в 1916 году действовал против советской влас-

ти (II) в составе турецкой армии» (а на самом деле был русским добровольцем на турецком фронте). Так как попутно он был еще обвинен в намерении передать немцам в 1941 году ледокол «Садко» (на борт которого был взят пассажиром),—то и приговор был: расстрел! (Заменяли на червонец, в лагере умер.)

Сергей Степанович Федоров, инженер-артиллерист, обвинен во «вредительском торможении проектов молодых инженеров»: ведь эти комсомольские активисты не имеют досуга дорабатывать свои чертежи. (Тем не менее этого отъявленного вредителя возили из Крестов... на военные заводы консультантом.)

Член-корреспондент Академии Наук Игнатовский арестован в Ленинграде в 1941-м и обвинен, что завербован немецкой разведкой во время работы своей у Цейса в 1908 году!—притом с таким странным заданием: в ближайшую войну (которая интересует это поколение разведки) не шпионить, а только в следующую. Поэтому он верно служит царю в 1-ю мировую войну, потом советской власти, налаживает единственный в стране оптико-механический завод (ГОМЗ), избирается в Академию Наук,—а вот с начала второй войны пойман, обезврежен, расстрелян!

Впрочем, большей частью фантастические обвинения не требовались. Существовал простенький стандартный набор обвинений, из которых следователю достаточно было, как марки на конверт, наклеить одно-два:

- дискредитация Вождя;
- отрицательное отношение к колхозному строительству;
- отрицательное отношение к государственным займам (а какой нормальный относился к ним положительный!);
- отрицательное отношение к Сталинской конституции;
- отрицательное отношение к (очередному) мероприятию партии;
- симпатия к Троцкому;
- симпатия к Соединенным Штатам;
- и так далее, и так далее.

Наклеивание этих марок разного достоинства—однообразная работа, не требовавшая никакого искусства. Следовательно нужна была только очередная жертва, чтобы не терять времени. Такие жертвы набирались по разверстке оперуполномоченными районами, воинских частей, транспортных отделений, учебных заведений. Чтоб не ломать головы и оперуполномоченным, очень кстати тут приходились доносы.

В борьбе друг с другом людей на воле доносы были сверхоружием, иск-лучами: достаточно было только направить незвидимый лучик на врага—и он падал. Отказу не было никогда. Я для этих случаев не запоминал фамилий, но смею утверждать, что много слышал в тюрьме рассказов, как доносом пользовались в любов-

ной борьбе: мужчина убирал нежелаемого супруга, жена убирала любовницу или любовница жену, или любовница мстила любовнику за то, что не могла оторвать его от жены.

Из марок больше всего шел у следователей в ход десятый пункт—контрреволюционная (переименованная в антисоветскую) агитация. Если потомки когда-нибудь почитают следственные и судебные дела сталинского времени, они диву дадутся, что за неутомимые ловкачи были эти антисоветские агитаторы. Они агитировали иголкой и равной фуражкой, вымытыми полами (см. ниже) или нестиранным бельем, улыбкой или ее отсутствием, слишком выразительным или слишком непроницаемым взглядом, беззвучными мыслями в черепной коробке, записями в интимный дневник, любовными записочками, надписями в уборных. Они агитировали на шоссе, на проселочной дороге, на пожаре, на базаре, на кухне, за чайным домашним столом и в постели на ухо. И только непобедимая формация социализма могла устоять перед таким натиском агитаций!

На Архипелаге любят шутить, что не все статьи уголовного кодекса доступны. Иной и хотел бы нарушить закон об охране социалистической собственности, да его к ней не подпускают. Иной, не дрогнув, совершил бы растрату—но никак не может устроиться кассиром. Чтоб убить, надо достать хотя бы нож, чтоб незаконно хранить оружие—надо его прежде приобрести, чтоб заниматься скотоложеством—надо иметь домашних животных. Даже и сама 58-я статья не так-то доступна: как ты изменишь родине по пункту «1-б», если не служишь в армии? как ты свяжешься по пункту «4» с мировой буржуазией, если живешь в Ханты-Мансийске? как подорвешь государственную промышленность и транспорт по пункту «7», если работаешь парикмахером? если нет у тебя хоть поганенького медицинского автоклава, чтоб он взорвался (инженер-химик Чудаков, 1948 год, «диверсия»)?

Но 10-й пункт 58 статьи—общедоступен. Он доступен глубоким старухам и двенадцатилетним школьникам. Он доступен женатым и холостым, беременным и невинным, спортсменам и калекам, пьяным и трезвым, зрячим и слепым, имеющим собственные автомобили и просящим подавание. Заработать 10-й пункт можно зимой с таким же успехом, как и летом, в будний день, как и в воскресенье, рано утром и поздно вечером, на работе и дома, на лестничной клетке, на станции метро, в дремучем лесу, в театральном антракте и во время солнечного затмения.

Сравниться с 10-м пунктом по общедоступности мог только 12-й—недоселение или «знал—не сказал». Все те же, как выше сказано, могли получить этот пункт и во всех тех же условиях, но облегчение

состояло в том, что для этого не надо было даже рта раскрывать, ни братья за перо. «В бездействии-то пункт и наступал! А срок давался тот же: 10 лет и 5 «намордника».

Конечно, после войны 1-й пункт 58-й статьи—«измена родине», тоже не мог показаться труднодоступным. Не только все военнопленные, не только все оккупированные имели на него право, но даже те, кто мешкали с эвакуацией из угрожаемых районов и тем выявляли свое намерение изменить родине. (Профессор математики Журавский просил на выезд из Ленинграда три места в самолете: жене, больной свояченице и себе. Ему дали два, без свояченицы. Он отправил жену и свояченицу, сам остался. Власти не могли истолковать этот поступок иначе, как то, что профессор ждал немцев, 58-1-а через 19-ю, 10 лет.)

По сравнению с тем несчастным портным, клубным сторожем, глухонемым, матросом или ветлужцем, уже покажутся вполне законно осужденными:

— Эстонец Энсельд, приехавший в Ленинград из независимой еще Эстонии. У него отобрали письмо по-русски. Кому? от кого? «Я—честный человек, и не могу сказать». (Письмо было от В. Чернова к его родственникам.) Ах, сволочь, честный человек? Ну, езжай на Соловки!.. Так он же хоть письмо имел.

— Гиричевский. Отец двух фронтовых офицеров, он попал во время войны по мобилизации на торфоразработки и там порицал жидкий голый суп (так порицал-таки рот-то все же раскрывал!). Вполне заслуженно он получил за это 58-10, 10 лет. (Он умер, выбирая картофельную кожуру из лагерной помойки. В грязном кармане его нашли фотографию сына, грудь в орденах.)

— Нестеровский, учитель английского языка. У себя дома, за чайным столом рассказал жене и ее лучшей подруге (так рассказал же! действительно!), как нищ и голоден приволжский тыл, откуда он только что вернулся. Лучшая подруга заложила обоим супругам: ему 10-й пункт, ей 12-й, обоим по 10 лет. (А квартира? Не знаю, может быть—подруге?)

— Рябинин Н. И. В 1941, при нашем отступлении, прямо вслух заявил: надо было меньше песню петь—«нас не тронешь, мы не тронем, а затронешь—спуску не дадим». Да подлеца такого расстрелять мало, а ему дали всего 10 лет!

— Реунов и Третюхин, коммунисты, стали беспокоиться, будто их оса в шею жалила, почему съезда партии долго не собирают, устав нарушают (будто их собачье дело!). Получили по десятке.

— Фаина Ефимовна Эпштейн, пораженная преступностью Троцкого, спросила на партсобрании: «А зачем его выпустили из СССР?» (Как будто перед ней партия должна отчитываться. Да Иосиф Виссарионо-

вич может быть локти кусали) За этот нелепый вопрос она заслуженно получила (и отсидела) один за другим три срока. (Хотя никто из следователей и прокуроров не мог объяснить ей, в чем ее вина.)

А Груша-пролетарка просто поражает тяжестью преступлений. Двадцать три года проработала на стекольном заводе, и никогда соседи не видели у нее икон. А перед приходом в их местность немцев она повесила иконы (да просто бояться перестала, ведь гоняли с иконами) и, что особенно отметило следствие по доносу соседок,—вымыла полы! (А немцы так и не пришли.) К тому ж около дома подобрала красивую листовку немецкую с картинкой и засунула ее в вазочку на комод. И все-таки наш гуманный суд, учитывая пролетарское происхождение, дал Груше только 8 лет лагеря да три года лишения прав. А муж ее тем временем погиб на фронте. А дочь училась в техникуме, но кадры все допекали: «где твоя мать?» — и девочка отравилась. (Дальше смерти дочери Груша никогда не могла рассказывать — плакала и уходила.)

А что давать Геннадии Сорокину, студенту 3-го курса Челябинского пединститута, если он в литературном студенческом журнале (1946) написал собственных две статьи? Малую катушку, 10 лет.

А чтение Есенина? Ведь все мы забываем. Ведь скоро объявят нам: «так не было, Есенин всегда был почитаемым народным поэтом». Но Есенин был—контрреволюционный поэт, его стихи—запрещенная литература. М. Я. Потапову в рязанском ГБ выставили такое обвинение: «как ты смел восхищаться (перед войной) Есениным, если Иосиф Виссарионович сказал, что самый лучший и талантливый—Маяковский? Вот твое антисоветское нутро и сказалось».

И уж совсем заядлым антисоветчиком выглядит гражданский летчик, второй пилот «Дугласа». У него не только нашли полное собрание Есенина; он не только рассказывал, что крепко и сытно жили люди в Восточной Пруссии, пока мы туда не пришли,—но он на диспуте влетной части вступил в публичный спор с Эренбургом по поводу Германии. (По тогдашней позиции Эренбурга можно догадаться, что летчик предлагал быть с немцами помягче.) На диспуте—и вдруг публичный спор! Трибунал, 10 лет и 5 намордника.

В мемуарах Эренбурга не найдешь следа таких пустяжных событий. Да он мог и не знать, что спорщика посадили. Он только ответил ему в тот момент достаточно попартийному, потом забыл. Пишет Эренбург, что сам он «уцелел по лотерее». Эх, лотерейка-то была с номерами проверенными. Если вокруг брали друзей, так надо ж было вовремя переставать им звонить. Если дышло поворачивалось, так надо было и вертеться. Ненависть к немцам Эренбург уж настолько калил обезумело, что

его Сталин одернул. Ощущая к концу жизни, что ты помогал утверждать ложь, не мемуарами надо было оправдываться, а сегодняшней смелой жертвой.

И. Ф. Липай в своем районе создал колхоз на год раньше, чем это было приказано начальством,—и совершенно добровольный колхоз! Так неужели же уполномоченный ГПУ Овсянников мог эту враждебную вылазку перетерпеть? Не надо мне твоего хорошего, делай мое плохое! Колхоз объявлен был кулацким, а самого Липая, подкулачника, потащили по кочкам...

Ф. В. Шавырин, рабочий, на партсобрании сказал вслух о «завещании Ленина». Ну, уж страшней этого и быть ничего не может, это уж—заклятый враг! Какие зубы на следствии сохранились, на Колыме в первый год туберял.

Вот какие ужасные встречались преступники по 58-й статье. А ведь еще бывали злоехидные, с подпольным вывертом. Например, Перец Герценберг, житель Риги. Вдруг переезжает в Литовскую Социалистическую Республику и там записывает себя польского происхождения. А сам—латышский еврей. Ведь здесь что особенно возмутительно: желание обменять свое родное государство. Это значит, он считал, что мы его в Польшу отпустим, а оттуда он в Израиль улзнет. Нет уж, голубчик, не хотел в Риге—езжай в ГУЛАГ. Измена Родине через намерение, 10 лет.

А какие бывают скрытные! В 1937 среди рабочих завода «Большевик» (Ленинград) обнаружены бывшие ученики ФЗУ, которые в 1929 присутствовали на собрании, где выступал Зиновьев. (Нашлась регистрация присутствующих, приложенная к протоколу.) И 8 лет скрывали, прокрались в состав пролетариата. Теперь все арестованы и расстреляны. По какому-то же делу умудрились посадить трех братьев Старостинных, футболистов, двух братьев Знаменских, бегунов,—не спасла и спортивная знаменитость.

Сказал Маркс: «государство калечит самого себя, когда оно делает из гражданина преступника». И очень трогательно объяснил, как государство должно видеть в любом нарушителе еще и человека с горячей кровью, и солдата, защищающего отечество, и члена общины, и отца семейства, «существование которого священно», и самое главное—гражданина. Но нашим юристам читать Маркса некогда, а он, если хочет, пусть наши инструкции почитает.

Воскликнут, что весь этот перечень—чудовищен? несообразен? Что поверить даже нельзя? Что Европа не поверит?

Европа конечно не поверит. Пока сама не посидит—не поверит. Она в наши

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 1, с. 233, изд. 1928.

Им же и втолковывают, что они—уголовные, самые тяжкие из уголовных, а не уголовных у нас и в тюрьму не сажают!

Перешибли хребет Пятьдесят Восьмой—и политических нет. Влитых в свинское поило Архипелага, их гнали умереть на работе и кричали им в уши лагерную ложь, что каждый каждому враг!

Еще говорит пословица: возьмет голод—появится голос. Но у нас, но у наших туземцев—не появлялся. Даже от голода.

А ведь как мало, как мало им надо было, чтобы спастись! Только; не дорожить жизнью, уже все равно потерянной, и—сплотиться.

Это удавалось иногда цельным иностранным группам, например, японцам. В 1947 году на Ревучий, штрафной лагпункт Красноярских лагерей, привезли около сорока японских офицеров, так называемых «военных преступников» (хотя в чем они провинились перед нами—придумать нельзя). Стояли сильные морозы. Лесоповальная работа, непосильная даже для русских. Отрицаловка* быстро раздела кое-кого из них, несколько раз уперла у них весь лоток с хлебом. Японцы в недоумении ожидали вмешательства начальства, но начальство, конечно, и внимания не обращало. Тогда их бригадир полковник Кондо с двумя офицерами, старшими по званию, вошел вечером в кабинет начальника лагпункта и предупредил (русским языком они прекрасно владели), что если произвол с ними не прекратится, то завтра на заре двое офицеров, изъявивших желание, сделают хакакири. И это—только начало. Начальник лагпункта (Егоров, бывший комиссар полка) сразу смекнул, что на этом можно погореть. Двое суток японскую бригаду не выводили на работу, нормально кормили, потом увезли со штрафного.

Как же мало нужно для борьбы и победы—только жизнью не дорожить? жизнью-то все равно уже пропащей.

Но, постоянно перемешивая с блатными и бытовиками, нашу Пятьдесят Восьмую никогда не оставляли одну,—чтоб не посмотрели друг другу в глаза и не осознали бы вдруг—кто мы. А те светлые головы, горячие уста и твердые сердца, кто мог бы стать тюремными и лагерными вожаками,—тех давно по спецпометкам на делах отделили, заткнули кляпами рты, спрятали в специзоляторах, расстреляли в подвалах.

Однако, по важной особенности жизни, замеченной еще в учении Дао, мы должны ожидать, что когда не стало политических—тогда-то они и появились.

* Отрицаловка: отрицаю все, что требует начальство,—режим и работу. Обычно это—сильное ядро блатных.

Я рискну теперь высказать, что в советское время истинно политические не только были, но:

1. Их было больше, чем в царское время, и

2. Они проявили стойкость и мужество большие, чем прежние революционеры.

Это покажется в противоречии с предыдущим, но—нет. Политические в царской России были в очень выгодном положении, очень на виду—с мгновенными отголосками в обществе и прессе. Мы уже видели (часть первая), что в Советской России социалистам пришлось несравнимо трудней.

Да не одни ж социалисты были теперь политические. Только сплеснутые ушами в пятнадцатимиллионный уголовный океан, они невидимы и неслышимы были нам. Они были—немы. Немее всех остальных. Рыбы—их образ.

Рыбы, символ древних христиан. И христиане же—их главный отряд. Корявые, малограмотные, не умеющие сказать речь с трибуны, ни составить подпольного воззвания (да им по вере это и не нужно), они шли в лагеря на мучение и смерть—только чтоб не отказаться от веры! Они хорошо знали, за что сидят, и были неколебимы в своих убеждениях! Они единственные, может быть, к кому совсем не пристала лагерная философия и даже язык. Это ли не политические? Нет уж, их шпаной не назовешь.

И женщин среди них—особенно много. Говорит Дао: когда рушится вера—тогда-то и есть подлинно верующие. За просвещенным зубоскальством над православными батюшками, мяуканьем комсомольцев в пасхальную ночь и свистом блатных на пересылках,—мы проглядели, что у грешной православной церкви выросли все-таки дочери, достойные первых веков христианства,—сестры тех, кого бросали на арены ко львам.

Христиан было множество, этапы и могильники, этапы и могильники,—кто сочтет эти миллионы? Они погибли безвестно, освещая, как свеча, только в самой близи от себя. Это были лучшие христиане России. Худшие все—дрогнули, отреклись или перетаялись.

Так это ли—не больше? Разве когда-нибудь царская Россия знала столько политических! Она и считать не умела в десятках тысяч.

Но так чисто, так без свидетелей сработано удушение, что редко выплывает нам рассказ об одном или другом.

Архиерей Преображенский (лицо Толстого, седая борода). Тюрьма—ссылка—лагерь, тюрьма—ссылка—лагерь (Большой Пасьянс). После такого многолетнего изнурения в 1943 вызван на Лубянку (по дороге блатные сняли с него камиллаву). Предложено ему—войти в Синод. После стольких лет, кажется, можно бы себе

разрешить отдохнуть от тюрьмы? Нет, он отказывается: это — не чистый Синод, не чистая церковь. И — снова в лагерь.

А Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (1877—1961), епископ Лука и автор знаменитой «Гнойной хирургии»? Его жизнеописание, конечно, будет составлено, и не нам здесь писать о нем. Этот человек избывал талантами. До революции он уже прошел по конкурсу в Академию Художеств, но оставил ее, чтобы лучше служить человечеству — врачом. В госпиталях первой мировой войны он выдвинулся как искусный хирург-глазник, после революции вел ташкентскую клинику, весьма популярную по всей Средней Азии. Гладчайшая карьера развертывалась перед ним, какой и шли наши современные преуспевающие знаменитости, — но Войно-Ясенецкий ощутил, что служение его недостаточно, и принял сан священника. В операционной он повесил икону и читал студентам лекции в рясе с наперсным крестом (1921). Еще патриарх Тихон успел назначить его ташкентским епископом. В 20-е годы Войно-Ясенецкий сослан был в Туруханский край, хлопотами многих возвращен, но уже заняты были и его врачебная кафедра и его епархия. Он часто практиковал (с дощечкою «епископ Лука»), валили валом больные (и кожаные куртки тайком), а избытки средства раздавал бедным.

Примечательно, как его убрали. Во вторую ссылку (1930, Архангельск) он послан был не по 58-й статье, а — «за подстрекательство к убийству» (вздорная история, будто он влиял на жену и тещу покончившего с собой физиолога Михайловского, уже в безумии шприцевавшего трупы растворами, останавливающими разложение, а газеты шумели о «триумфе советской науки» и рукотворном «воскрешении»). Этот административный прием заставляет нас еще менее формально уразуметь, кто же такие истинно-политические. Если не борьба с режимом, то нравственное или жизненное противостояние ему — вот главный признак. А приписка «статьи» не говорит ни о чем. (Многие сыновья раскулаченных получали воровские статьи, но вывляли себя в лагерях истинно-политическими.)

В архангельской ссылке Войно-Ясенецкий разработал новый метод лечения гнойных ран. Его вызывали в Ленинград, и Киров уговаривал его снять сан, после чего тут же предоставлял ему институт. Но упорный епископ не согласился даже на печатание своей книги без указания в скобках сана. Так без института и без книги он окончил ссылку в 1933, воротился в Ташкент, там получил третью ссылку в Красноярский край. С начала войны он работал в сибирских госпиталях, применил свой метод лечения гнойных ран — и это привело его к Сталинской премии. Он согласился получать ее только в полном епископском облачении! (На вопросы о его биографии студентам мединститута

отвечают сегодня: «о нем нет никакой литературы».)

А инженеры? Сколько среди них, не подписавших глупых и гнусных признаний во вредительстве, рассеяно и расстреляно? И какой звездой блещет среди них Петр Акимович Пальчинский (1875—1929)? Это был инженер-ученый с широтой интересов поразительной. Выпускник (1900) Горного института, выдающийся горняк, он, как мы видим из списка его трудов, изучал и оставил работы по общим вопросам экономического развития, о колебаниях промышленных цен, об экспорте угля, об оборудовании и работе торговых портов Европы, экономических проблемах портового хозяйства, о технике безопасности в Германии, о концентрации в германской и английской горной промышленности, о горной экономике, о восстановлении и развитии промышленности стройматериалов в СССР, об общей подготовке инженеров в высших школах — и сверх того работы по собственно-горному делу, описание отдельных районов и отдельных месторождений (и еще не все работы известны нам сейчас). Как Войно-Ясенецкий в медицине, так горя бы не знал и Пальчинский в своем инженерном деле; но как тот не мог не содействовать вере, так этот не мог не вмешаться в политику. Еще студентом Горного института Пальчинский числился в жандармов «вожаком движения», в 1900 председательствовал на студенческой сходке. Уже инженером в 1905 в Иркутске занимал видное место в революционных волнениях и был по «делу об Иркутской республике» осужден на каторжные работы. Он бежал, уехал в Европу. Годы эмиграции он совершенствовался по нескольким инженерным профилям, изучил европейскую технику и экономику, но не упускал из виду и программу народных изданий «для проведения анархистских идей в массах». В 1913, амнистированный и возвращаясь в Россию, он писал Кропоткину: «в виде программы своей деятельности в России я поставил... всюду, где был бы в состоянии, принять участие в развитии производительных сил страны вообще и в развитии общественной самодеятельности в самом широком смысле этого слова»*. В первый же обезд крупных русских центров ему наперебой предлагали баллотироваться в управляющие делами совета съезда горнопромышленников, представляли «блестящие директорские места в Донбассе», консультантские посты при банках, чтение лекций в Горном институте, пост директора Горного департамента. Мало было в России работников с такой энергией и такими широкими знаниями.

И какая же судьба ждала его дальше?

* Письмо Кропоткину 20.2.1913. ЦГАОР, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 1936.

...Он стал в войну товарищем председателя Военно-Промышленного комитета, а после Февральской революции—товарищем министра торговли и промышленности. Как самый, очевидно, энергичный из членов безвольного Временного правительства, Пальчинский побыл даже генерал-губернатором Петрограда, в октябрьские дни—начальником обороны Зимнего дворца. Немедленно же он был посажен в Петропавловку, просидел там 4 месяца, правда, отпущен. В июне 1918 снова арестован без предъявления какого-либо обвинения. 6 сентября 1918 включен в список 122 видных заложников («если... будет убит еще хоть один из советских работников, нижеперечисленные заложники будут расстреляны», ПетроЧК, председатель Г. Бокий, секретарь А. Иоселевич*). Однако, не был расстрелян, а в конце 1918 даже и освобожден из-за неуместного вмешательства швейцарского социал-демократа Карла Мора (изумленного, каких людей мы гноим в тюрьме). С 1920 он—профессор Горного института, навещает и Кропоткина в Дмитрове, после скорой его смерти создает комитет по (неудавшемуся) увековечению его памяти—и вскоре же, за это или не за это, снова посажен. В архиве сохранился любопытный документ об освобождении Пальчинского из этого третьего советского заключения — письмо в Московский Ревтрибунал от 16 января 1922:

«Ввиду того, что постоянный консультант Госплана инженер П. А. Пальчинский 18 января с. г. в три часа дня выступает в качестве докладчика в Южбюро по вопросу о восстановлении южной металлургии, имеющей особо важное значение в настоящий момент, президиум Госплана просит Ревтрибунал освободить тов. Пальчинского к указанному выше часу для исполнения возложенного на него поручения. Пред Госплана Кржижановский.»**

Просит (и довольно бесправно). И только потому, что южная металлургия—«особо важное значение в настоящий момент»...и только—«для исполнения поручения», а там—хоть пропади, хоть забирайте в камеру назад.

Нет, Пальчинскому дали еще поработать над восстановлением горной добычи в СССР. После героической тюремной стойкости его расстреляли без суда только в 1929 году.

Надо совсем не любить свою страну, надо быть ей чужаком, чтобы расстреливать гордость нации—ее сгущенные знания, энергию и талант!

Да не то же ли самое и через 12 лет с Николаем Ивановичем Вавиловым? Разве Вавилов—не подлинный политический (по

горькой нужде)? За 11 месяцев следствия он перенес 400 допросов. И на суде (9 июля 1941) не признал обвинений!

А безо всякой славы мировой—гидротехник профессор Родионов (о нем рассказывает Витковский). Попав в заключение, он отказался работать по специальности—хотя это самый легкий был для него путь. И тачал сапоги. Разве это — не подлинный политический? Он был мирный гидротехник, он не готовился к борьбе, но если против тюремщиков он уперся в своих убеждениях—разве он не истый политический? Какая ему еще партийная книжка?

Как внезапно звезда ярчеет в сотни раз — и потухает, так человек, не расположенный быть политическим, может дать короткую сильную вспышку в тюрьме и за нее погибнуть. Обычно мы не узнаем этих случаев. Иногда о них расскажет свидетель. Иногда лежит блеклая бумажка и по ней можно строить только предположения:

Яков Ефимович Почтарь, рожд. 1887, беспартийный, врач. С начала войны—на 45-й авиабазе Черноморского Флота. Первый приговор военного трибунала Севастопольской базы (17 ноября 1941)—5 лет ИТЛ. Кажется очень благополучно. Но что это? 22-го ноября—второй приговор: расстрел. И 27 ноября расстрелян. Что произошло в роковые пять дней между 17-м и 22-м? Вспыхнул ли он, как звезда? Или просто судьи спохватились, что мало? (По первому делу он теперь реабилитирован. Значит, если бы не второе...?)

А троцкисты? Чистокровные политические, этого у них не отнять...

Историки когда-нибудь исследуют: с какого момента у нас потекла струйка политической молодежи? Мне кажется с 43—44 года (я не имею в виду молодежи социалистов и троцкистов). Почти школьники (вспомним «демократическую партию» 1944 года) вдруг задумали искать платформу, отдельную от той, что им усиленно предлагают, подсовывают под ноги. Ну, кем же их еще назвать?

Только мы и о них ничего не знаем и не узнаем.

А если 22-летний Аркадий Белинков садится в тюрьму за свой первый роман «Черновик чувств» (1943), не напечатанный, конечно, а потом в лагере пишет еще (но на грани умирания доверяет стучачу Кермайеру и получает новый срок),—неужели мы откажем ему в звании политического?

В 1950 году студенты ленинградского механического техникума создали партию с программой и уставом. Многих расстреляли. Рассказал об этом Арон Левин, получивший 25 лет. Вот и все, придорожный столбик.

А что нашим современным политическим нужны стойкость и мужество несравненно

* Петроградская правда 6.9.18, № 193.

** ЦГАОР, ф. 3348, ед. хр. 167, лист 32.

большие, чем прежним революционерам, это и доказывать не надо. Прежде за большие действия присуждались легкие наказания, и революционеры не должны были быть уж так смелы: в случае провала они рисковали только собой (не семьей!), и даже не головой, а—небольшим сроком.

Что значило до революции расклеивать листовки? Забава, все равно, что голубей гонять, не получишь и трех месяцев срока. Но когда пять мальчиков группы Владимира Гершуни готовят листовки: «наше правительство скомпрометировало себя», на это нужна примерно та же решимость, что пяти мальчикам группы Александра Ульянова для покушения на царя.

И как это самовозгорается, как это пробуждается само в себе! В городе Ленинске-Кузнецке—единственная мужская школа. С 9-го класса пятеро мальчиков (Миша Бакст, их комсорг; Толя Тарантин, тоже комсомольский активист; Велвел Рейхтман, Николай Конев и Юрий Аниканов) теряют беззаботность. Они не терзаются девочками, ни новыми танцами, они оглядываются на дикость и пьянство в своем городе и долбят, и листают свой учебник истории, пытаются как-то связать, сопоставить. Перейдя в 10-й класс, перед выборами в местные советы (1950 год), они печатными буквами выводят свою первую (и последнюю) проставатую листовку:

«Слушай, рабочий! Разве мы живем сейчас той жизнью, за которую боролись и умирали наши деды, отцы и братья? Мы работаем—а получаем жалкие гроши, да и те зажимают... Почитай и подумай о своей жизни...»

Они сами тоже только думают—и поэтому ни к чему не призывают. (В плане у них был—цикл таких листовок и сделать гектограф самим.)

Клеили так: шли ночью по городу гурьбой, один налеплял четыре комка хлебного мякиша, другой—на них листовку.

Ранней весной к ним в класс пришел новый какой-то педагог и предложил... заполнить анкеты печатным почерком.* Умолял директор не арестовывать их до конца учебного года. Сидя уже под следствием, мальчишки больше всего жалели, что не побывают на собственном выпускном вечере. «Кто руководил вами, сознайтесь!» (Не могли поверить гебисты, что у мальчиков открылась простая совесть—ведь случай невероятный, ведь жизнь дана один раз, зачем же задумываться?) Карцеры, ночные допросы, стояния. Закрытое (уж конечно) заседание Облсуда. (Судья—Пушкин, вскоре осужденный за взятки.) Жалкие защитники, растерянные заседате-

ли, грозный прокурор Трутнев (!). Всем—по 10 и 8 лет, и всех, семнадцатилетних, —в Особлаги...

Я пишу за Россию безязыкую, и потому мало скажу о троцкистах: они все люди письменные, и кому удалось уцелеть, те уж наверно приготовили подробные мемуары и опишут свою драматическую эпопею полней и точней, чем смог бы я. Но кое-что для общей картины.

Они вели регулярную подпольную борьбу в конце 20-х годов с использованием всего опыта прежних революционеров, только ГПУ, стоявшее против них, не было таким лопухим, как царская охранка. Не знаю, готовились ли они к той тотальной гибели, которую определил им Сталин, или еще думали, что кончится шутками и примирением. Во всяком случае, они были мужественные люди. (Опасаясь, впрочем, что, придя ко власти, они принесли бы нам безумие не лучшее, чем Сталин.) Заметим, что и в 30-х годах, когда уже подходило им под шею, они считали для себя всякий контакт с социалистами—изменой и позором, и поэтому в изоляторах держались отчужденно, даже не передавали через себя тюремную почту социалистов (ведь они считали себя ленинцами). Жена И. Н. Смирнова (уже после его расстрела) избегала общаться с социалистами, «чтобы не видел надзор» (то есть как бы—глаза компартии!)

Такое впечатление (но не настаиваю), что в их политической «борьбе» в лагерных условиях была излишняя суетливость, отчего появился оттенок трагического комизма. В телячьих эшелонах от Москвы до Колымы они поговаривали «о нелегальных связях, паролях»—а их рассовали по разным лагпунктам и разным бригадам.

Вот бригаду КРТД, честно заслужившую производственный паек, внезапно переводят на штрафной. Что делать? «Хорошо законспирированная комячейка» обсуждает. Забастовать? Но это значило бы клюнуть на провокацию. Нас хотят вызвать на провокацию, а мы—мы гордо выйдем на работу и без пайка! Выйдем, а работать будем по-штрафному. (Это—37-й год, и в бригаде—не только «чистые» троцкисты, но и зачисленные как троцкисты «чистые» ортодоксы, эти подали заявление в ЦК на имя товарища Сталина, в НКВД на имя товарища Ежова, в ЦИК на имя товарища Калинина, в генеральную прокуратуру, и им крайне нежелательно теперь ссориться с лагерным начальством, от которого будут зависеть сопровождающие характеристики).

На прииске Утиный они готовятся к XX годовщине Октября. Подбирают черные тряпки или древесным углем красят белые. Утром 7 ноября они намерены на всех палатках вывесить черные траурные флаги, а на разводе петь «Интернационал»,

* Продал ребят Федор Полотнянщиков, позже парторг полысаевской шахты. Страна должна знать своих стулчей.

крепко взявшись за руки и не впуская в свои ряды конвойных и надзирателей. Допеть, несмотря ни на что! После этого ни за что не выходить из зоны на работу! Выкрикивать лозунги: «Долой фашизм!», «Да здравствует ленинизм!», «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!»

В этом замысле смешан какой-то надрывный энтузиазм и бесплодность, становящаяся смешной...

Впрочем, на них или из них же кто-то стучит, их всех накануне, 6 ноября, увозят на прииск Юбилейный и там изолируют на праздники. Из закрытых палаток (откуда им запрещено выходить), они поют «Интернационал», а работяги Юбилейного тем временем выходят на работу. (Да и среди поющих раскол: тут есть и несправедливо посаженные коммунисты, они отходят в сторону, «Интернационала» не поют, показывая молчанием свою правоту.)

«Если нас держат за решеткой, значит, мы еще чего-нибудь стоим», — утешался Александр Боярчиков. Ложное утешение. А кого не держали?...

Самым крупным достижением троцкистов в лагерной борьбе была их голодовка-забастовка по всей воркутской линии лагерей. (Перед тем еще где-то на Колыме, кажется 100-дневная: они требовали вместо лагерей вольного поселения, и выиграла — им обещали, они сняли голодовку, их рассредоточили по разным лагерям и постепенно уничтожили). Сведения о воркутской голодовке у меня противоречивые. Примерно вот так.

Началась 27 октября 1936 года и продолжалась 132 дня (их искусственно питали, но они не снимали голодовки.) Было несколько смертей от голода. Их требования были:

— отъединение политических от уголовных;

— восьмичасовой рабочий день;

— восстановить полнупаек (то есть добавочное питание по сравнению с остальными, уж это — только для себя), питание независимо от выработки;

— уничтожение Особого Совещания, аннулирование его приговоров.

Их кормили через кишку, а потом выпустили по лагерям слух, что не стало сахара и масла, «потому что скормили троцкистам», — прием, достойный голубых фуражек! В марте 1937 пришла телеграмма из Москвы: требования голодающих

* Включали ли они в этих политических остальных Пятьдесят Восьмую, кроме себя? Вероятно, нет: не могли же они казров признать за братьев, если даже социалистов отвергли?

полностью приняты! Голодовка закончилась. Беспомощные лагерники, как они могли добиться исполнения? А их обманули — не выполнили ни одного. (Западному человеку ни поверить, ни понять нельзя, чтобы так можно было сделать. А у коммунистов — так.) Напротив, всех участников голодовки стали пропускать через оперчекотделы и предъявляли обвинения в продолжении контрреволюционной деятельности.

Великий сын в Кремле уже обдумывал свою расправу над ними.

Чуть позже на Воркуте на 8-й шахте была еще крупная голодовка (а может — это часть предыдущей). Здесь участвовало 170 человек, некоторые из них известны поименно: староста голодовки Михаил Шапиро, бывший рабочий Харьковского ВЭФ; Дмитрий Куриневский из киевского обкома комсомола; Иванов — бывший командир эскадры сторожевых кораблей в Балтфлоте; Орлов-Каменецкий; Михаил Андреевич; Полевой-Генкин; В. В. Верап, редактор тбилисской «Зари Востока»; Соколат Геверкян, секретарь ЦК Армении; Григорий Золотников, профессор истории; его жена.

Ядро голодовки сложилось из 60 человек, в 1927—28 сидевших вместе в Верхнеуральском изоляторе. Большой неожиданностью — приятной для голодающих и неприятной для начальства, было присоединение к голодовке еще и двадцати уроков во главе с паханом по кличке Москва (в том лагере он известен был своей ночной выходкой: забрался в кабинет начальника лагеря и оправился на его столе. Нашему бы брату — расстрел, ему — только укоризна: наверно классовый враг подучил?). Эти-то двадцать блатных только и огорчали начальство, а «голодовочному активу» социально-чуждых начальник оперчекотского отдела Воркутлага Узков говорил издеваясь:

— Думаете, Европа про вашу голодовку узнает? Чихали мы на Европу!

И был прав. Но социально-близких банкетов нельзя было ни бить, ни дать им умереть. Впрочем, после половины голодовки добрались до их люмпен-пролетарского сознания, они откололись, и пахан Москва по лагерному радио объяснил, что его попутали троцкисты.

После этого судьба оставшихся была — расстрел. Они сами своей голодовкой подали заявку и список.

Нет, политические истинные — были. И много. И — жертвенны...

СЛОН:

ИСТИНЕ ВОПРОЕЖИ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФИЛЬМУ «ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ»

В последнее время появилась целая серия публикаций о Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Этой же теме посвящен и широко разрекламированный фильм М. Голдовской «Власть Соловецкая», недавно вышедший на экраны страны. Что ж, сегодня, когда идет переосмысление нашего недавнего исторического прошлого, — материал выигрышный. Удивляют только односторонний подбор фактов и комментарии к ним, лишенные порой объективности.

После просмотра фильма создается впечатление, что Соловки — одна из первых «школ» сталинского аппарата репрессий. Авторы «Власти Соловецкой» пытаются убедить нас, что СЛОН — символ жестокости и несправедливости, нечеловеческих условий жизни и работы. И действительно, человеку непосвященному может показаться, что Соловецкий лагерь — прообраз фашистских концлагерей, застенков, созданный для уничтожения сотен тысяч ни в чем не повинных людей. Для того чтобы сделать взвешенный вывод о Соловках, думается, прежде всего необходимо оценивать события с позиций реальных фактов, а не голых эмоций.

Итак, Соловецкий лагерь особого назначения был создан в 1923 году по инициативе Ф. Э. Дзержинского. Лагерь возник не тайно от В. И. Ленина и других членов Центрального Комитета партии и не вопреки их воле. При этом авторы фильма совершенно не принимают в расчет, что там содержались ярые политические противники Советского государства: шпионы, террористы и диверсанты, политические бандиты и руководители кулацких и националистических формирований, расхитители социалистической собственности и подпольные дельцы, производители наркотиков, белые офицеры, запятнавшие себя кровью рабочих и крестьян, жандармы и профессиональные преступники, доставшиеся в наследство новой власти от дореволюционных правительств. В конце 20-х — начале 30-х годов туда стали направляться и иные категории осужденных.

Фильм же задуман, видимо, с целью опорочить деятельность ОГПУ СССР, направленную на борьбу с преступностью. Хроникальные кадры трактуются автором как заблагорассудится. Воспоминания бывших осужденных? А почему мы должны верить только им? Ведь те, кто отбывал наказание, не могут быть объективны на все сто процентов. Дикторский текст полностью построен на цитировании страниц романа А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», но режиссер об этом умалчивает по каким-то соображениям. А где же документы?

Приведем некоторые фрагменты дикторского текста и укажем, откуда он взят.

«В двухэтажном соборе там устроены карцеры. Содержат в карцере так: от стены до стены укреплены жерди толщиною в руку и велят наказанным арестантам весь день на этих жердях сидеть. (На ночь ложатся на полу, но друг на друга, переполнение). Высота жерди такова, что ногами до земли не достаешь. Не так легко сохранить равновесие, весь день только и силится арестант — как бы удержаться. Если же свалится — надзиратели подсакивают и бьют его. Либо: выводят наружу к лестнице в 365 крутых ступеней (от собора к озеру: монахи соорудили); привязывают человека по длине его к балану (бревну) для тяжести — и вдольно стелкивают; ступеньки настолько круты, что бревно с человеком на них не задерживается, и на двух маленьких площадках тоже».

Все здесь от первой до последней буквы взято из романа А. Солженицына. Как, впрочем, и нижеследующие строки:

«А то ставят на ребристый валун, на котором тоже не устоишь. А летом — «на пеньки», это значит — голого под комаров. Но тогда за наказанным надо следить; а если голого да к дереву привязывают — то комары справятся сами».

Не знаю, по каким мотивам М. Голдовская не стала указывать источник дикторского текста. А надо бы, чтобы не вводить зрителей в заблуждение.

Что касается существа цитированного, то

можно допустить устройство жердей для сидения заключенных и наблюдение за ними надзирателей, если им больше нечем было заниматься. Но «котпетая» публика, содержащаяся на острове, вряд ли позволила бы так над собой издеваться, учитывая крайне ограниченное число лиц администрации. Фантазировать хорошо, когда это в меру. Да и надзиратели службу несли без оружия, проживали тут же, на острове, а своя жизнь, как говорится, дороже.

Нами вовсе не ставится задача идеализировать Соловки как место изоляции преступников. Некоторые процессы в местах лишения свободы оказывали деградирующее влияние на заключенных. Среди них можно выделить три: 1) взаимное оскорбление администрации и заключенных; 2) обязанность выполнять незнакомую работу. Все осужденные обязаны трудиться, но те, кто занимал важные посты до осуждения, часто считали работу в месте заключения ненужной, лишеной смысла. Это действовало на них угнетающе; 3) обезличивание, стирание граней между личным и общим. Общее спальное помещение, обыски, необходимость принудительного общения с другими осужденными, совместная жизнь все 24 часа в сутки — все это порождало межличностные конфликты. Каждый заключенный прибывал в место лишения свободы со своими знаниями, социальным происхождением, сложившимся укладом жизни и т. д. Изменение социального статуса вызывало неудовлетворенность и существенным образом влияло на поведение личности в месте заключения.

Надо увидеть два ярко выраженных этапа развития Соловецкого лагеря: с 1923 по 1929 год и в последующие годы. А они далеко не однозначны, как и сама карательная политика тех лет. Одно дело, когда там отбывали наказание главным образом представители ранее господствовавшего класса (именно на это время относится развитие хозяйства, научных исследований, опытной работы, культурной жизни и др.). И совсем иное лицо он начал приобретать, когда с конца 20-х годов на смену этому контингенту сюда стали направлять в основном уголовных преступников со своими неписаными воровскими традициями, субкультурой и т. п., а также осужденных в связи с проведением коллективизации.

В конце 20-х годов меняется характер карательной политики в стране. СНК СССР своим постановлением от 11 июля 1929 г. возлагает на ОГПУ СССР задачу развития хозяйственной жизни наименее доступных, наиболее трудных для освоения мест страны.

К концу 20-х годов относится и расширение Соловецкого лагеря за счет освое-

ния материковой территории и направления сюда осужденных из изоляторов особоного назначения и общих мест заключения, имевших срок наказания свыше трех лет. Основную массу составляли неоднократно судимые и профессиональные преступники. Для их содержания создавались новые лагерные пункты, что всегда связано с большими трудностями: отсутствие дорог, неустроенный быт (первоначально проживали в палатках), ненадлежащее медицинское и материально-бытовое обеспечение — все это сказывалось на физическом состоянии осужденных, результатах трудовой деятельности, дисциплины и т. п.

Административно-производственный аппарат вновь открываемых лагерных пунктов комплектовался прежде всего осужденными, знающими порядок в местах лишения свободы, т. е. неоднократно судимыми. К тому времени, когда в результате проведения коллективизации сюда стали направляться осужденные из числа жителей сельской местности, тон жизни там задавали уже уголовные преступники.

Живые свидетели, представленные в фильме, сидели, по их мнению, ни за что ни про что в середине 20-х годов. А много ли мы найдем людей среди отбывавших наказание, которые считают, что они действительно сидели за дело? Непонятно, почему авторы фильма не удосужились представить нам своих героев с полнотой, то есть назвать дату, место осуждения и состав преступления. А может, это сделано умышленно?

Фильм, построенный на негативном материале, — это еще не полная правда. Это не что иное, как дань моде, как стремление к разоблачительной сенсации. Вряд ли кто станет отрицать, что место заключения гораздо хуже, чем свобода. Советская исправительно-трудовая система в начале 20-х годов находилась на пути своего становления. Борьба с любыми антиобщественными проявлениями была задачей государства в интересах народа. На этом сложном пути были не только ошибки, но и достижения. Было бы неверно отрицать и то и другое.

Заканчивается фильм высказыванием о том, что часть осужденных была с Соловков вывезена, а оставшиеся канули в вечность. Зритель выходит уже с полной уверенностью, что их постигла участь остаться вечными узниками Секирной горы. Так вот, в заключение позволю себе довести до сведения авторов фильма, что в 1939 году тюрьма на острове Соловки была закрыта, а отбывавшие наказание этапированы во Владимирскую и Орловскую тюрьмы, а вовсе не отправились в мир иной.

С. КУЗЬМИН,
кандидат юридических наук.

«Лесные братья».

Кто они?

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

Трудное мы переживаем время. Горько сознавать, что в стране не снижается межнациональная напряженность, усиливаются сепаратистские действия определенных сил, а на различных сборищах какие-то подозрительные типы грязью поливают наш строй, призывают покончить с «советской оккупацией». Я, как и многие ветераны Вооруженных Сил и внутренних войск, участник ряда событий прошлого, не могу пройти мимо извращения фактов, которыми манипулируют влиятельные лица для осуществления своих авантюристических планов. Уже не только через средства массовой информации, но и с высоких трибун можно услышать, когда в число жертв сталинизма пытаются зачислить тех, кто пролил немало крови, зверствовал против своего же народа.

Меня до глубины души возмутило выступление на второй сессии Верховного Совета СССР одного из авторитетных ораторов из Прибалтики, заявившего, что в Литве невинно пострадали в послевоенное время «лесные братья», которые укрывались от сталинского режима. Правда, говорил он, они иногда нарушали общественный порядок.

Собственно это и побудило меня взяться за перо. Об этих «невинных жертвах» я лично знаю не понаслышке, а как участник боевых операций, проводившихся в послевоенное время на территории Литовской ССР по ликвидации вооруженных формирований буржуазного националистического подполья.

Ложь можно опровергнуть голько правдой.

Как известно, в первые послевоенные годы в Прибалтийских республиках, в частности в Литве, возобновились прерванные войной социалистические преобразования, но они всячески срывались националистическими группами. Банды убивали советских и партийных работников, военнослужащих Советской Армии, пограничных и внутренних войск, терроризировали население. Националисты жестоко расправлялись с теми, кто поддерживал Советскую власть.

Ликвидация буржуазно-националистического подполья и его вооруженных фор-

мирований была возложена на органы государственной безопасности, пограничные и внутренние войска. В конце 1946 года в Прибалтику были направлены военные училища пограничных и внутренних войск, в том числе и наше Ленинградское пограничное училище, в котором я учился на последнем курсе.

Нам пришлось действовать в Литовской Республике в течение четырех месяцев в одном из самых активных по бандпроявлениям Укмергском уезде. Каких только зверств не пришлось тогда повидать!

А вот выписки из архивных документов.

Из доклада начальника политотдела 4-й стрелковой дивизии внутренних войск в политотдел внутренних войск НКВД СССР. «...В 3 часа ночи вооруженная банда численностью в 40 человек напала на волостной центр м. Ованты Утенского уезда с целью уничтожения советского актива и разгрома советских учреждений. Банда была вооружена автоматами, винтовками, гранатами, ручными пулеметами, противотанковым ружьем. Сначала банда напала на дом предвоисполкома, сожгла его. Был также разгромлен маслозавод, ряд других учреждений. Бандиты за время этого нападения убили 14 советских граждан. Банда действовала до 7 часов утра, а потом скрылась».

Бандиты зверски расправлялись не только с советскими работниками, но и с честными литовцами, всячески запугивали их. Так, однажды бандиты схватили девушку в Свенцяном уезде, жестоко над ней издевались, изнасиловали, затем на глазах местного населения деревни Баржай той же волости разбили прикладом голову, после чего расстреляли. Вместе с ней бандиты убили и ее отца...

Я изучил немало архивных материалов о «лесных братьях», этих «друзьях» литовского народа. Их корни уходили далеко. Они служили верой и правдой империалистическим интересам США, Англии, Германии. А главы их Вальдемарас, Пундзявичус, Мустейкис и др. сотрудничали с гитлеровской разведкой. И вот теперь они, оказывается, «национальные герои»?!

В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, литовские националисты ориентировались в основном на фашистскую Германию. Они поставляли ее разведывательным службам кадры для подготовки шпионов, диверсантов, террористов, засылавшихся в Советский Союз. Особенно усилилась их подрывная деятельность против нашей страны непосредственно перед нападением фашистской Германии. Под руководством абвера главари литовских буржуазных националистов, проживавшие в Берлине, в начале 1941 г. создали военноповстанческую организацию «Лнетуву активисту фронтас» (фронт литовских активистов) во главе с бывшим военным аташе буржуазной Литвы в Германии агентом гестапо полковником Шкирпой. Цель этой организации была одна: формировать на территории Литовской ССР диверсионно-террористические банды из остатков ликвидированных эксплуататорских классов, главарей и участников бывших буржуазных партий и организаций, части бывшего офицерства и чinov полиции, враждебно настроенных против Советской власти. Выступление банд приурочивалось к моменту нападения Германии на СССР. Для создания и руководства деятельностью этих банд немецкая разведка подготовила и направила через советскую границу на территорию Литвы 68 агентов. Различные подпольные националистические организации действовали в Латвия и Эстонии.

По заданию фашистской разведки подпольные националистические организации собирали сведения о дислокации, численности и вооружении советских войск, вербовали кадры для шпионажа, совершения диверсий и террористических актов, вели антисоветскую пропаганду.

Активную подрывную деятельность в республиках Прибалтики вело реакционное католическое духовенство. Церковнослужители проносили антисоветские проповеди, пропагандировали националистические идеи. Так, литовский епископ Бризгис создал антисоветскую повстанческую организацию, которая была связана с резидентом гитлеровской разведки пастором Лапе. Другую такую же организацию создал пастор Сушинкас и организовал доставку из Германии антисоветской националистической литературы. Когда началась война, националисты с оружием в руках выступили против Советской власти. Банды обстреливали отходящие части Красной Армии, совершали диверсии на железнодорожном транспорте, указывали немецкой авиации расположение военных объектов. Только в первые три с лишним месяца хозяйничанья гитлеровцев на территории республики молодчики из «фронта литовских активистов» совместно с фашистами уничтожили свыше 30 тыс. коммунистов, комсомольцев, патриотов — тех, кто участвовал в осуществлении социалистических преобразований в Литве.

Националисты, конечно, уже не рассчитывали восстановить свое господство, но надеялись у Гитлера выторговать для себя

привилегии, стать младшим партнером по эксплуатации своих народов.

На второй день войны «фронт литовских активистов» провозгласил создание «Временного правительства Литвы» во главе с Амбразявичусом. Первым актом этого «правительства» было обращение к населению Литвы с призывом оказывать всяческое содействие гитлеровской армии.

В фашистском меморандуме № 1 от 2 апреля 1941 года в разделе «Эстония, Латвия, Литва» говорилось: «В отношении данных областей возникает вопрос, не должна ли перед ними быть поставлена задача превратиться в будущем в территорию немецкого поселения с онемечиванием всех, кто в расовом отношении является наиболее пригодным»...

Однако в начале войны, когда гитлеровцы рассчитывали на быстрый разгром Советского Союза, они не очень считались с планом националистов. Общественные организации Литвы они передали не прежним владельцам, а германским капиталистам. Землю и другие природные богатства объявили собственностью созданного объединения германских монополистов. Оккупанты лишили националистов и видимости политической власти. Но те не с меньшим усердием продолжали служить захватчикам. Когда Красная Армия нанесла противнику ряд сокрушительных ударов и ход войны принял опасное для фашистов направление, гитлеровцы расширили «право» националистов, чтобы в большей мере использовать их преступные возможности. Националистической буржуазии была возвращена часть ее бывшей собственности, было разрешено восстановить старые и создать новые националистические организации фашистского характера. В Литве появились «Партия литовских националистов» и «Верховный литовский комитет».

Конечно, гитлеровцев не устраивало стремление литовских националистов к созданию видимости самостоятельного государства, даже если оно и профашистское. Им нужна была Литва в качестве колонии. Поэтому «Партию литовских националистов» они распустили, так же, как и «Временное правительство Литвы». Но главари националистов и их прислужники продолжали угодливо служить захватчикам, став руководителями полицейских охранных батальонов и участвуя в кровавых расправах над советскими гражданами.

Варварский погром учинила в Каунасе в июле 1941 г. банда во главе с националистом Климйтисом. Врываясь в дома по

ночам, озверевшие бандиты убивали спящих людей, многих хватили, уводили с собой и расстреливали. В течение нескольких ночей они уничтожили около четырех тысяч человек. 12-й литовский полицейский батальон, которым командовал профессиональный убийца Импулявичюс, действовал в Литве и Белоруссии. Осенью 1944 г. этот батальон в местечке Дукор Пуховичского района Минской области расстрелял 617 советских граждан. В Слуцке за два дня каратели Импулявичюса уничтожили пять тысяч мирных граждан. 9 ноября 1941 г. в г. Борисове — около восьми тысяч советских людей. Осенью 1941 г. расстреляли около девяти тысяч попавших в плен воинов Красной Армии.

Только гнусный гестаповский палач может так надругаться над девушкой, как это сделали литовские националисты по отношению к Марите Рагаускайте. Они изнасиловали ее, а затем отрезали груди, выкололи глаза и повесили на дереве у дороги.

Даже выдавшие виды гитлеровские убийцы поразились садизму и жестокости, с какими молодчики из батальона Импулявичюса совершали свои кровавые дела. В зверствах, истязаниях и расстрелах советских людей, в уничтожении сел, хуторов и деревень от литовских националистов не отставали и их «собратья» — латышские и эстонские националисты.

Оставшиеся формирования после войны продолжали вооруженную борьбу с Советской властью, опираясь на помощь новых хозяев — американских, английских, западногерманских империалистов, чему я сам был свидетелем.

Весь январь 1947 г. мы участвовали в чекистско-войсковых операциях. Они осуществлялись под руководством местных органов МГБ. По их оперативным данным нами блокировались лесные участки, где в тщательно замаскированных и хорошо оборудованных укрытиях находились бандитские формирования.

В ту пору я, в звании сержанта, был командиром отделения и старостой учебной группы. Нам часто приходилось действовать не только в составе дивизиона, взвода, но и учебной группы, отделения. Это зависело от обстановки. Мы участвовали в блокировании лесных массивов, отдельных населенных пунктов, хуторов. Часто на пути поисковых групп, например, в лесах, бандитами устраивались хорошо замаскированные засады, почти в упор они били по этим подразделениям из автоматов и пулеметов. Бывало и так, что, прочесав весь лес, мы в нем никого не находили, а когда поисковые цепи выходили на опушки

и поляны, бандиты открывали ожесточенный огонь в спину.

Как-то мне с отделением под руководством оперативного работника МГБ пришлось проводить операцию по изъятию одного из бандитских «идеологов», укрывавшегося в хуторе в замаскированном под погреб убежище. Помог нам в этой операции его отец, который условленным сигналом дал совет сыну сдаться. В убежище, состоявшем из нескольких отсеков, мы нашли много оружия, печатный станок, свежие листовки.

В феврале 1947 г. большинство подразделений училища, как правило, по отделениям было размещено гарнизонами в помещениях избирательных участков для обеспечения безопасности населения при проведении выборов в местные Советы. Нелегко приходилось нашим гарнизонам обеспечивать эту важную политическую кампанию. Бандиты нападали на избирательные участки, обстреливали их зажигательными пулями, нарушали связь, срезая телеграфные столбы. Они угрожали населению, что за участие в выборах и голосовании будут жестоко с ним расправляться, сжигать дома и т. д. Но, несмотря на это, люди участвовали в голосовании, более того, из числа местного населения активисты помогали партийным и советским органам в проведении выборов, а нам в борьбе с бандитизмом. Хорошо в этом деле проявили себя вооруженные активисты.

Так что далеки от истины утверждения нынешних защитников «лесных братьев», которые доказывают, что их поддерживал весь литовский народ.

Вспоминается и такой случай, глубоко запавший в душу. Как-то, осматривая один из хуторов, находившийся вблизи нашего гарнизона, его хозяйка пригласила весь наш наряд из 4-х человек к себе в дом на обед, по-матерински нас угостила, а потом, рыдая, рассказывала о зверствах бандитов, которые на ее глазах убили 18-летнюю дочь, посчитав ее «активисткой Советов».

Были и у нас потери. Из нашей учебной группы погибли курсанты Катанов и Фениев. В Укмерге с участием местных жителей мы тогда хоронили наших боевых товарищей. На этом кладбище уже покоились сотни советских воинов.

Вдумываясь в события тех лет в Литве, прихожу к мысли: насколько живучи националистические корни! На гробие обновления нашего общества появились новые политики, которые под прикрытием перестройки сеют смуту среди своего народа, пропагандируя идеи сепаратизма, национальную исключительность, разрушая наш Союз. Прорвавшись к власти, деятели «Саяюднса» пытаются вернуть республику к буржуазным порядкам. Не судьбы простых людей интересуют их, а личные корыстные цели.

И потому хочется сказать: «Братья-литовцы, будьте бдительны!»

Полковник в отставке Н. ЗАЗУЛИН, ветеран внутренних войск.

ТАЙГА НЕ СПИШЕТ...

На третий день они уже возвращались в Москву и подъезжали к ней, когда опустились сумерки.

— В банк не успеем, — устало сказал Савелий.

— Алику отвезем, — задумчиво отозвалась Лариса.

— А в больницу зачем заезжали? Заболел кто-нибудь?

— В больницу? — не сразу ответила. — Бумагу одну подписать нужно было, по делу.

— И шведы — «по делу»? — неожиданно спросил он.

— Никак, ты ревнуешь? — она деланно рассмеялась. — Дурачок ты мой! Никто, запомни, никто, кроме тебя, мне не нужен! — проговорила Лариса и ткнулась носом в его плечо.

И в этот момент Савелий увидел в зеркальце заднего вида зеленый «Москвич», который уже давно следовал за ним. Он резко прибавил скорость. От неожиданности голова Ларисы дернулась, и она недовольно спросила:

— Ты что-то нервничаешь сегодня?

— Так, двнжок проверяю, — не желая ее расстраивать, ответил Савелий, продолжая наращивать скорость. Зеленая машина сразу же исчезла. У Белорусского вокзала они свернули направо, и тут Лариса попросила его:

— На углу, у рынка, останови. У автомата, — она вытащила из «дипломата» небольшой сверток и положила его на колени. «Дипломат» бросила на заднее сиденье. Едва Савелий остановил машину, она положила сверток на сиденье и быстро пошла к автомату.

Савелий обернулся назад: зеленого «Москвича» не было, но вдруг увидел, что «дипломат» упал с сиденья и раскрылся. Он перегнулся через спинку и сложил вывалившиеся пачки денег, среди которых были и доллары. Он хмыкнул от удивления и поставил его на место.

Окончание. Начало в № 9.

Подошла Лариса:

— Савушка, не сердись, но мне нужно срочно заехать в одно место.

— О чем разговор, садись, домчу быстро.

— Нет, Алик «дипломат» ждет! Ты отъезди «дипломат» и у него дождись меня... Если спросит, почему я не с тобой... — она задумалась, — скажи... Ну, придумай что-нибудь.

— Хорошо.

— Целую, милый! Вон такси! — она подхватила сверток и, не заметив, что из него что-то выпало на сиденье, бросилась на дорогу.

— Лариса, подожди! — крикнул Савелий, но такси уже умчалось.

А на сиденье машины осталась лежать упаковка с ампулами. Неожиданно он вздрогнул от визга тормозов и обернулся: рядом с его машиной остановился зеленый «Москвич», который преследовал их. Из него выскочили четверо парней и окружили его «Волгу».

— Ее здесь нет! — вскрикнул парень в голубой куртке.

— В чем дело? — спросил Савелий.

— Где она? — не отвечая, спросил тот. В это время один из них заметил на заднем сиденье черный «дипломат».

— Деньги здесь! — обрадовался он тому, что разглядел «дипломат», и тут же открыл заднюю дверцу, потянулся к деньгам.

Не раздумывая ни секунды, Савелий оттолкнул его от машины и захлопнул дверь. На него набросились остальные, пытаясь оттеснить от машины. Несколькими ударами Савелий сбил их с ног.

— Бегите отсюда, пока не сдал вас в милицию. Не с вашими данными на грабеж ходить.

— На какой грабеж? — с удивлением воскликнул парень. — Это же наши деньги! Это вы грабители!

Что-то в его голосе было такое, что заставило Савелия ослабить свою хватку.

— Не делай вид, что ничего не знаешь! Мы по шестнадцать часов пашем! Почему мы должны отдавать свои кровные ему?



— Кому ему?—не понял Савелий.
 — Чего ты ваюку валяешь?— со злостью проговорил тот, что пытался завладеть «дипломатом».— Хочешь сказать, что не знаешь, кого возишь? И вообще, передай своему Воланду, что он от нас не получит больше ни копейки!

Савелий посмотрел ему в глаза и тихо сказал:

— Если то, что вы сказали, правда, вы получите свои деньги! Ясно?—и направился к машине.

— Как же, дождешься...—начал парень в куртке, но Савелий оборвал:

— Завтра, в девять утра, здесь же! Поняли? Слово «афганца»!

Что-то в его голосе заставило их поверить ему, и они больше не сказали ни слова.

Савелий подошел к своей машине, и вдруг под ногами что-то громко хрустнуло: он наступил на упаковку с ампулами.

После встречи с ленинградцами Савелий поехал не к шефу, а домой и оттуда позвонил ему. Разговор был коротким и ультимативным: на предложение вернуть деньги и оставить их с Ларисой в покое шеф ответил угрозами. И тогда Савелий решил припугнуть его, сказав, что уже вызвал милицию, после чего положил трубку...

Томительно тянулись минуты, но никто не звонил. Он был уверен в том, что вот-вот позвонит Лариса: именно ее должен направить на «переговоры» Алик, именно ее. Взвесив все это, он несколько успокоился и даже вспомнил о еде, но в этот момент раздался звонок.

Звонила действительно Лариса.

— Савушка, что же ты наделал? Почему не приехал к Алику? Почему обратился в милицию? Почему? Что случилось?

— Алик, Алик... Говори уж прямо: Воланд!—спокойно заметил он.

— Отку... Господи, что случилось?—на этот раз в ее голосе звучал страх.

— Откуда я знаю про Воланда?—он усмехнулся.—Просветили,

— Что ты наделал?—повторила она, но теперь обреченно, даже со злостью.—Верни ты ему эти деньги! Верни!

— А морфий ты ему уже вернула?

— Идиот! — закричала она испуганно.— Зачем ты лазил в пакет? Ты же ничего не знаешь! Пакет этот мой... и твой! Понял?

— Как?—растерялся Савелий: он ничего не понимал.

— Как, как... Верни ему деньги и быстро!

— Дай-ка ему трубку!—неожиданно попросил он.

— Да я из автомата звоню...—не сразу ответила Лариса и всхлипула.—И потом, ой... Если ты тронешь его, то и от меня, и от тебя только пух полетит!

В этот момент в дверь квартиры Савелия позвонили. Звонок услышала и Лариса:

— Это что, милиция?

— Какая милиция? — удивился Савелий. — Может, Алик?

— Нет, это не Алик! Слушай меня внимательно: ты ничего не знаешь! Ничего! Кого-то подвозил, и они оставили этот «дипломат»! Понял? Что бы ни случилось, ты ничего не знаешь! Все будет хорошо! Слышишь?

В дверь продолжали настойчиво звонить.

Когда он открыл ее, то увидел того самого капитана милиции, который останавливал его и разговаривал с Аликом. Рядом стояли еще двое сотрудников милиции...

КАКОЕ совпадение: тогда его арестовал капитан, теперь в душу лезет еще один. Зачем он спросил о Ларисе? Что ему от него надо? Что он говорит? Господи, что он говорит? Этого не может быть? Не может! Он врет! Чтобы его Лариса... Любовница Алика? Шлюха? Член банды? Идет расследование? Да что же это такое?!

Савелий шел по цеху и не видел ничего перед собой. Сейчас ему хотелось одного: излить свою злость, энергию, «выпустить пары», как говорил им инструктор...

Территория промзоны освещалась с четырех сторон яркими прожекторами с вышек. Было достаточно светло, и он направился к штабелям ящиков. Он знал, что там есть укромное место, где можно побыть одному.

Прошел по проходу между ровными рядами, остановился и неожиданно ударил кулаком по ящику. От удара лопнула доска, и этот звук словно подхлестнул его к действию: он начал ломать и крушить эти ящики вокруг, вкладывая в удары всю силу, всю накопившуюся ярость...

«Куклу решили из меня сделать? Ну уж нет! Вы еще не знаете, кто такой Бешеный! Ждите ответа!» И вдруг вскрикнул: «У круг, робяты! У круг!» Резко повернувшись, он направился к выходу и у самого выхода случайно задел плечом край штабеля: несколько ящиков повалились прямо на рельсы железной дороги.

— Кто там с ума сходит? — закричал пожилой осужденный в желтой куртке. Увидев Савелия, тут же сменил тон. — Это ты, Бешеный, что ж так неаккуратно? Прямо на рельсы, а вот-вот вагоны под погрузку начнут подавать.

— Под погрузку? — заинтересовался вдруг Савелий. — Ящиков, что ли?

— Да нет, бункер с опилками.

— И когда?

— Минут через пятнадцать-двадцать, а что?

— Солдат, думаю, нагонят: поспать не дадут.

— Нет, что им здесь делать? Опилки не ящики — куда спрячешься? На выезде враз проткнут штырем. Я здесь «червонец» добиваю и ни разу не слышал, чтобы кто решился на такое. — Он кивнул и пошел по рельсам.

Савелий долго смотрел ему вслед, потом решительно вернулся к месту своего «боя» с ящиками, улегся и задумался...

В этот момент рядом с его убежищем остановились двое: Тихоня и Угрюмый.

— Чего звал? — спросил Угрюмый.

— Шматье с хаваниной здесь?

— Давно на промке! А что?

— Сегодня отгружать будут.

— Сегодня? Как же без ксивы?

— Все ништяк! — хмыкнул тот. — Он сам прибежал.

— Да ты что? — нервно хохотнул Угрюмый.

— Оказывается, он большой любитель «грамса»... Кореша его и подраздели, а отмазаться нечем. Отдал ему весь чай за карту...

Говорившие, так и не заметив Савелия, исчезли за штабелями ящиков.

Странно, подумал Савелий, что это они задумали? Впрочем, какое ему дело до них...

Он услышал короткий гудок тепловоза и решительно выбрался из своего укрытия.

Вдоль цехов по рельсам медленно двинулись вагоны. Все были крытыми, и только один, несколько ниже остальных, — без крыши. Когда он поравнялся с лентой транспортера, выступающей из цеха, состав сразу же затормозил. Савелий несколько секунд смотрел на вагон, решал, как ему быть. Потом быстро вернулся к своему укрытию, откинув в сторону несколько ящиков, освободил широкую доску. Она была метра три длиной и чуть не в палец толщиной. Подхватив ее на плечо, быстро пошел в сторону состава. Оглянувшись по сторонам и не заметив посторонних, подошел к сцепке вагона без крыши, легко

вскочил на нее, рядом затянул доску, затем забрался на край борта вагона, поднял к себе доску и, стараясь не шуметь, опустил ее в вагон, мягко спрыгнул за ней. Часть вагона освещалась прожекторами с вышки, другая часть была погружена в темноту. Савелий положил доску в метре от стенки вагона и встал в тень, переводя дыхание.

Неожиданно снаружи послышался шум, тихие голоса.

Кто-то поднимался на борт вагона. Своими глазами увидел, как он сиганул сюда! Ладно, хоть позабавиться можно! Он уже сделал шаг, чтобы криком испугать контролеров, но тут на фоне сероватого неба увидел фигуру худого осужденного, который несколько минут назад вел переговоры с другим. Неужели он тоже?..

Худой запрыгнул в вагон. Второй, что был с ним, Угрюмый, заметил темный силуэт Савелия и испуганно вскрикнул:

— Кто здесь? — сунул руку в карман, выхватил ручку выкидного ножа.

Савелий сделал два шага и встал в луч прожектора.

— Бешеный? — удивился Угрюмый.

— И что дальше?

— Дальше? Успеем наговориться. Не до этого сейчас. Раскачиваем брезент.

Они быстро раскатали брезент, Савелий сунул под него доску.

— Зачем она? — не понял Тихоня.

— Идиоты, — ругнулся Угрюмый. — Вроде все обдумали, а про штыри забыли!

— Ништяк, Бешеный! — обрадовался Тихоня и быстро полез под брезент. — Рюкзак дай! — крикнул он Угрюмому и, получив его, затащил доску на себя.

Угрюмый приподнял край брезента, предлагая лезть Савелию. А сам вытащил из кармана поллитровую бутылку и побрызгал на борта, на брезент, затем полез под него...

— Ты бы хоть голову спрята! под доску: места хватит! — предложил Савелий.

— Ничего, я везучий! — хмыкнул Угрюмый и хотел еще что-то сказать, но тут раздался скрип транспортера, и по брезенту застучали опилки.

— Чего-то лаком завоняло! — встревоженно заметил Савелий.

— Это от собачек, — усмехнулся Угрюмый. — Чтоб не залаяли.

— Задохнемся же через пару часов.

— Через пару часов мы в речке купаться будем! — тяжело дыша, выдавил Тихоня.

Наконец скрип транспортера прекратился. Минут двадцать они продолжали стоять на месте. Дышать становилось все труднее: не хватало воздуха, немели руки, придерживающие доску.

Но вот состав дернулся, застучали колеса на стыках рельс. В этом перестуке Савелию слышалось: «За-чем-бе-жишь? За-чем-бе-жишь?»

— Самое трудное — вахту проскочить! — сказал он, пытаясь заглушить свои мысли. — Доску под наклоном держите.

— Зачем это?

— Чтоб шуп соскользнул, если попадет.

— А ты говорил... — начал Угрюмый, но его оборвал Тихоня:

— Усохни!

Состав, дернувшись пару раз, замер на месте. Снаружи послышался лай собаки, голоса...

Едкий лак высушивал горло, заставлял слезиться глаза. Липкий пот медленно стекал по бокам, вызывая нестерпимый зуд. Савелий с огромным трудом сдерживался, чтобы не чихнуть. Раздался громкий стук о дно вагона. «Зачем они стучат?» — подумал Савелий, но когда стук стал повторяться, он понял: это штырь, которым протыкают сыпучие материалы, вывозимые за пределы зоны. Попытался сжаться, усохнуть, но доска была слишком узка для его тела. Хорошо Тихоне: его и не видно из-под доски.

Снова послышались голоса, некоторые слова можно было разобрать:

— Скорее заканчивать... скоро... минут отходит...

Судя по всему, ждать осталось немного. Но вдруг Савелий услышал стук совсем рядом с собой. И тут же приглушенный стон или вздох, который сразу оборвался. В этот момент по их доске раздался стук, и его что-то укололо в бок. От неожиданности он едва не вскрикнул. Опустил руку, просунул ее вдоль тела и ошупал место боли: там было мокро. Боль не утихала.

Страшные стуки наконец прекратились, и через минуту-другую послышался скрип железных ворот. Нервный толчок теплового передался по вагонам, колеса буксанули, и состав начал медленно набирать скорость.

Томительно тянулись минуты. Савелий начал задыхаться. Прошло минут двадцать или больше, прежде чем раздался хриплый, но веселый голос Тихона:

— Все, кореш, свобода! Что, Бешеный, перетрухал? — он нервно захихикал.

Неожиданно послышался сдавленный стон.

— Ты что, Бешеный?

— Со мной все в порядке, почти. Это Угрюмый. Эй, Угрюмый?

Тот застонал, потом выругался.

— Что с тобой, Угрюмый? Задело, что ли? — встревожился Тихоня.

— Грудь прошили. Дышать трудно, задыхаюсь.

— Сейчас, сейчас наверх выберемся! — стал успокаивать Савелий, но его оборвал Тихоня:

— Не суется, Бешеный, рановато еще! Тебе придется потерпеть, Угрюмый! Минут пятнадцать-двадцать... Браконьер говорил, что здесь еще тянутся вышки с прожекторами! Сможешь потерпеть?

— Попытаюсь, — обреченно прохрипел тот в ответ.

— Ты рану-то заткни чем-нибудь: от потери крови ослабнешь! — посоветовал Савелий.

Он нервно закусил губы: только сейчас понял, какой опасности подвергался: чуть сдвинься доска — и штырь бы оказался не в бок, а в живот. Передернул плечами, почувствовал озноб: запоздалая реакция на страх. И чего, спрашивается, бежал? Рисковать можно во имя чего-то... Он тут же злорадно усмехнулся: перестань, Афганистан вспомнил! За кого и за что

рисковал? Дважды свою шкуру попортил! А теперь пишут — «никто вас не послал». Душно-то как, хотя бы глоток свежего воздуха... Савелий вдруг подумал, что выбраться из-под опилок будет не очень легко: полтора-два метра опилок над ними! Надо чем-то лицо обмотать. Майка! Точно, майка! И мягкая, и воздух хорошо пропускает, и опилки задержит. Нужно снять ее...

— Ну, что, кореш, не передохли еще? Пора наверх! Ты, Бешеный, парниша здоровый: бурись первым — мы за тобой...

Савелий попытался подняться вместе с брезентом, но смог только присесть. Обмотав лицо майкой, он попытался ползти к краю брезента, но и на это сил не хватило. Тогда он начал тащить брезент на себя, и вскоре рука, а потом и все тело оказалось в опилках. Дышать стало еще труднее: опилки забивались под самодельную маску, проникали в рот, в уши, в глаза, забивались под рубашку и противно кололи. Левый бок, задетый штырем, пекло огнем. От недостатка кислорода закружилась голова, и он вдруг потерял сознание.

— Бешеный! — позвал Тихоня, заметив, что тот прекратил движение. — Бешеный! Что с тобой?!

Его крик дошел до сознания Савелия, но не настолько, чтобы он смог понять хотя бы, где находится. Когда же постепенно осознал реальность, то вяло подумал: «Неужели конец? Они же без меня тоже не выберутся! Так глупо уйти на тот свет? Нет! Соberись, Савелий! Хватит нелепых смертей в твоей семье! Не раскисай!»

И с новыми силами начал подгребать опилки под себя. Казалось, что он полз целую вечность, пока его голова не вынырнула на поверхность. Он лихорадочно сорвал мокрую от пота майку и, широко раскрыв рот, начал жадно вдыхать воздух. Чуть отдышавшись, осмотрелся.

— Я вылез! Где вы?

— Здесь! Здесь мы! — услышал он глуховатый голос Тихони и, преодолевая усталость, принялся разгребать опилки в том месте, откуда раздался голос. Руки, словно ватные, с трудом подчинялись, но сдавленный стон Угрюмого подхлестнул, и он, еще энергичнее заработав ими, наткнулся на что-то мягкое.

— Я! Я это! — задыхаясь, выкрикнул Тихоня, высовывая голову наружу. Не догадавшись обмотать лицо, он надрывно кашлял, отплевывая с кровью опилки, забившиеся ему и в горло. — Ои... он, — в редкие от кашля паузы Тихоня пытался что-то сказать, тыкая пальцем в опилки, — он... близ... ко...

Угрюмого раскопали быстро, он, казалось, не дышал.

— Угрюмый! — крикнул Савелий, но тот не отзывался. — Угрюмый! — снова крикнул он и несколько раз хлестнул по лицу. В ответ — ни звука. Тогда он обхватил его плечи и начал тащить его мощное тело наверх.

— А-а-а!!! — застонал Угрюмый и глабоко вздохнул.

— Умница, Угрюмый! Дыши, дыши глуб-

же, — облегченно выдавил Савелий и бес- сильно откинулся на спину.

Когда он очнулся, Тихоня продолжал кашлять, хотя и чуть реже. Угрюмый жадно дышал, но каждый вздох сопровождался kloкочущим хрипом. В уголке губ появилась темная струйка, и Савелий не сразу понял, что это — кровь... Он распахнул ему куртку, разорвал промошную от крови рубашку и в свете луны увидел страшную рану с правой стороны груди. Покашливая, подполз к Тихоня.

— Снимай свою рубашку! Живее! — бросил ему Савелий.

— Чего раскомандовался? — начал тот, но, взглянув на грудь Угрюмого, безропотно скинул куртку, снял нижнюю рубашку. Савелий быстро нарвал из нее широкие полосы, из одной сделал тампон.

— Ты помочиться сможешь? — спросил он Угрюмого.

— Нет, я уже там успел... — с хрипом ответил тот. — А зачем?

— Надо! — заметил Савелий и спокойно, деловито помочился на тампон. Затем приложил его к ране и начал туго бинтовать грудь Угрюмого. — Старинное средство для дезинфекции! — пояснил. Потом устало откинулся на борт, прикрыл глаза и тут же провалился в сон.

— Спасибо тебе, Бешеный! — услышал он и открыл глаза. — Спас ты...

Угрюмый явно чувствовал облегчение, хотя и продолжал тяжело дышать.

— Возможно, я бы еще и выбрался, но тебя-то он точно с того света вытащил! — хмыкнул Тихоня. — Когда отрыл тебя, вообще бездыханным был. Как сейчас-то?

— Оклемаюсь со временем.

— Это хорошо, да времени-то нет: река скоро, — он странно поглядел на Угрюмого, прищурился. — Прыгать нужно будет.

— Чего пляшишь? — вспыхнул раненый. — Жалеешь, что не околел? — он закашлялся и бросил со злостью: — Я тебя еще переживу! А прыгать? Чуть подтолкнете — и все. А плаваю отлично — выплыву.

— Да ты что, кореш? Я ничего такого не имел... — пожал тот плечами. — Нервный, уж и посмотреть на него нельзя. Ладно, вы готовьтесь, а я взгляну, — он пополз к краю вагона.

— Ты вот что, Бешеный, — быстро заговорил Угрюмый, едва Тихоня отполз от них. — Если что со мной... Короче: будь осторожен с ним. Вот, держи для «верочки», — Угрюмый вытащил из-за пояса изящную финку в ножнах. — Сам сгоняй.

С интересом посмотрев на него, Савелий, ничего не сказал, сунул в карман подарок и вдруг почувствовал боль в боку: занимаясь другими, забыл о себе. Он приподнял куртку — рана была небольшая, но тупо саднила.

— Тоже задело?

— Да, печет немного.

— Вот гад! А ему хоть бы царапина.

Пожав плечами, Савелий подхватил его под мышки, пытаясь поднять на ноги.

— Может, не стоит? — простонал он. — Плавать-то я совсем не умею.

Савелий удивился:

— Ты ж говорил... Ладно, вместе пры-

гать будем: вытащу. Только сапоги снять придется: тяжело с ними, — он подхватил свободной рукой рюкзак, дотащил Угрюмого до края борта, усадил рядом и снял с него сапоги. Потом снял и с себя. Немного подумав, решительно вернулся назад, отыскал свою разорванную майку, связав ею обе пары сапог.

— Может, сохранить удастся, — ответил он на недоуменный взгляд Угрюмого.

— Речка вот-вот будет, — Тихоня взглядылся в темноту. — Скорость вроде небольшая. От борта сильнее толкайтесь: метра на два... — он держал в руках карту и спички. Потом сунул все это в пакет, сложил тот несколько раз и опустил в карман. Подошел к Угрюмому, положил руку на плечо: — Ты не думай... я это... — он махнул рукой и подошел к краю вагона.

— Постарайся ногами войти в воду, — прошептал Савелий на ухо Угрюмому и начал вглядываться по ходу поезда. — Рюкзак возьми, Тихоня!

Тот хотел возразить, но Савелий тревожно крикнул:

— Смотри!

— Тыфу, черт! — ругнулся Тихоня. — Пролеты строить начали. Ничего, успеем: они до половины только дошли...

Савелий обхватил правой рукой Угрюмого за талию и метров за пятьдесят до моста выбросил за борт связку сапог. Речка действительно не широкая, ширины было явно недостаточно для того, чтобы «вписаться» в нее с поезда. Да еще эти злополучные железные перекладины пролетов... Внимательно оценивая ситуацию, Савелий понял, что прыгать нужно над берегом: это единственная возможность попасть в воду.

— Над берегом прыгай! — крикнул он Тихоне. — Над берегом! Понял?

Стремительно приближался мост, и Тихоня, судорожно сжимая рюкзак, испуганно завопил:

— Почему? Почему над берегом?

— Чтоб живым остаться! Иднот! — со злостью бросил Савелий и тут же прошептал Угрюмому: — Приготовься! Сильнее отталкивайся! Пошли!

Угрюмый, всецело доверяясь своему спасителю, зажмурился от страха: ему казалось, что они сейчас разобьются о землю, и прыгнул... Уже у самой воды они слышали истошный, казалось, нечеловеческий крик, который резко оборвался...

Когда они вынырнули из воды, до берега было совсем близко, и Савелий, сбрасывая с себя судорожно цепляющиеся руки Угрюмого, пытался проталкивать его к берегу. В какой-то момент, чувствуя, что силы на исходе, он резко ударил Угрюмого по лицу, и тот потерял сознание. Савелий поднырнул под него и подтолкнул вперед, глотнув воздуха, снова ушел под воду. Вскоре ноги коснулись илистого дна, и он вытащил раненого на берег. Они долго лежали неподвижно, набираясь сил. Наконец Савелий поднялся, прислушался, вглядываясь в гладкую поверхность реки. Вокруг стояла тишина.

— Ну как ты?

— Напился на всю жизнь! — икнул Угрюмый. — Если бы не ты... Второй раз

мне жизнь даришь. Ну и ручонка у тебя! — он потрогал опухшую щеку.

— Что было делать? Могли оба утонуть. Крик слышал?

— Жутко стало! Не Тихоня ли?

— Пойду... за сапогами схожу!

— Погоди. — Он помолчал. — Ты... ты не бросишь меня?

— Дурак же ты, Угрюмый! — он улыбнулся. — Слушай, почему Угрюмый?

— Федор я, Федор Угрюмов! — он почему-то смутился.

— А я — Савелий! Ладно, потопая...

С нетерпением Угрюмый всматривался в полумрак, ожидая Савелия.

— Неужели бросил? — проговорил он вслух. — Нет, не должен... Верно, сапоги ищет.

Он резко повернулся на какой-то шорох и застонал от боли.

— Это я, Федор. — Савелий протянул ему сапоги.

— Чего так долго? Завалились куда, что ли? — обрадовался Угрюмый и, превозмогая боль, начал обуваться.

— Да нет, — он замолчал, поморщился, вспоминая что-то. — На мост ходил.

— Тихоня? — догадался Федор.

— Да, с ним все кончено. Вдребезги, всмятку! Смотреть страшно! Ладно, как рана?

— Дышать трудно.

— Доктора тебе нужно.

— Где ж его взять? Назад — зона, вперед... — Федор иадрывно кашлянул, — километров пятьсот-шестьсот до ближайшего жилого пункта.

— Сколько? — поразился Савелий.

— Пятьсот-шестьсот! Это тебе не Москва, землячок.

— Загнемся мы здесь, — обреченно заметил Савелий, ругнув себя за дурацкий побег. — Ни пищи, ни ружья.

— Как? — встрепенулся Федор. — А рюкзак?

— Вот. Все, что мы имеем, — он протянул полиэтиленовый пакет. — Шесть сухарей и один огурец, — хмыкнул Савелий. — «Богатые» запасы на шестьсот километров.

— Ладно, — ответил Федор. — За остальное не волнуйся: все будет! — и вытащил из кармана полиэтиленовый пакет, развернул его. — Вот! — протянул Савелию клочок белой материи.

— Что это? — и Савелий вдруг вспомнил, что видел такой у Тихони. — Дубликат?

— Почти, — хитро ухмыльнулся Федор.

— Когда успел? — Савелий даже сел от удивления.

— А когда он ко мне подходил... Я как чувствовал, что нам нужнее!

— Чем карта поможет? Не сократит же километры.

— Зря усмехаешься. Здесь карта, на ней — «курки» одного таежника...

— Который большой любитель «рамса»?

— Да. Но откуда ты знаешь?

— ЦРУ все известно! — он засмеялся. — По сторонам смотреть нужно, когда по секрету что-то сообщаешь.

— То-то я чувствовал, что на меня кто-то смотрит из-за ящиков... Так вот, это-

му Браконьеру «помогать» пришлось: откупать его.

— А стоило?

— Чудак! Да в его «курках» все есть: еда, оружие и... — он запнулся и многозначительно добавил: — все, в общем.

— А далеко до него топать?

— Километров пятьдесят, не больше, — взглядываясь в тряпицу, ответил Угрюмый.

— Это при условии, что он не соврал вам.

— Ну, нет! Он в курсе, что по нашему «маяку» его пришлют в зону. Ну что, потопали? Вот только гостинец для собачки оставим, — он хитро прищурился и вытащил из кармана небольшой полиэтиленовый пакетик.

— Что это? Отрава, что ли?

— Табачок нюхательный.

— Не промок?

— Не должен: пакет запаивал и в воде проверял.

— Подготовочка! — покачал головой Савелий.

— А ты как думал! За жизнь борьба идет! За свою жизнь! — он надорвал пакетик зубами...

ЛИШЬ поздним утром к мосту, с которого они прыгнули в воду, со скрипом подъехала автодрезина. На ней восседали капитан Зелинский, четыре солдата и черная, с белой грудью, овчарка

— Проверим здесь, — хмуро сказал Зелинский. — Семенов и Полосин — вниз справа, Вавилов со мной, Левашов — на мост!

Не успел Зелинский спуститься вниз, как услышал крик Левашова:

— Товарищ капитан! Сюда! Сюда!

Выхватив пистолет, Зелинский устремился на крик.

— В чем дело, Левашов? Что случи... — он запнулся на полуслове, увидев окровавленное месиво. Склонившись над ним, поморщился: — Кажется, Данилин... — проговорил он наконец, потом внимательно осмотрел арматуру моста. — Не вписался в пространство... Видно, струсил в последний момент!.. Коля! Берн-ка собачку и вниз... Направо идите: там ищите следы!



— Почему направо? Ведь течение... —
Удивился Полосин.

— Верно, течение, но небольшое, а прыгали они справа, вот и труп с этой стороны. Не нужно следы затаптывать...

Они прошли с километр, когда Бодрый глужо зарычал и бросился в воду. Вскоре он вытащил окровавленную рубашку Угрюмого, а солдат с другого берега выловил куртку.

— Да-а! С такой раной вряд ли он доплыл до берега! — заметил Семенов.

— Товарищ капитан! — крикнул Левашов. — Мы тут куртку поймали. Говоркова, вроде, если по бирке... В крови.

— Где рана?

— На боку, на уровне живота.

— Значит, и тот, и другой ранены. Эх, сержант! — Зелинский явно огорчился. — Неужели не выбрался?.. Еще есть какие-нибудь следы?

— Нет, товарищ капитан!

— Ладно, идем еще с километр и будем возвращаться, пиджак и рубашку — с собой.

Паршиво было на душе Зелинского. Опять вспоминал он свой последний разговор с Говорковым. Не надо, конечно же, не надо было говорить ему обо всем, что узнал сам из телефонных переговоров с Москвой, от своего друга-прокурора. «Кто тебе этот Говорков, кум или сват? — друг начал, как всегда, с шуток. — Я из-за него, знаешь, сколько времени потерял? Но в общем-то не напрасно. Значит так, слушай, готовишься пересмотр дела. Любовница его утопила, а сейчас сама попалась, и ниточка к такому клубку тянется!.. Твой парень, может быть, и не ангел, но в этом деле его, кажется, подставили, как пацана...»

На кой черт надо было говорить об этом с Говорковым? Эмоции, видно, выплеснулись. Не ошибся, мол, поверив в честные глаза, в звание «афганец». Добро хотел человеку сделать, не пожалел черных красок на недавнее его окружение, чтоб понял лишний раз Говорков: нет туда возврата. А получилось... Обрадовал, называется...

ОНИ ПОТЕРЯЛИ счет времени. Голод, усталость и страх не давали им времени даже для маленькой передышки. Савелий ловил в ручьях раков, жарил их в глине, собирал ягоды, старался как мог поддержать силы Федора, но те таяли, таяли.

Однажды утром Савелий проснулся от того, что поймал на себе чей-то незнакомый взгляд. Открыл глаза. Рядом с ним был лишь Федор, но именно он и смотрел так: незнакомо, отрешенно.

— Ты чутко спишь.

Савелий удивленно взглянул на него: Федор говорил чисто, почти без усилий, и только затрудненное дыхание и ввалившиеся глаза выдавали его состояние.

— Я тебе карту в карман куртки сунул, — он жестом остановил Савелия. — На обратной стороне адрес матери написал. Если... Навести ее, когда сможешь.

— Что ты, ой-богу! Сам увидишь! Ну, потопала.

Федор продолжал так же серьезно смотреть на него:

— Погоди. Знаешь, мне в жизни не попадался человек, который бы ради меня... Правильно говорят: перед смертью прозрение приходит. Жил-то как? А чтоб урвать, чтоб себя не обделить. Думал, на том все и стоит. Я бы никого на себе не тащил, я бы даже не поверил в это, если б кто рассказывал. Я только топил других, и меня топили...

— Не надо об этом, Федор, — попросил Савелий.

— Давай выговориться, у меня ж больше не будет такой возможности. Так вот, я, кажется, сегодня смысл жизни понял: тащить друг друга.

— Из тюрем, что ли? — пошутил Говорков.

— Не, — улыбнулся Федор. — Тогда б и тюрем не было, если б все мы вот так, друг ради друга. Я бы человеком оставался, Угрюмовым бы, а не Угрюмым, честно.

— Ладно, Федор, пора идти...

Федор тихо умер к исходу этого дня...

Вторые сутки шел Савелий по лесу сам. Опухли ноги, потрескались губы. Но он упорно двигался вперед. Наметив впереди приметное дерево, старался дойти до него без отдыха. Часто казалось, что оно не приближается, стоит на месте или отбегает, заманивает его.

Добравшись до очередной намеченной цели, свалился обессиленный и лежал около часа, не в силах даже занять более удобное положение. Когда руки затекли и он перестал ощущать их, он все-таки повернулся и вытащил полиэтиленовый пакет, где, казалось, еще должен был остаться один сухарь. Пакет оказался пуст. Он потряхнул из него несколько крошек прямо в рот и взглянул с надеждой на небо: погода стояла пасмурная, и вот-вот мог пойти дождь.

— Ну, что тебе стоит? — прошептал он. — Хоть капельку побрызгай! — устало закрыл глаза и сразу же увидел воду. Она была везде: текла рекой, огромный фонтан бил из-под земли, водопад сбрасывал тонны воды, и она, растекаясь, образовывала... море! Море казалось настолько реальным, что руки сами потянулись к нему, но наткнулись... на дерево.

Савелий открыл глаза. Что-то ярко-красное брызнуло перед ним.

Рядом, метрах в пяти, рос небольшой кустик с ярко-красными ягодами. Из последних сил он пополз к нему, стал срывать ягоды и пригоршнями, вместе с листьями, запихивать в рот. Они были кислыми и горькими, но он не обращал внимания и жалел только об одном: куст был маленьким. Вскоре от куста остались голые ветки, и Савелий откинулся на спину. Куда же пропала эта чертова река? Он несколько раз стукнул кулаком по земле, поднялся на ноги и осмотрелся вокруг. Надо залезть на высокое дерево и... Выбрав подходящее, он решительно сбросил сапоги, размотал портянки, мокрые от пота и крови, подвигал ступнями и начал медленно карабкаться вверх по стволу. На каждой преодолённой ветке долго отдыхал и снова лез дальше. От голода и усталости

начали дрожать руки и ноги. До середины ему удалось добраться благополучно, но следующая ветка оказалась высоко, а с этой высоты ничего нельзя было рассмотреть. Взглянув вниз, потом вверх, Савелий понял, что на следующее дерево сил у него уже не хватит: нужно использовать до конца этот шанс.

Осмотрелся: ветвь, на которой он стоял, в метре от ствола изгибается резко вверх. Придерживаясь одной рукой за ствол, он начал осторожно продвигаться к злополучному изгибу. До него оставались сантиметры, но нужно было отпустить спасительный ствол. Савелий решительно оторвал руку от ствола и ступил на изгиб...

Опрокинулась перед глазами земля, больно начали стегать по лицу ветви: раз, другой, третий, но именно они, принимая на себя его падающее тело, смягчали, пружинили, предохраняя от свободного падения с восьмиметровой высоты. Упав на землю, со стоном перевернулся, в горячке попытался подняться на ноги и тут же потерял сознание...

Над тайгой взошла круглая луна и, отражаясь в мокрых ветвях, посеребрила хвойные деревья. Ночная тишина леса прерывалась глухими стонами Савелия. Он лежал неподвижно и только нервно вздрагивали пальцы рук. Ему вдруг показалось, что над ним кто-то склонился, и он с трудом приподнял воспаленные веки... Перед ним стояла... Лариса.

— Все будет хорошо! — услышал вдруг Савелий низкий и грудной, женский голос.

Не ее голос. Что Зелинский говорил? Она, она... Нет, Лариса сюда не придет.

Он через силу приоткрыл глаза и увидел над собой незнакомую женщину. Винтовка за плечами, широкий охотничий нож... Рядом с ней находились еще два живых существа: гнедая кобыла, под седлом и огромная пушистая черная лайка, похожая на медвежонка. Она внимательно слушала голос хозяйки: лошадь, смешно вращая ушами, собака — спокойно и неподвижно.

— Серьезно же ты, парень, вялался! А, Мишутка? — обратилась женщина к псу. — И зачем полез на дерево? Никак с дороги сбился. Исхудал-то как: кожа да кости. Давно, видно, по тайге плуствует, — она стала осматривать его лицо. — Одни порез глубокий. Швы придется накладывать. Ладно, как-нибудь пластырем стяну. Здесь что у тебя? — она осторожно прощупала грудную клетку. — Три ребра... А ноги? Левая в порядке, а с правой хуже, — не обращая внимания на стоны Савелия, женщина закатала штанину повыше, увидела сильную опухоль на голени, ощупала и покачала головой. — Перелом... — вытащив из кожаной сумки необходимые медикаменты, она намазала мазью лицо, стянула пластырем глубокий порез, затем выстругала из ветки нужного размера шину и плотно прибинтовала к ноге.

— Первая помощь оказана: теперь покормить тебя нужно. Но сначала отведаешь моего бальзамчика, а то волчьи ягоды своротят. Надо же — весь куст обглодал! — она отвинтила крышку стальной фляжки и насильно влила ему в рот несколько глотков. — Пей, дружок: он те-

бе сил даст и отраву нейтрализует. Пей, дружок, — ласково приговаривала женщина, — а потом мясного бульончика попьешь...

Накормив бульоном, она с трудом взвалила его поперек седла и медленно повела лошадь вперед.

Сумерки опустились на тайгу, когда они наконец подошли к большому бревенчатому дому, обнесенному высокими деревянными заплотом. Вокруг дома было несколько хозяйственных построек: конюшня, хлев, теплица, небольшая банька, чуть в стороне единственная кирпичная постройка — «электростанция», дизельный мотор. Все вокруг было ухожено, чисто, уютно.

Выздоровление шло медленно: прошло несколько дней, прежде чем он смог заговорить. День был пасмурным, дождливым: осень вступала в свои права. Варвара — так звали его спасительницу — что-то шила на швейной машинке. Мишка лежал рядом, устроив свою мохнатую голову на ее стопе. Савелий проснулся давно и с улыбкой следил за Варварой. Увлеченная работой, она не замечала этого и вздрогнула, когда он неожиданно сказал:

— Меня Савелием зовут.

— Наконец-то заговорил, — женщина облегченно вздохнула. — Давно проснулся? — смутилась вдруг она, вспомнив, что несколько минут назад примеряла будущую кофточку.

— Нет, только что, — слукавил Савелий и спросил, кивнув на фото мужчины на стене. — Когда хозяин вернется?

Варвара ответила не сразу, словно решая: говорить или нет.

— Егор никогда не вернется: погиб он.

— Простите, — смутился Савелий.

— Что уж... Вы же не знали.

— Лицо у него доброе! Как он погиб? — тихо спросил Савелий.

— Погиб? Глупо, несправедливо. Медведь задрал. Сам-то он никогда не охотился, ружье-то носил на всякий случай. Видно, и погиб-то потому, что не смог выстрелить в последний момент. Карабин в стороне лежал — пополам переломленный. Схватился с ним, а в руках один нож. Подранил его, да ухо отхватил... Так и остались мы сиротами.

— Мы?

— С дочуркой. Она сейчас в Артеке. Мой сводный брат вожатым там. Вот и удалось, в порядке исключения, Егоринку с ним отправить. Нормальным-то путем таких маленьких туда не берут.

— Егоринка? — улыбнулся Савелий. — Какое славное имя: словно ручеек журчит. Егоринка, — повторил он. — А вы решили здесь остаться?

— Егор очень любил тайгу, жил ею. И меня заставил полюбить. А сама я из Ленинграда, сначала трудно было, скучала по городу, по работе — я фельдшером на «Скорой» работала, — а потом... Уж и не могу себя представить без тайги: в Ленинград приедешь и через неделю назад тянет, не хватает чего-то...

— А меня тайга чуть не погубила, — вздохнул он с печалью в голосе.

— Ну, в этом вы сами виноваты. Не нужно было в таком состоянии по деревьям

лазать. Да еще после «пьяных» ягодок.

— Откуда?.. — начал он и подозрительно посмотрел на нее. — Вы что, наблюдали за мной?

— Чудак человек! — добродушно рассмеялась женщина. — Если бы я наблюдала за вами, то мне бы сейчас не пришлось вас врачевать! По вашим автографам прочитала. Следов много оставили: и на дереве, и куст обглоданный.

— Здорово! И всему этому обучил Егор?

— И он, и сама тайга, и охотник один... — она нахмурилась. — Автоном его зовут. Что-то давно его не видно: бывало, по несколько раз в месяц захаживал — то свежатинки какой занесет, то ягодок или кореньев каких, а тут около году не кажет носу. Не случилось ли что?

САВЕЛИЙ начал быстро поправляться. Вскоре она и бинты сняла с его груди — дышать сразу стало легче. Он решил, что пора ему восстанавливать ослабшие ноги: постепенно увеличивая нагрузку, стал сгибать и разгибать их в коленках, поднимать и опускать, нагружая и мышцы живота. Однажды, когда Варвара занималась хозяйственными делами, он попытался встать с кровати и добраться хотя бы до трюмо: взглянуть на себя. С огромными усилиями сел на кровати. Пот заливал глаза. Несколько минут сидел неподвижно, набираясь сил. Кружилась голова, стучало в висках... Ухватившись руками за спинку кровати, Савелий рывком выдернул малопослушное тело вверх и... оказался кровать не столь массивной, он грохнулся бы на пол, и Варваре снова пришлось бы применить свои медицинские знания... Ему удалось несколько изменить направление своего падения, он рухнул на кровать и отделался легким ушибом плеча...

Шли дни. Савелий продолжал свои тренировки. И недели через две он, наконец, смог добраться до своей цели: стоял перед трюмо. Глядя на себя, он ужаснулся: оброс, черты лица обострились, под глазами синие круги. Но более всего огорчил рваный шрам через все лицо.

— Хорош, нечего сказать! — скривился он, тяжело вздохнув. Наконец настал день, когда Варвара решила снять с ноги шину. Разбинтовав, она помассировала ему ногу:

— Ну, что — попробуем потихоньку встать?

— Попробуем! — он резко поднялся с кровати.

— Обними меня за плечи! — приказала Варвара. — Да не бойся: опирайся как следует — выдержу!

Они сделали несколько шагов.

— Молодец! Хорошо! Умница! Очень хорошо! — подбадривала она. — Не больно?

Ему, конечно же, было приятно держать ее за плечи, но и стыдно за обман, и он смущенно сказал:

— Варя, дай сам попробую.

— Может, рановато?

— В самый раз! — упрямо заявил он и решительно отпустил ее.

Чуть прихрамывая, медленно прошелся по комнате.

— Пойду на воздух: подышу чуток.

— Не застудишься. Вот, одень, — она протянула ему голубой свитер

— Спасибо, не надо, — смутился Савелий.

— Одевай-одевай!

Повертев его в руках, он все же натянул на себя. Вдруг подскочил Мишка и начал прыгать, тыкаться мордой в свитер и странно повизгивать.

«Друг ты мой сердечный! Сколько лет прошло, а ты все еще помнишь своего хозяина! Продолжаешь верить, что он вернется!» — ему вдруг стало невыносимо грустно и стыдно, словно он нечаянно воспользовался чужой, не ему предназначенной лаской.

Савелий стоял посреди двора и не видел, что Варвара все это наблюдала из окна: и то, как Мишка радостно прыгал вокруг него, и его неожиданную печаль. Варвара нахмурилась и распахнула окно, окликнула:

— Савелий!

Он вздрогнул, оглянулся.

— Сними-ка свитер: не углядела — заштопать надо. Я мигом!

Савелий медленно стянул свитер и протянул Варваре. Он не знал, куда деть свои глаза, что делать: хотелось скрыться, уйти куда-нибудь. Но куда? Куда он может уйти сейчас? Чертова нога! Чертова ситуация!!! Он беспомощно огляделся, сжимая кулаки в бессильной злобе и неожиданно увидел топор, небрежно вогнанный в колоду. Рядом валялись напленные чурки. Савелий подхватил топор и принялся яростно рубить чурки на полено. Он рубил зло, с ненавистью, словно каждая зарубленная чурка придавала ему силы. Пот градом струился по лицу, шее, стекал по спине, но он не замечал ни пота, ни того, что на руках, от не привычки, вздулись пузыри.

Дважды выходила на крыльцо Варвара и не решалась окликнуть его. Но все-таки не выдержала — подошла и тихо сказала:

— Тебе рано столько работать. Я воды согрела: идем, полью...

Тяжело дыша, Савелий вогнал топор в колоду и вздохнул.

— Пойдем! — Варвара положила ему руку на плечо. От этого прикосновения он ссутулился, словно на него опустился тяжелый груз. Постоял немного, выпрямился, медленно повернулся к ней и наткнулся на такой чистый и нежный взгляд, что растерялся.

— Ты что, бороду решил отпустить? — она улыбнулась.

— А что? Не идет?

— Пока не знаю... Может, и ничего будет... Хочешь, подстригу тебя?

— Хочу, — ответил он и улыбнулся, — а мытье как же?

— А мокрые волосы даже лучше стригутся.

Она смотрела, как Савелий растирается после мытья и спросила:

— Спортом занимался?

— Не столько спорт, сколько армия и флот, — он рассмеялся. — Надо же: в рифму, — шуточно поиграл бицепсами, взял рубашку и пошел к колоде.

— Оставь, сама постираю, — она решительно выхватила рубашку. — Иди за мной! Вот, одевай! — кивнула она на стол, когда они вошли в комнату. На столе лежала аккуратно сложенная одежда: рубашка, брюки, кожаная куртка. Варя тихо добавила: — Это все новое.

— Да я не... не к тому...

— И я не к тому! — перебила она. — Одевайся: разбогатеешь — отдашь, — весело улыбулась и тут же поставила стул посреди комнаты. — Садись. Стричь буду!

В КАБИНЕТЕ начальника ИТУ подполковника Чернышова собралось несколько человек: заместитель по режимно-оперативной работе подполковник Бушин, заместитель по политико-воспитательной работе майор Вишневыский и заместитель командира роты капитан Зелинский.

— Ну, какой ответ будем давать Москве? — спросил подполковник, ни к кому конкретно не обращаясь.

— О чем это вы, Иван Петрович? — спросил замполит.

— Ах да, вы же ничего еще не знаете. Пока вы были в командировке, Виктор Николаевич, из Москвы пришло решение Верховного суда РСФСР. Вот, зачитай: «Ознакомившись с материалами дела, а также с новыми обстоятельствами, возникшими в ходе расследования другого уголовного дела по протесту Прокуратуры РСФСР, приговор в отношении Говоркова Савелия Кузьмича отменить... Говоркова С. К. этапировать в Москву...» — он отложил бумагу в сторону.

— Так Говорков же в бегах, — пожал плечами майор. — Розыск ничего не дал. Так Москве и ответим.

— Это на моей памяти впервые, — вступил в разговор Бушин. — Когда один сразу и виновен, и невиновен, и нарушитель, и жертва. На контакты с «отпетыми» не шел, а побег совершил с матерями уголовниками. Чудеса!

— И на моей памяти кое-что впервые, — сказал Чернышов. — К примеру, впервые ротный офицер об осужденном заботится, телефоны московские обрывает.

— Я, между прочим, ему говорил: не суйся, — прервал подполковника Бушин. — Ну, зек и зек, не мы его сажали, не у нас пусть и голова болит. Их же вон сколько, что ж, каждого теперь в честно-сти подозревать, что ли?

— Ну ты сказанул, — покрутил головой майор Вишневыский. — И сам не заметил, какая нелепица получилась, да? Всех мы подозреваем. Зелинский только не притерся еще к нашей системе, по-своему мыслит.

— И не притрусь, — буркнул Зелинский.

— Дай-то бог, — пронзес Чернышов. — Только видишь, до чего твое мышление довели? Не стало Говоркова. То ли утонул, то ли... Тут, капитан, и не знаешь, то ли спасибо тебе за нетрафаретные мозги говорить, то ли голову вместе с этими мозгами снимать...

В АРЯ окинула взглядом стол и осталась довольна. Этому столу мог позавидовать не один городской ресторан. Чего только на нем не было: по-особому консервированные овощи и фрукты, сохранившие свежий вид, несколько разных салатов, черная и красная икра, рыба нескольких сортов, варенья с давно забытыми вкусами... Над всем этим возвышались два графинчика с настойками собственного приготовления: из голубики и облепихи...

Савелий вошел в комнату и остановился пораженный, не в силах вымолвить и слова. Глаза Вари смущенно и радостно поблескивали.

— Что за праздник? — выговорил он наконец.

— Это твой праздник, дружочек!

— Мой? — он даже испугался.

— Да, твой, Савушка, твой! Будем праздновать выздоровление. В жизни так мало праздников, и вот я решила...

Возникшая некоторая неловкость исчезла после первого тоста, который произнесла Варвара, пожелав ему «огромного счастья на долгой и трудной дороге жизни...». Потом она вытащила из комода бутылек странной формы и налила в рюмки.

— За такой тост нужно пить только целебную настойку!

— Какой необычный вкус, — удивился Савелий, выпив ее. — Что это?

— О-о, большой секрет! — с таинственностью в голосе сказала она и продолжила нараспев: — Это великая тайна нашего древнего рода, которая уходит своими корнями к давним тайнам тибетских монахов! Но тебе, о чужеродный странник, прошедший тяжкие испытания, дабы достигнуть нашей земли, я открую эту... — она заговорщически понизила голос, приставив палец к губам, — тайну напитка Жизни! Его принес мне сам старый браконьер Антон, тот, который исчез куда-то, так и не выдав рецепта...

Они рассмеялись.

И тут у Савелия помимо его воли вырвалось:

— Все мы исчезаем, пропадаем...

Сказал так и нахмурился. Исчез, пропал в одном месте, а в другом, в раю, можно сказать, очутился. Господи, да как же это произошло? Вспомнил Зелинского, коварные перила моста, модельную карту... Он вытащил ее из кармана, положил на стол перед собой.

— Что это? — спросила Варвара. — Знакомое что-то. Крестик. Клад там пиратский, да?

Но Савелий не поддержал шутки, урюмо глядя в окошко. Рай. Действительно, рай, черт возьми. Тишина, уютный дом, женщина, в которую не грех влюбиться. Живи себе до старости, сопи в две дырочки.

«За что мне это, дураку?»

Как там говорил Зелинский? «Я верю, что ты порядочный человек, вот не знаю, почему, но верю...» Ошибся ты, капитан, ой как ошибся, и подвел я тебя, может быть, под монастырь. А самому на сегодняшний день разве что ананасов не хватает. Даклада, как Варвара говорит, пи-

ратского. Взглянуть бы глазком одним, что это, а потом, потом...

Потом вернуться туда, к Зелинскому. ...Перед рассветом он положил на стол записку: «Вы очень славная и милая, вы были бы моим счастьем, но я не достоин его. Всегда буду помнить о вас. Говорков».

У крыльца встретил радостно повизгивающего пса, потрепал его за черные лохмы:

— Береги, Мншка, хозяйку. Я один из карабинов у нее взял, авось свидимся еще — отдам. Да в любом случае ей передадут оружие. Бывай!

До тайника, указанного на карте, Савелий добрался к вечеру следующего дня. Выполнив незамысловатые отсчеты: десять шагов на север от сосны с крестом на стволе, потом, под сорок пять градусов, двадцать шагов, он начал искать вход и вскоре наткнулся на металлическое кольцо. Очистив от снега крышку, поднял ее и спустился по небольшой лесенке вниз. Схрон представлял собой целую комнату: метра четыре в длину, три — в ширину. Утопленная в землю, она была утеплена со всех сторон тщательно обтесанными бревнами, уложенными плотными рядами и проконопаченными между собой. Наткнуться на схрон практически невозможно: бревенчатый потолок сверху был засыпан землей, и если бы ему Угрюмый не рассказал, как отыскать вход, то и карта не помогла бы. Землянка была сложена умело, со знанием дела, внутри было сухо, тепло и уютно.

Савелий чиркнул спичкой, осмотрелся, нашел лампу «Летучая мышь». Таковую же зажигали у них в детдоме, когда не было света. Бревенчатая комнатка осветилась ярким светом. Напротив лесенки стоял топчан со стальным мешком. Слева от него — столик, прикрепленный к стене. На нем — спиртовка и коробка с сухим спиртом. Слева от топчана в стене встроены два шкафчика: один — с посудой, другой — с запасом продовольствия, достаточного на добрый месяц жизни одному человеку. Нашел Савелий и патроны, которые, к его удивлению, подошли к карабину. Все было тщательно и аккуратно уложено. В деревянном полу он обнаружил еще одну крышку в подпол, где нашел банки с водой, небольшие мешочки с крупами, закатанные банки с соленьями, вареньями...

— Солидно упаковался! — воскликнул он. — Даже книги есть.

Книгам он удивился больше всего. Их лежало несколько: одни современных авторов, другие — русских классиков, но одна просто поразила — дореволюционное издание: «Все, что известно современной медицине о травах лесных»...

Он развалился на топчане и вдруг увидел еще один шкафчик, вделанный в стену. В нем он наткнулся на какие-то странные бруски, непонятно из чего сделанные. По форме и размерам они напоминали кирпичи зеленовато-серого цвета. Савелий взял один и едва не выронил на пол: поверхность «кирпича» была бархатной и мягкой, будто покрыта толстым слоем паутины.

Достав финку, он разрезал его и с удивлением обнаружил, что это хлеб! Пшенич-

ным запахом наполнилась вел землянка! Свежий мягкий, словно только что испеченный, но слегка остывший. С некоторой опаской он отщипнул кусочек мякиша и сунул в рот. Если бы он не знал, что в землянке не было никого около года, то подумал бы, что хлеб действительно испечен сегодня, в крайнем случае, вчера... А какой вкусный и ароматный! В чем же секрет? В добавке к тесту или в этом странном обволакивающем материале сверху? Может, и в том, и в другом? Ай да браконьер! Его награждать надо, а не в тюрьму сажать! Пожевав хлеба с колбасой, прихваченной с праздничного стола, Савелий медленно разделся и залез в спальный мешок.

ВАРЯ ЕЩЕ РАЗ перечла записку. Говорков, Говорков... Она бросилась к шкафу и достала оттуда журнал, где отмечала все сообщения, мало-мальски важные, с Большой земли... Лихорадочно листая, наткнулась на то, что искала: «Из мест лишения свободы совершили побег трое опасных преступников: Данилин Константин Иванович, Угрюмов Федор Валентинович, Говорков Савелий Кузьмич».

Говорков, Савелий... Она растерянно опустила на пол. Неужели он? Опасный преступник?! Нет, этого не может быть! Нужно проверить! Но как? А связь? Точно, нужно использовать запасное время! Ежедневно в четырнадцать у нее радиосвязь. И что спросить? Как спросить? Для начала об Антоне напомнить...

— Семен Алексеевич? Калита у телефона... Да нет, ничего не случилось... Я об Антоне беспокоюсь, о Туркине, — Варя старалась говорить спокойно. — Раньше, бывало, раза два в месяц заглядывал, а сейчас с год носа не кажет.

— Погорел твой приятель, Варвара! — кричал в трубку заместитель начальника управления.

— Как погорел?

— За браконьерство... Схлопотал три года: в колонии он. Лесничего ранил в руку. Вот такие пироги. Есть еще что?

— В общем, нет, хотя... — она сделала паузу, словно вспоминая, — как-то я ориентировку получила: о побеге трех опасных преступников. Хочу узнать: нашли ли их.

— Да нет. Один разбился насмерть...

— Кто? — перебила она.

— Сейчас взгляну... — через мгновение он нашел записку. — Вот! Данилин Константин Иванович, по кличке Тихоня, разбился насмерть при прыжке с вагона. О двух других сведений нет. Что это тебя так заинтересовало они? Появился чужой, что ли?

— Да нет, — замылась она и тут нашла. — Из-за Антона о них подумала.

Не опуская трубку, задумалась. Что дал ей этот разговор? Ничего. Как ничего? Карта! Она уверена, что эту карту рисовал Антон! Она вспомнила его манеру рисовать: однажды Антон начертил Егору, как найти зимовье. У нее хорошая зрительная память, потому, увидев карту, и решила, что ей знакома рука. Особенно

врезались в память две пересекающиеся стрелки в углу рисунка. Так значит, карта Антона у Савелия. И Савелий — преступник! И все же Варя откачивалась верить очевидному! Не может Савелий быть преступником! Не может! Но что-то же он совершил? Не могли же его за здорово живешь взять и посадить, да еще и опасным назвать!

— Еще вот что сказать хотел, — сказал Семен Алексеевич. — Предупреждение прими: освободилось много досрочников из колоний — будь внимательнее. Может, кого в помощь прислать? Хотя бы на время?

— Нет, спасибо! — поспешно заявила Варя и сразу, чтобы скрыть смущение, добавила: — Если что, Мишка выручит!

Поставив радиотелефон в шкаф, Варя быстро переделалась, накинула на плечи рюкзак с обычным набором для долгой дороги, взяла карабин на плечо и вышла из дома.

— Мишка! — громко позвала она, но тот не откликнулся. — Верно, снова в тайгу убежал, — огорченно буркнула, встала на лыжи и направилась в тайгу.

И главный тайник Антона-браконьера Савелий отыскал достаточно быстро. Он оказался внутри огромного, в три обхвата, старого дуба. Вход искать пришлось долго: уж очень искусно он был замаскирован. Под куском коры скрывалась небольшая дверка. Кроме съестных припасов, одежды и патронов он обнаружил около двух десятков двухлитровых банок, заполненных жидкостью золотистого цвета, в которой плавали толстые корни. Женьшень... Савелий скривил губы... Корень жизни. Зачем она, такая жнень?

Услышав шум снаружи, Савелий замер, прислушался. Шаги. Кто-то ходит рядом с дубом. Кто это? Выследили? Тогда почему не приказывают выходить?

Скрип шагов по снегу прекратился, и по дереву стали чем-то царапать. Догадались?

Дурацкое положение: очутиться в западне. Но вот попытки откинуть крышку лаза прекратились, шаги стали удаляться. Тогда Савелий решил осторожно приоткрыть дверку, чтобы осмотреться. Но как ни осторожно чихал, шорох задвижки оказался громким в тишине, и в его сторону метнулась огромная черная тень.

Он еле успел задвинуть засов, и снаружи раздался яростный звериный рев. Медведь! Зимой! Значит, шатун. Варя много рассказывала о них. Савелий даже почувствовал некоторое облегчение, увидев зверя, а не человека. Против зверя он может применять оружие. Он чувствовал, что медведь оголодал и не оставит его в покое. Что же делать? Может, попытаться приоткрыть для карабина дверку? Опасно. Так что же, ждать? Не будет же зверь долго сидеть на одном месте. Наверняка попытается добраться до него. И тогда надо будет стрелять точно в голову или в сердце: промах может окончиться трагически для Савелия.

Он попытался определить, где находится его противник, но снаружи стояла тишина. Можно подумать, что зверь все понял и тоже решил выжидать. Прошло несколько

ком томительных минут... А что, если зверь ушел? Ушел, пока он возился с карабином? Не может быть: услышал бы! Он где-то рядом.

Шаги прямо перед лазом. Савелий явно представил громадную тушу, переступающую с лапы на лапу. Что, холодно, косопалый? Шаги начали удаляться... Ну, еще немного... Еще... Пора!

Резко сдвинув задвижку, он откинул дверку и метрах в десяти увидел гигантского медведя.

Громко грянул выстрел, зверь остановился. Неужели промахнулся? Савелий стал быстро вылезать наружу. Хозяин тайги взревел и медленно двинулся на человека. Тот успел лишь поднять над головой карабин, защищаясь от страшных когтей медведя. Удар был столь сильным, что деревянное ложе переломилось пополам. Савелий выхватил из-за пояса нож и вонзил его по самую рукоятку в грудь зверю...

Медведь как-то странно посмотрел ему в глаза, словно удивляясь непонятной боли, лягнул у самого лица Савелия зубами, рухнул в снег и затих.

Савелий вытащил нож, вытер о шкуру и сушул в ножны. Увидел он и рану от пули, которая попала скорее всего в сердце, и зверь бросился на него уже смертельно раненным.

Третий день продолжала Варя поиски Савелия. Она бродила по тайге дотемна и возвращалась на займку, а на следующий день начинала все сначала. К своим неудачам относилась спокойно, больше беспокоилась о Савелии. Он мало живет в тайге, мало знает ее.

Долго она бродила наугад, кругами, но потом вспомнила о карте, которую видела у Савелия. Стрелки, стрелки в углу. Как они были расположены?

Немного отдохнув после схватки с медведем, Савелий отыскал в тайнике Антона аптечку, обработал йодом рану — задел медведь когтем, когда падал, — заклеил пластырем, встал на лыжи.

Яркое зимнее солнце выглянуло из-за туч, идти было легко. Бодрило непонятное ощущение скорой встречи с Варей. Он настолько увлекся своими мыслями, что не сразу услышал хриплый голос:

— Куда торопишься, землячок?

Вздвогнув, Савелий остановился и увидел перед собой трех мужчин. Небритые лица, настороженные быстрые взгляды. Двое, что помоложе, одеты в ватные телогрейки, третий — в полушубок. На ногах у всех — плетеные снегоступы.

— Что молчишь или язык проглотил? Может, струхнул малость? — усмехнулся парень в полушубке, сверкнув фиксой.

Савелий машинально отметил, что в снегу против троих ему будет трудно: не прыгаешь. Они остановили его не для того, чтобы справиться о здоровье, это он сразу понял. Жаль, карабина лишился сразу повежливее бы стали! Он молча и излишне спокойно воткнул палки в снег, оперся на них.



— Куда спешу? — Савелий помолчал немного, потом грубо бросил: — А кто вы такие, чтоб допрашивать? Говорите, что надо, — он произнес это настолько уверенно, без тени страха, что это заметно насторожило их: особенно, когда Савелий вдруг обернулся назад, на всякий случай, услышав какой-то шорох. Он заметил, что этот жест обеспокоил незнакомцев.

— Видим, мешок было начинаты! — пошамать что есть? Свое схарчили, а до ресторана далеко. — Фиксатый решил присмотреться, пока не обострять отношений.

— С этого и нужно было начинаты! — фыркнул Савелий и скинул рюкзак с плеч. Развязывая его, продолжал искоса следить за незнакомцами. Он понял, что они из колонии: бежавшие или освобожденные — неизвестно. Почему они здесь? Что им нужно? Скрываются? Савелий заметил, что самый молодой, крепкий, наморщив лоб, смотрит на него. Лицо парня показалось Савелию знакомым. Может, похож на кого? — Вот все, чем я могу поделиться с вами, — он вытащил банку тушенки, хлеб, отсыпал соли. — Спички-то есть?

— Найдутся, — заверил фиксатый, поглядывая на рюкзак, где успел заметить банку с жидкостью.

— Вот и хорошо: километрах в двух отсюда, если пойдете по моим следам, на медведя наткнетесь, с час назад завалил. Вам надолго хватит.

Выложив то, что решил отдать, Савелий завязал рюкзак и хотел забросить его за спину, но тут один из троицы бросился к нему и вырвал рюкзак, а фиксатый обхватил его за плечи. Не готовый к нападению, скованный лыжами на ногах, Савелий не успел среагировать, и его повалили в снег, связали руки за спиной.

Фиксатый принялся рыться в рюкзаке: достал банку с жидкостью, ножом Савелия вскрыл ее, понюхал:

— Спирт, братва! Я так и думал! — он сделал несколько жадных глотков. Острый кадык, словно поршень, двинулся несколько раз и замер. Протянув банку приятелям, он зажевал хлебом.

Второй тоже приложился к банке, сделал глоток и едва не поперхнулся, посмотрел на Савелия и тихо сказал:

— Я, кажется, вспомнил: Бешеный, — по-

том поднял палец и ткнул в сторону Савелия, — Бешеный! Точно, он.

Савелий посмотрел на него и презрительно сплюнул.

Фиксатый удивленно прищурился:

— Не понял! Что еще за бешеный?

— Ты что, забыл? Я ж рассказывал! До тебя еще было, трое с зоны сквозанули. Неужели не помнишь, Фиксатый?

Савелий улыбнулся тому, что угадал его кличку: Фиксатый — в точку!

— Ну!

— Среди них был и он, Бешеный!

— Что же ты сразу не сказал!

— Я же только узнал его.

— А где же Тихоня? Где Угрюмый? — допытывался Фиксатый, настороженно поглядывая на Савелия.

«Проверяет! — промелькнуло у Савелия. — Необходимо этим воспользоваться».

— Гробанулся Тихоня. Вдребезги: когда с вагона прыгали... А Угрюмый подойдет скоро.

«Ага, кажется, заглотили наживку! Вон как переглянулись!»

Фиксатый заговорил заискивающе:

— Вот что, Бешеный, я на тебя зла не держу. Может, миром разойдемся? Ты ведешь нас к «куркам» Браконьера, и разбегаемся.

— Какого браконьера? — искренне удивился Савелий.

— Ты, Бешеный, мозги мне не парь! Не советую! Браконьера он не знает! — он недобро усмехнулся. — А кто эту карту рисовал? — Фиксатый вытащил из перчаток карту Савелия, видно, вытащил, когда того связывали. — Браконьер задолжал мне, проиграл, понял?

— Как можно проиграть то, чего не имеешь? — Савелий как бы успокоился и снова оглянулся, словно в ожидании Угрюмого.

— Не понял. Как это не имеешь?

— Очень просто. Браконьер проиграл тебе то, что давно принадлежит нам. Мы

купили у него все это раньше, — спокойно и нравоучительно пояснил Савелий и добавил: — Сначала все принадлежало нам троим, теперь — двоим! Вот подойдет сейчас Угрюмый, тогда и договоривайтесь с ним, — улыбнувшись, он деланно зевнул. — Если сможете!

— Фиксатый! — предостерегающе окликнул тот, что опознал Савелия.

— погоди, Шарок! — отмахнулся он. — Может, полюбовно договоримся: вам половина и нам половина? Как в песне.

— А как вы здесь очутились? — не отвечая ему, неожиданно спросил Савелий. — Деру дали?

— А тебе-то что? Какое тебе дело, как выскочили? — вскрикнул тот нервно, визгливо. — Давай о деле говорить.

— А о деле такой разговор будет. — Савелий поднялся на ноги и двинулся на них. — Карту сюда, быстро!

Странно было наблюдать эту картину: один, со связанными за спиной руками, идет на трех здоровых мужиков, и те пугливо пятятся от него.

— Фиксатый, отдай ты ему паршивую карту! — испуганно взмолился Шарок. — Он же прав: с Браконьера спрашивать надо! Не дай бог Угрюмый вернется: он-то не станет долго базарить — как куропаток пощелкает и глазом не моргнет! Его ж даже Король уважает.

— Ты чего верещишь? «Угрюмый! Король!» Да плевать я хотел на всех! — он вдруг выдернул из-за пояса пистолет. — Я мента положил, чтоб эту «игрушку» добыть, для развлечения, думаете?

— Да ты что, Фиксатый? — они побледили и со страхом смотрели за его рукой. — Ты же сказал, что только оглоушил его...

— Оглоушил? Ага... навсегда! — видно, пистолет придал ему уверенности.

Пользуясь их перебранкой, Савелий постепенно приближался к Фиксатому, но тот заметил это и направил пистолет на него.

— Карту сюда, мразь! — зарычал Савелий, продолжая двигаться, утопая в глубоком снегу.

— Я ж так напугаюсь! — ерничая, он вытащил снова карту и помахал ею перед носом Савелия. — Вот она!

Ухмылка его была настолько противной, издевательской, что Савелий не сдержался и прыгнул на него ногами вперед. От неожиданности Фиксатый выронил карту и, желая поднять ее, наклонился, но Савелий снова бросился на него. Фиксатый выстрелил. Савелию обожгло плечо, но он, не обращая внимания на боль, снова устремился к нему.

Прятели Фиксатого в испуге смотрели за этим странным поединком, готовые в любой момент дать деру.

Падая в глубоком снегу, Савелий приближался к Фиксатому, который с наглой усмешкой поднимал пистолет... И в этот момент раздался ружейный выстрел. Он был настолько неожиданным и громким в тишине тайги, что приятели Фиксатого с криком: «А-та-ас, Угрюмый!» устремились прочь. А Фиксатый, заорав от боли, прижал к груди раненую руку и побежал за

ними, с трудом переступая в широких снегоступах...

Удивленный Савелий сел на снег и оглянулся, не понимая, кто оказал ему поддержку. Перед ним стояла Варя, сжимая в руках карабин. Савелий крепко зажмурился: не видение ли? Вновь открыл глаза и снова увидел Варю, которая с улыбкой укоризненно качала головой. Потом склонилась и разрезала ножом веревку.

— Видно, на роду у меня написано принимать спасение из твоих рук, — виновато вздохнул Савелий. — Сначала от смерти спасла, теперь — от этого подонка. Черт, снова рукав оторвали...

— Сумасшедший ты мой! — она не знала, смеяться или плакать. — О рукаве он думает, а у самого кровь хлещет.

— А, меня в зоне и без шкуры примут. Я должен тебе сказать, Варя...

— Я знаю, знаю! Идем домой, кровь остановить нужно.

— Из плеча, что ли?

— Причем здесь плечо? По лицу, — она полезла в сумку.

— А, поцарапал чуток, о ветку.

— Сиди уж, ветку... Хорошо еще, что медведь всю шкуру с тебя не содрал!

ВЕРТОЛЕТ завис так низко над тайгой, что от его винтов гнулись к земле тонкие ели. Среди снежного вихря мелькали три мужские фигурки. Наконец двое подняли руки. Однако третий все еще не терял надежды: он судорожно метался из стороны в сторону, пытаясь скрыться среди деревьев.

— Всем приказываю лечь на землю и раскинуть руки! — раздался громкий голос, усиленный мегафоном. Двое моментально подчинились, а третий побежал прочь.

— Чурки, немедленно лечь на землю! В случае неподчинения открываю огонь.

Фиксатый, а это был он, бросился за толстое дерево. Раздалась автоматная очередь, и вокруг него попадали ветки с дерева. В бессильной злобе стукнув по стволу здоровой рукой, он осторожно отошел от дерева, упал на снег и раскинул руки в стороны.

— Оружие! — крикнул подбежавший с солдатами капитан Зелинский.

Фиксатый молча отстегнул пояс с охотничьим ножом и бросил перед капитаном.

— Где пистолет?

Тот пожал плечами и ничего не ответил, затем сморщился и прижал к груди обмотанную какой-то тряпкой правую руку.

— Где пистолет? — капитан повернулся к его приятелям.

— Он... он, гражданин капитан, наверно, у Бешеного или Угрюмый подобрал, — испуганно ответил молодой парень.

— Угрюмый? — удивился капитан. — Где подобрал?

— Когда он... — парень перехватил злобный взгляд Фиксатого и тут же замолчал.

— Говори, не бойся! Он уже не сможет ужалить.

— Угрюмый ему руку прострелил, когда он с Бешеным столкнулся...

— Дошлапашься! — процедил Фиксатый сквозь зубы.



— А ты думаешь, что мы за тебя париться будем? — огрызнулся тот.

— Хватит! — остановил Зелинский. — Где вы с Говорковым встретились? С Бешеным, — добавил он, заметив, что они переглянулись.

— Километров пять-семь отсюда — в той стороне, — махнул парежь рукой.

Раздалась тревожная трель радиотелефона. Варя нахмурилась, с тревогой взглянула на Савелия:

— Калита на связи!

В трубку что-то говорили, и Варя, слушая, с тревогой смотрела на Савелия.

— Я все знаю. Стреляла я, чтобы предостеречь убийство Савелия Говоркова... Нет, товарищ капитан. Он ранен в плечо. Да, рядом, — удивленно взглянув на Савелия, она неуверенно сказала: — Савушка, капитан хочет говорить с тобой.

Савелий взял трубку и услышал Зелинского:

— Эх, Говорков, Говорков! Что же ты натворил?

— Я за все готов отвечать.

— Ну, и на том спасибо, что готов. Пистолет у тебя?

— Нет, у Варя, у Варвары Калиты. А я... Я сегодня же иду к вам, в зону. Или здесь меня брать будете?

Зелинский немного помолчал, потом сказал:

— Вот что, выходи на мост, с которого... Понял меня?

— Значит, верите мне? — спросил Савелий.

ЧАИ ОНИ пили уже, можно сказать, на ходу. Варвара собралась было проводить Савелия до моста, но тот был решителен:

— Сам теперь кратчайшую дорогу знаю. Не надо, а то получится как под конвоем.

— А сюда дорогу найдешь? — тихо спросила она.

— У меня, если честно, и нет больше других дорог. Но сюда... Я ведь, Варя... Ты совсем не знаешь, кто я, что я. Да и... не знаю, когда выйду.

— Все равно, хоть когда.

— А в прожатые сегодня Мишку возьму. Пойдешь со мной, бродяга?

Пес, только что вернувшийся из плуаний по тайге — хозяина искал, Говоркова, — не отходил теперь от его ног и, услышав обращение к себе, понятливо мигнул: неужто, мол, сомневаешься?

...На взгорке, у огромной сосны, Савелий остановился. Теперь дорога шла вниз, а значит, через минуту-другую потеряет он из виду этот дом, в котором вернулся к жизни. Варя стояла на высоком порожке. Увидела, что Савелий обернулся, вскинула руку над головой.

— Спасибо, — тихо сказал сам себе Савелий и вдруг почувствовал, как по щекам покатались слезы. Не стыдась их, опять, уже громче, произнес: — Спасибо!

ОТ РЕДАКЦИИ. По повести Виктора Доценко, которую вы сейчас прочли, на «Мосфильме» заканчиваются съемки художественной киноленты, которая, правда, будет носить другое название: «...По прозвищу «Зверь». Ставит ее кинорежиссер А. Муратов, оператор — Э. Караваев.

Фильм выйдет на экраны в конце нынешнего года.

ЧТО ПОД МУНДИРОМ «НЕУСТАВНЯКА»

«Вы ему морду набили? Морду ему набить, морду!»

Если верить Н. С. Хрущеву, это было одним из напутствий Сталина высшим командирам Рабоче-Крестьянской Красной Армии. И они били: «Давал в морду Буденный. Бил Захаров». «Пользовался этой рекомендацией Еременко». «Многие пользовались. Этот мордобой прививался командному составу».

Так когда же возникла в нашей армии неуставщина, если главкомы и маршалы насаждали мордобой и даже считали его за шик?

Бурная почта, вызванная публикацией повести Ю. Полякова «Сто дней до приказа», чуть-чуть приподняла завесу над казарменным бытом, казарменной психологией и главное — над таким нравственным уродством, как неуставщина. Начали рассказывать о своих мытарствах в армии воины запаса: Г. Садинов (Огонек, 1987, № 51), А. Терехов (Огонек, 1988, № 19), А. Шустов (Знамя, 1989, № 8), В. Буев (Молодой коммунист, 1989, № 10) и другие (я назвал лишь наиболее колоритные воспоминания).

Но почему молчат профессионалы? Или не мы, командиры и политработники, ежедневно сталкиваемся с неуставщиной, в меру сил и ума исправляя уродливости психологии личности и психологии социальной в наших подразделениях? Может, «мы ленивы и нелюбопытны»? Иль боязно, вдруг не то скажешь — выкинут к чертовой матери за забор, благо предложений хватит?

Думается, причина в другом. Кроме «Красной звезды» и наших армейских журналов, у большинства «гражданских» органов печати к жизни и быту армии интерес весьма специфический: накопать бы «жареных» фактов да подать посенсационнее. И вот вам «Случай в спецвагоне»... Картинки нарисованы, а в причинах пусть, мол, копаются офицеры, им за это деньги платят.

Зная это, я как политработник с многолетним стажем апеллирую прежде всего

к родителям, чьи сыновья служат или пойдут служить. Это самые заинтересованные люди (для остальных слова «армия» — часть общества — звук все-таки сторонний).

Так где же причины?

— **РОМКА**, дай ему, чтоб кровь брызнула, поддай, поддай! — эти выкрики-наставления соседа своему четырехлетнему чаду я слышал много раз.

Респектабельная пара, у которой единственное видео на весь микрорайон, ежевечерне на глазах у детей ставит концерты на кулаках.

Это ведь тоже наш образ жизни. О ПТУ и так сказано немало. А в общеобразовательной школе иной «трудный» ученик даже радостен учителю: повод для давления на родителей, чтобы то принесли, это сделали...

Но все же я отвлекся.

По-моему, под мундиром «неуставняка» кроются болезни нашей нравственности, которая по идее-то должна быть коммунистической. Неуставщина — лишь часть целого, часть морали вульгарной, которую общество, а стало быть, все мы исповедовали столько лет. Это часть вульгарного образа жизни, и армии он никак не мог не коснуться.

В ней остро не хватает педагогов. Военные училища их не выпускают: там по-прежнему «готовят офицеров». Изучение основ педагогики и психологии — минимальное. Главные предметы — тактика, огневая, строевая и пр. У иных курсантов, как и у большинства граждан страны, понятие об офицере полубстрактное — как о некоем стройном, подтянутом субъекте, умеющем громко командовать строем на плацу. Большой же труд, труд воспитателя молодых людей, вчерашних школьников, неформалов, работа индивидуально с каждым, а не с безликой массой, труд неблагодарный, для многих не только поступающих в военные училища, но и выпускников — полнейшая неожиданность. Это во-первых.

Во-вторых, в армии, где все направлено на обучение и воспитание, нет ...штатных воспитателей. Бытует мнение, что каждый офицер—воспитатель. Но более распространена другая, негласная установка: воспитание — функция политработников. Все остальные стремятся командовать, командовать и командовать.

На многих предприятиях, в школах есть заместители директоров по воспитательной работе. В любом общежитии есть воспитатели. В казарме их нет.

Политорганами, заместителями командиров частей по политчасти процесс воспитания планируется четко, но 5—6 офицеров политотдела на несколько тысяч человек явно недостаточно. А на кого им опереться?

БЛИЖАЙШИЙ к солдату офицер — его командир взвода, выпускник общевоинского командного училища. Он и жнец, и швец, и на дуде игрец. И кроме воспитательной на нем около двадцати иных функций. Прежде всего—обучение подчиненных полтора десяткам военных дисциплин. А это значит конспекты, планы, журнал учета, участие в создании учебно-материальной базы, наглядных пособий. Чтобы написать развернутый конспект для политзанятий (сейчас, правда, перешли к опорным конспектам, они короче) по одной только теме, требуется полдня. Далее. Он же организатор и руководитель боевой службы караулов и войсковых нарядов своего взвода, ответствен за бытоустройство, военное и другое имущество взвода... Плюс дежурства, плюс проверки службы, плюс... Словом, на воспитание подчиненных времени-то и не остается.

В армии, где все направлено на обучение и воспитание, нет... штатных воспитателей. Бытует мнение, что каждый офицер — воспитатель. Но на практике существует другое: воспитание — функция политработников. Все остальные стремятся командовать, командовать и командовать.

В роте (а это порой сто и более человек) есть, правда, офицер, которому предписано уставами заниматься воспитательной работой. И надо сказать, хороший заместитель командира роты по политической части может сделать погоду в своем подразделении. Он и делает ее (в частях не редкость роты, живущие годами без преступлений и происшествий). Но где взять хороших политработников для каждой из рот? Их не хватает. И вот вам, так сказать, политический портрет среднего замполита.

В ПЕРВЫЙ год офицерской службы ему 21—22 года, он коммунист, лейтенант. В жизни ничего не видел. За плечами десять классов школы и четыре курса высшего военно-политического училища. Как правило, холост. Навыков воспитательной работы не имеет. Методикой профилактики неуставных взаимоотношений не владеет. В психологии личности ориентируется слабо. И он уже отвечает за роту. Не только за ее политико-моральное состояние. «Политработник отвечает за все»—это аксиома. Я еще не встречал командиров и начальников, думающих иначе. Это Козьма Прутков полагал, что никто не может объять необъятное. Нашему же Козьме приказывают «Объять!» И он выполняет зачастую то, что предписано и командиру роты: занятия, дежурства, руководство караулами, проверка их... На все установлены нормы, попробуй не соблюди. На воспитательную работу, которую он практически пока не умеет проводить, у него просто не остается времени. А поскольку он человек, и человек молодой, под этим прессингом быстро понимает, что желаемое и действительное не одно и то же. Отсюда и отвращение к работе, черствость к людям. Но если наш новичок, как говорят, не слабого десятка, через два-три года из него выйдет толк. А уж какая за эти годы будет дисциплина в роте (сколько драк, пьянок, унижений, оскорблений и прочего «неуставняка», который он не сумел предотвратить), за это ответят старшие начальники, зачастую находящиеся в сотнях километров от нашего лейтенанта.

Через два года перед нами старший лейтенант, уже в резерве на выдвижение. Его заметили, да и в самом деле, раз уж стал офицером, не сидеть же до седой бороды на роте. Кадры у нас растить умеют.

А рота тем временем получает нового политработника. Возраст 21 — 22 года, коммунист и т. д. (см. выше). И расцветают в ней новые поколения «неуставняка», пока наш замполит учится работать...

Есть ли выход?

Я НЕ ВРАЧ и остерегусь давать рецепты, как лечиться от социальных болезней. Но выход, думаю, все-таки есть. Штатный потолок ротного политработника должен быть не «старший лейтенант» (это звание для мальчишек), а минимум «майор». Чтобы офицер мог работать в роте с людьми подольше, возможно, и всю армейскую жизнь.

Опыт воспитания приходит с возрастом, а раз уж пришел, надо его использовать как следует для труда с людьми, а не только для составления умных циркуляров по политико-воспитательной работе где-то там, «наверху». Кроме того, способность влиять на молодых людей растет с годами. Слово офицера становится авторитетней, перерастает в отеческое. Политработник в 45 лет ой как отличается от 22-летнего. Да и не замполитом роты, видимо, должен именоваться этот майор, а заместителем командира по воспитательной работе (или наставником—для крат-

кости, или просто воспитателем. Тут дело вкуса кадровиков и тех, кто пишет уставы).

В-третьих. В штатах каждой части должен быть юрист. Зачем? Для организации компетентного правового воспитания; профилактики преступлений; контроля за правильностью (на основе закона) выполнения служебно-боевых задач и т. д.

Не парадоксально ли, что командир части на сегодня, с одной стороны, является органом дознания (т. е. ему дано право возбуждать уголовные дела по ряду статей УК, в том числе по неуставным взаимоотношениям), а с другой—он же и лицо... заинтересованное: судят-то его солдата, и, как ни крути, спрос за провинившегося с командира части учиняется тоже на «полную катушку». И при всей нашей названной вере в честность и принципиальность командира вечное положение «стрелочника» толкает его на укрывательство (замазывание, очковитительство и т. д.) преступлений от учета. Среди же военных юристов, с которыми я общался по службе, даже в застойные годы не встретил ни одного беспринципного или очковитителя. Но их просто мало: на гарнизон с десятками частей, военных училищ всего 5—6 человек. Тут не до профилактики.

Юрист, повторяю, должен быть в полку. А пока в частях правовой практикой занимаются офицер политотдела и военные дознаватели. Это дилетантизм. А юриспруденция, как и медицина, не терпит дилетантов, объект ее воздействия—человеческая судьба, а то и жизнь.

И наконец, четвертый вопрос—об уставах.

ОБЩЕВОИНСКИЕ уставы, в том числе и Дисциплинарный устав ВС СССР, принятые в 1975 году, полтора десятка лет регламентировали нашу жизнь. Сегодня они переделаны, обсуждены и вот-вот будут введены в действие. К сожалению, я не встречал в печати, чтобы их положения оспаривал кто-нибудь из родителей солдат. А жаль! Ведь уставы ВС так или иначе касаются всех советских людей, мужской их части—в особенности. Хотелось бы знать мнение психологов, медиков, юристов, философов... Да-да, и философов тоже—ведь в уставах и этика, и нравственность, и мораль.

Меня лично, например, не устраивает положение с арестами военнослужащих. На солдат, матросов, сержантов и старшин может накладываться арест до 10 суток с содержанием в гауптвахте, т. е. в тюрьме, без суда и следствия. Но кто даст гарантии, что командиры (кому дано такое право) используют его правомерно и лишь к тем, к кому приняты уже все другие меры дисциплинарного воздействия? Никто! Я был очевидцем, когда человека арестовывали за незастегнутый крючок, за пушок на не тронутом бритвой подбородке, за попытку объяснить (пререкание!), за ухмылку, за «не так стоишь», за что угодно. Притом наказывали солдат, сержантов, до этого не имевших никаких взысканий, даже комсомольских активистов. Да что там: один мой сослуживец умудрялся за неде-

лю наобъявлять 30—40 суток ареста своим подчиненным. А ведь если глубоко вникнуть в проблему, то за два десятилетия службы могу по пальцам пересчитать случаи, когда солдата действительно надо было препроводить в камеру (пьян и буянит; пытается дезертировать и т. п.). Но! Среди офицеров, особенно не расположенных к индивидуальной работе или вообще к воспитанию людей, бытует вера в магическую силу ареста. Эти любят долго и со вкусом порассуждать о том, какая бы была «железная» дисциплина, разреши арестовывать солдат суток на 50 кряду, притом держа только на хлебе и воде. Пусть таких немного, но они есть—склонные к садизму (армия-то часть народа!). Эти особенно опасны, ведь уставы им дают неограниченные права для удовлетворения своей патологической потребности жестоко наказывать подчиненных. Один случай на моей памяти закончился гибелью четырех восемнадцатилетних юношей на исходе первого месяца службы... Виновному лейтенанту дали тогда 6 лет по ст. 260 УК (злоупотребление служебным положением). Но через два года он уже был на свободе.

Лично меня не устраивает положение с арестами военнослужащих. На солдат, сержантов и старшин может накладываться арест до 10 суток с содержанием на гауптвахте, то есть в тюрьме, без суда и следствия.

Горько мне, политработнику, читать приказания отслуживших солдат о наведении «шмона и марафета» перед высокой инспекторской комиссией: «все выдраить, вычистить, листья на деревьях и траву покрасить зеленой краской, солдатам выдать новое х/б, выстроятся на плацу, тянуться в струнку и «жрать» глазами начальство, «замазать» глаза инспектирующим, а свои болячки подождут».

Сейчас много разговоров идет о реформе Вооруженных Сил да и наших войск. Я на стороне тех, кто ищет выход в создании высокопрофессиональной армии. Потому что нынешняя—приемный бункер гигантской машины, в который сыплются и сыплются миллионы мальчишек (наших сыновей). В нем души их подвергаются жесткой штамповке в опробованных десятилетиями матрицах. А поскольку все мужское население проходит через это, можно ли надеяться на скорый демонтаж командно-административной системы?

Майор Ж. ИЛЪЗОВ,
заместитель начальника политотдела части.

Приволжское управление внутренних войск.

ЛЕЙТЕНАНТ ОБЪЯВИЛ ГОЛОДОВКУ

«Сообщаю по инстанции, что... в течение уже двух лет прохожу службу в части и на протяжении этого срока не был обеспечен абсолютно никаким жильем. Неоднократно поднимал вопрос по этому поводу, но никто его решать не хотел. На основании вышеизложенного хочу заявить следующее: если в течение 10 дней после подачи моего рапорта вопрос о проживании моей семьи в нормальных человеческих условиях не будет решен положительно, то я официально объявляю голодовку, о чем поставлю в известность органы печати и горисполком».

В ОТ ТАКОЙ рапорт написал и подал по команде 3 апреля 1990 года командир взвода лейтенант Вартик Артур Саввович. Его поддержали еще трое молодых офицеров. Документу дали официальный ход. Вскоре с «возмутителями спокойствия» встретились командир части полковник Л. Глотов и его заместители. Лейтенантам разъяснили: с жильем в части крайне трудно, многие офицеры, прапорщики с семьями годами скитаются по чужим углам или ютятся в тесноте, своих общежитий тоже нет, так что придется решать проблемы пока самостоятельно, то есть надо постараться снять внаем жилье у частных лиц.

Бедолаг такой «задушевный» разговор не устроил, они считали, что начальники обязаны проявлять о них заботу. На том и стояли. В конце концов троице — холостякам предложили временное жилье в доме с печным отоплением. А лейтенанту Вартику с супругой выделили квартиру. Однокомнатную, изолированную, 17,5 м², со всеми удобствами.

Возможно, на том эта, прямо скажем, необычная для людей военных акция и завершилась бы, если бы...

На одном из совещаний, на котором в части подводились итоги служебно-боевой деятельности за очередной период, разразился настоящий скандал. Общественность возмутило, на каком основании лейтенанту Вартику после его демарша в обход очереди выделили квартиру? Что же теперь, спрашивали многие, всем, кто нуждается в крыше над головой и не хочет, как другие, ждать, надо голодовки и ультиматумы объявлять и таким образом решать свои жилищные проблемы? Присутствовавший на мероприятии начальник политотдела соединения пообещал детально разобраться в ситуации. И не только вник в суть конфликта, но и настоял на

том, чтобы необоснованное решение было отменено. Уже выписанный Вартику ордер признали недействительным, а квартиру на законных основаниях выделили очереднику.

Короче говоря, справедливость восторжествовала. Однако такой порядок вещей явно не устраивал лейтенанта Вартика. Он начал открыто выражать свое недовольство. Всем, не взирая на чины и ранги. Причем, судя по оценкам его начальников, не всегда в приемлемой для человека в погонах форме. Все — без толку. Ему всякий раз объясняли: надо подождать, когда подойдет очередь. Тем более, что значился он в ней к тому времени седьмым.

Но Артур Саввович не собирался ждать. Он написал очередной ультимативный рапорт, в котором предупредил: если до 15 июня не обеспечите жильем, объявляю голодовку. На этот раз помимо угроз предпринял и кое-какие практические шаги. А именно — побывал в горисполкоме, поставил местные власти в известность о предполагаемой акции, написал письмо в журнал. Оно, кстати, заканчивалось тревожными словами, способными кого хочешь перелопотить: «Иду на этот шаг из отчаяния, а отчаянный человек — страшный человек».

Б ЕСЕДА с Артуром Саввовичем явно не клеилась. Когда он подробно излагал суть беспокоящей его проблемы и его внимательно слушали, все шло нормально. Но как только стали уточнять, что и как, начал проявлять нервозность, несдержанность, а то и некорректность.

Так, было очень неловко, прежде всего за самого лейтенанта, когда он офицеру политотдела Приволжского управления

внутренних войск подполковнику А. Ханмиряну, ничуть не смущаясь, с вызовом заявил буквально следующее: «Вам моих проблем не понять...» Надо полагать, в том смысле, что сытый голодного не разумеет... Не посчитал нужным Вартик извиниться за бестактность даже после того, как Ашот Андреевич, человек деликатный, постаравшийся выпад молодого коллеги свести к шутке, сообщил, что за годы службы поменял в общей сложности 13 мест, в том числе немало—«в лесу», как это принято у нас называть, и всякий раз подолгу ждал жилье. Однажды, уже имея приличный стаж службы, четыре года его семья оставалась без собственного угла...

Неоднократно своим поведением ставил в тупик Вартик и автора этих строк. Он, в частности, раздраженно реагировал на вопросы, собственные же ответы на которые в конечном счете развенчивали его образ великомученика. Был даже момент, когда он объявил, мол, ему вообще не хотелось бы продолжать разговор на затронутую тему.

В служебной карточке лейтенанта Артура Вартика значатся одно поощрение и четыре неснятых дисциплинарных взыскания, в том числе строгий выговор за физическое оскорбление подчиненного.

Вот те раз. Сам же, что называется, заварил кашу, накалил до предела страсти вокруг своих и существующих, и мнимых проблем, подключил к решению их редакцию журнала, а когда дело дошло до поиска истины, отказывается вести диалог! И исключительно только потому, что в ходе встречи все очевиднее вырисовывалась противоречивость его позиции!

Уточнять же приходилось буквально каждый пункт высказанных лейтенантом претензий. Например, Вартик жаловался, будто в части никто решением его жилищных вопросов не занимался. Но обратимся к фактам. После того, как Артур прибыл в часть, а случилось это в середине ноября 1988 года, ему действительно пришлось и в классе боевой службы ютиться, и в общежитии гражданской организации под чужой фамилией обретаться—все это было. И к чести Вартика, ему удавалось, и неплохо, устраивать свой быт. Проблема усложнилась, когда Артур в октябре 1989 года женился, и особенно—в начале 1990 года, когда комендант общежития начал выселять всех, кто к предприятию не имел никакого отношения. Подробно перечисляю

этапы жилищной эпопеи молодого офицера и заостряю внимание на времени событий не случайно. Дело в том, что после обращения лейтенанта по жилищному вопросу к командованию части в январе 1990 года, то есть до написания рапорта-ультиматума, Вартикам предлагалась однокомнатная квартира. Правда, малометражная, площадью около одиннадцати квадратных метров. Но отдельная, со всеми удобствами. Возможно, это не лучший вариант даже для семьи из двух человек. Но в той непростой ситуации для только что зародившейся супружеской пары—какой-никакой выход. Тем более, что в квартире до освобождения ее не один год проживал офицер с женой и двумя ребятишками...

Ну, хорошо, отказался человек от варианта—в конце концов это его личное дело и его право. Значит, считал, что есть смысл подождать что-то поприличнее. Но непонятно другое: зачем же тогда звонить во все колокола: обижают бюрократы, не решают проблему офицерской семьи?

Думается, тут немаловажно вот какое обстоятельство: рассмотрением жилищного вопроса Вартика всерьез начали заниматься только после того, как он написал один за другим два рапорта—сначала о переводе его по семейным обстоятельствам в город, где прописана у родителей супруга, и позже—о переводе в органы внутренних дел Кишинева. С ним разбирались, уговаривали его, давали ему обещания, что все уладится. Уж не тогда ли у молодого офицера родилась идея о более жестком ультиматуме? Дескать, под лежащий камень вода не течет, надо действовать и тут любые средства хороши. Как бы там ни было, а прошло совсем немного времени, и появился тот самый рапорт с угрозой объявить голодовку.

Не согласился лейтенант Вартик временно устроиться (без снятия с очереди, к слову) и в комнате с частичными удобствами. Да, из дома, где предлагалось жилье, постепенно выселяются семьи рабочих—из-за близости птицефабрики. Но там до сих пор многолюдно. И, видимо, так будет еще долго. Специально выезжал посмотреть на эти двухэтажки, выделенные местными властями по настоянию командования соединения и части для хотя бы частичного снятия остроты жилищной проблемы у войсковиков. Разговаривал с некоторыми «временщиками», в частности, с лейтенантом Гимраном Назаровым, врачом лазарета. Он вместе с лейтенантом Джейхуном Султановым, тоже врачом, живет в одной из таких комнат. Молодых офицеров не смутила, в отличие от Вартика, неприглядность предложенных «хором». Засучив рукава, они привели в порядок комнату, а заодно и соседнюю, куда Назаров собирался привезти вскоре супругу. В этом же доме живут майор В. Вершинин с семьей, еще ряд офицеров.

Почему бы не перебраться и Вартикам в такой дом: здесь есть газ, вода, подведена канализация. Есть титан для нагрева воды, ванная. Правда, налицо и минус—

печное отопление... И все же это гораздо лучше, чем находиться на нелегальном положении в красном уголке общежития, где проживали тогда Вартики.

Лучше-то, может быть, и лучше, но, видно, не для Артура.

В беседе с инструктором политотдела соединения по работе среди семей военнослужащих В. Потаповой выявился еще один красноречивый факт. Валентина Владимировна, прослышав о серьезных бытовых трудностях у Вартиков, побывала у них и по собственной инициативе предложила посредничество в устройстве, официальном, естественно, в одно из городских общежитий. Но получила отказ, мол, пока проживем на старом месте: и с комендантом как будто общий язык удалось найти, да и жаль оттуда съезжать—только какой-никакой уют навели в комнатке.

«Иду на этот шаг из отчаяния, а отчаянный человек — страшный человек».

(Из письма лейтенанта А. Вартика в редакцию журнала).

Ну, а как же «невыносимые» условия, которые прямо-таки вынуждали объявить голодовку? Как заявление о том, что никому не было дела до невзгод молодой офицерской семьи? Опять нестыковка получается.

Не могу умолчать о хлесткой фразе из письма лейтенанта Вартика в журнал, которая, по всей видимости, должна была тоже сыграть определенную роль в драматизации ситуации: «Стаж мой в роли бомжа такой же, как у среднего осужденного». Не располагаем статистикой о сроках отбывания в исправительно-трудовых учреждениях, что же касается юридической стороны дела, то есть того самого «определенного места жительства», то оно у Вартиков есть: Артур прописан по адресу воинской части, а жена его—в другом городе, у родителей (дом родителей предназначен на слом, и есть надежда получить на дочь положенные квадратные метры).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ командира части по тылу подполковник М. Овсянников, человек открытый, эмоциональный, когда речь зашла о делах квартирных, сразу как-то замкнулся, односложно отвечал на вопросы.

Очередь? На самом видном месте в штабе вывешены списки очередников—там полная картина. Почему так трудно с жильем? На периферии еще как-то сводим концы с концами, а здесь, в областном

центре, проблема стоит очень остро. В чем дело? Одна из главных причин—горисполком войсковикам должен за 1989 год около 100 квадратов и в 1990 году из 550 квадратных метров пока не выделил ни метра... Воюем, конечно, но, что называется, с переменным успехом в пользу горисполкома... Вартик. Опять Вартик. Кто только с ним не беседовал, не разбирался? Не желает он слышать никакие доводы. Требуется: выньте ему и положите квартиру! Допек так, что и командование дрогнуло, и члены жилищной комиссии—потом самим же пришлось исправлять ошибку... Рады бы, да нет пока такой возможности—всех нуждающихся сразу хорошими квартирами обеспечить. Общежития? Раньше договаривались с руководителями предприятий, организаций, выделяли они нам кое-что: там комнатку, здесь пару-тройку мест. Сейчас чаще всего такие варианты не проходят—хозрасчет. Почему не помогли в трудную минуту Вартику? А у кого из бесквартирных бывают «легкие» минуты? Да и занимались им, предлагали, что было,—его не устроило. Ходить же по дворам и подвездам и подыскивать ему частную квартиру—у нас для этого штатных посредников нет и не предвидится.

На прощание Михаил Семенович не удержался—таки и высказал то, что его, по-видимому, очень беспокоило и беспокоит: «Когда мы лейтенантами были, нам нянек не требовалось...»

Невольное откровение тыловика напомнило, как отреагировал Вартик на попытку того же подполковника Ашота Андреевича Ханамиряна поведать, в каких труднейших условиях проходили его лейтенантские годы. Артур Савзович учтиво слушал старшего офицера, а потом, воспользовавшись паузой в его рассказе, спокойно, с чувством уверенности в правоте своей возразил: времена сейчас совсем иные, мы сегодня хотим жить хорошо, а не потом.

КОНЕЧНО, нет ничего плохого в стремлении человека активно защищать свои права, свои кровные интересы и пусть даже с пристрастием заботиться о своей судьбе, об удобствах родных и близких. Но вот возводить это в ранг вселенских проблем, не считаясь с реальностями, пробивать любыми средствами себе «место под солнцем» за счет чьих бы то ни было интересов—это уже, простите за банальность, безнравственно.

И в заключение приведу весьма характерный штрих к вопросу о моральной стороне всей этой истории. Когда старший начальник, искренне желая помочь семье Вартика, предложил ему перевод по службе в другую часть—лесную, где бы его жилищная проблема была решена быстро, Артур Савзович категорически отказался. Не считая нужным скрывать свои взгляды на сей счет, так и заявил: «А ради чего?»

Тут уж, как говорится, ни убавить ни прибавить.

Подполковник В. АФАНАСЬЕВ.
Приволжское управление внутренних войск.

208

НАША АНКЕТА

ОТЗОВИТЕСЬ, ВETERАНЫ

В декабре 1991 года Харьковскому высшему военному училищу тыла МВД СССР исполнится 60 лет. Как ни странно, но это — новость для многих его выпускников. Дело в том, что временем рождения училища считался май 1945 года. И лишь совсем недавно на основании архивных документов установлено, что ХВВУТ ведет свою историю от 2-й школы пограничной охраны и войск ОГПУ. Приказ о ее создании подписан 26 декабря 1931 года.

...Известно: пограничники принимают бой первыми. Среди тех, кто июньским утром 1941 года преградил путь врагу, были и выпускники 2-й школы войск ОГПУ. Не многие из них уцелели в битвах Великой Отечественной, в борьбе с националистическими бандами. Оставшиеся в живых ветераны помогают воспитывать будущих офицеров. Они регулярно приходят к курсантам, рассказывают, как в тридцатые годы создавали 2-ю школу, вспоминают нелегкое время становления училища, эвакуацию, работу в послевоенный период.

«С курсантских лет,—говорил на одной из таких встреч выпускник 1938 года подполковник в отставке С. А. Онищенко,—я запомнил доброжелательность и высокую требовательность опытных командиров В. Н. Комарова, Д. Ф. Соболева, А. А. Панкратова».

В списке училища навечно зачислен Герой Советского Союза И. А. Танкопий. «Нельзя забывать, что наши выпускники берут с нас пример»,—часто говорил он сослуживцам. Его наказ— всегда поступать так, как учили в Харьковской школе войск ОГПУ,—вспомнил в боях И. П. Зарубин. И не подвел наставника — тоже стал Героем Советского Союза.

Звания Героя Советского Союза удостоены 31 выпускник и преподаватель училища.

Сегодня педагогический коллектив училища стремится воспитывать курсантов на традициях, бережно передаваемых от выпуска к выпуску. Инициативная группа, которая готовит празднование шестидесятилетнего юбилея, просит ветеранов поделиться воспоминаниями о годах учебы. Копии документов, экзemplяры газеты политоргана училища, фотографии, письма, сведения о своей нынешней работе и службе направляйте в адрес филиала Центрального музея внутренних войск МВД СССР (310021, г. Харьков-21, пл. Восстания, 3).

П. ЧАПЛЫГИН,
начальник филиала Центрального
музея внутренних войск МВД СССР.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ

Уважаемые читатели!

Приглашаем всех, кто выписывает и читает наш журнал, включиться в активный поиск путей его обновления. Нам, работникам редакции, важно знать, как воспринимаете вы характер перемен, наметившихся в журнале за последнее время, на чем бы вы хотели его видеть в ближайшем будущем?

«С точки зрения читателя» — так мы и назвали анкету и надеемся, ваши ответы помогут журналистам точнее выбрать свой курс на перестройку в войсках, лучше сформировать облик нашего с вами издания в 1991 году.

Возможно, у вас появится желание дополнить анкету. Будем этому только рады.

1. Удовлетворяет ли вас в целом уровень публикаций журнала?

2. Стал ли, на ваш взгляд, журнал интереснее в последнее время? Почему?

3. Обсуждаете ли вы публикации журнала в своем кругу?

4. Как часто позиция редакции расходится с вашим мнением?

5. Какие материалы вы считаете наиболее удачными, назовите лучший из них в номере.

6. Кто из авторов вам нравится больше других?

7. Какие проблемы, на ваш взгляд, журнал освещает слабо? Ваши предложения, пожелания по его содержанию.

8. Соответствует ли внешний вид нашего издания требованиям сегодняшнего дня?

9. Верите ли вы в силу печатного слова? Назовите примеры действенности наших публикаций за последнее время.

Сообщите при желании о себе (должность, звание, возраст, место службы или работы, как давно выписываете журнал и другие данные, какие сочтете нужными).

После заполнения анкеты просим ее вырезать и отослать по адресу: 111250, Москва, Е-250, редакция журнала «На боевом посту».

Благодарим за внимание к нашему изданию. Надеемся, что вы будете постоянным подписчиком журнала.

филиалы поликлиники в Риге и Мирном. Нелегко, но надо—людей жалко, ведь наши приемы воздействия на недуги более гуманны, чем традиционные, крайне болезненные. Даже после успешной операции на позвоночнике человек, увы, остается инвалидом. Если же хирурга заменит мануалист, от большинства операций можно будет отказаться.

— Что для этого нужно, Николай Андреевич!

■ **Н. КАСЬЯН:** Прежде всего добиться прав гражданства для народной медицины, ее нетрадиционных методов лечения. Создать центр народной медицины, а может быть, отделение народной медицины при Академии медицинских наук. Это и мечта моя, и одна из депутатских задач.

— У вас летачи и военные. С чем обычно связаны их заболевания?

■ **Н. КАСЬЯН:** Радикулиты и остеохондрозы. Одни привязаны к рабочему креслу, другие, наоборот, тяжести непомерные таскают, третьи—в полевых условиях легкомысленны. Но в целом жизнь армейская—на благо здоровью, сам служил—знаю, как полезны строевые занятия и тренажи, бег, гимнастика и многое другое, чего по молодости и глупости не любят. Сейчас солдат все больше «пеший по-машинному», а надо бы больше бегать, двигаться. Движение—жизнь... Прошу прощения, вынужден оставить вас—кроме больных меня ждут избиратели...

— Вы продолжаете дело учителя, вам и слово продолжать, Алексей Федорович.

■ **А. ЧИГРИН:** Николай Андреевич уже затронул тему профилактики подобных заболеваний. Все далеко не просто. И начинать надо с организации правильного, рационального питания [журнал публиковал рекомендации на этот счет в № 1—90 «Хочешь жить—умей... питаться». — Прим. авторов]. Дело в том что пищу мы потребляем высококалорийную, энергию тем самым получаем большую, но полностью ее не расходует из-за малоподвижного образа жизни. Отсюда отложения солей, прежде всего на позвоночнике. Дальше остеохондроз. Им болеет 80 процентов взрослых.

— Какие упражнения помогают уменьшить риск заболевания?

■ **А. ЧИГРИН:** Утренняя гимнастика. Но ее мало при сидячей работе, поэтому надо через каждые 50 минут в течение 10 минут хорошо размяться. Правильно поступают те, кто «качает» мышцы, вообще увлекается атлетизмом. Тем самым оформляется мышечный корсет, который крепко держит диски позвоночника, не позволяя выпадать. Очень полезно плавание, в это время ни одна группа мышц не остается без движения. Происходит своего рода их массаж, что благоприятно сказывается на организме в целом. Пожалуй, плавание самое лучшее средство для профилактики остеохондроза.

Надо знать простые заповеди, идущие из глубины веков. Например, не начинайте никакую тяжелую физическую работу, предварительно не разогрев, иными словами, не подготовив мышцы. На это по-

тратите минуты, зато не случится беды на месяцы и годы.

После длительного перехода не ложитесь на землю, особенно на сырую.

Остерегайтесь сквозняков, укрывайте и держите в тепле спину и шею.

Прыгая с машины, с вертолета, помните, что приземляться надо на согнутые в коленях ноги, вначале на носки, затем на всю площадь подошвы и обязательно заваливаться на любой бок или кувыркаться.

Если у вас шейный остеохондроз, периодически производите круговые вращения головой влево-вправо 50 раз.

За рулем автомобиля старайтесь сидеть без напряжения. Важно, чтобы спина имела хорошую опору. Для этого между поясницей и спинкой кресла положите тонкий валик, что позволит сохранить поясничный изгиб. Голову держите прямо. После нескольких часов вождения выйдите из автомашины и сделайте элементарные гимнастические упражнения.

Перед экраном телевизора не сидите и не лежите долго в одной позе. Периодически меняйте ее, вставайте, чтобы поразмяться. Посидели 1—1,5 часа, откиньтесь на спинку стула или кресла, расслабьте мышцы, сделайте несколько глубоких вдохов.

Когда человек долго стоит, позвоночник испытывает значительные нагрузки, особенно поясничный его отдел. Меняйте позу через каждые 10—15 минут, опираясь при этом попеременно то на одну ногу, то на другую, это уменьшит нагрузку на позвоночник. Если есть возможность, ходите на месте, двигайтесь. Время от времени прогибайтесь назад, вытянув руки вверх, сделайте глубокий вдох.

Одна из основных причин обострения остеохондроза и образования грыж межпозвоночного диска, особенно в пояснично-крестцовом отделе,—подъем и перенос тяжестей. Остро, неожиданно возникает боль в пояснице в тех случаях, когда поднимают тяжести резко, рывком, а затем переносят тяжелый предмет в сторону, поворачивая при этом туловище.

Тяжелую ношу не носите в одной руке, особенно на большое расстояние. Чтобы не перегружать позвоночник, разделите груз и несите его в обеих руках. Недопустимо, держа тяжесть, резко сгибаться и разгибаться (наклоняться назад).

Вообще больному остеохондрозом поднимать и переносить тяжести более 15 килограммов нежелательно. Советуем приобрести тележку или сумку на колесиках. Для переноски тяжестей на значительные расстояния очень удобен рюкзак с широкими лямками. Вес полного рюкзака распределяется на весь позвоночник, да и руки остаются свободными. Но если уж приходится поднимать тяжелое, соблюдайте определенные правила. Наденьте, если у вас есть, пояс штангиста или любой широкий пояс. Присядьте на корточки, при этом спина должна быть прямой, голова выпрямлена. Ухватив двумя руками тяжесть, поднимайтесь, не сгибая спину.

**А. ВАСИНА,
В. КУЗЬМЕНКО,
наши спецкоры.**

БЕЗ СВЕРЛЕНИЯ СТЕНКИ

На автомобилях «Жигули», чтобы не сверлить кузов и в то же время получить пятимиллиметровое отверстие в стенке между салоном и моторным отсеком для прокладки провода, можно воспользоваться пластмассовым держателем, в котором закреплена тормозная трубка. Если аккуратно вырезать ее торцовую стенку, между салоном и моторным отсеком образуется нужное отверстие, и без помощи дрели можно протянуть провод стандартного дистанционного отключателя «массы» или другого устройства.

ПРЕГРАДА ОТ ПЫЛИ

Чтобы очистить от абразивных частиц поступающий в цилиндры двигателя в составе рабочей смеси воздух, на автомобиле устанавливается воздушный фильтр. Устранить попадание пыли с воздухом помимо фильтра в горловину карбюратора «Жигулей» можно, если под стандартные металлические шайбы на шпильки крепления фильтра положить еще и резиновые прокладки-шайбы подходящего размера.

Если изготовить кольцо из полоски поролона толщиной 10—12 мм, шириной 80—90 мм и длиной 680—700 мм, слегка пропитать моторным маслом и надеть его поверх нового элемента воздушного фильтра, то очистка улучшится. Через пять-семь тысяч километров кольцо снимается, промывается водой со стиральным порошком и устанавливается вновь. Неплотности в корпусе воздушного фильтра могут быть и в местах стыка корпуса и камеры патрубка вентиляции картера. Этот шов желательно герметизировать эпоксидным клеем.

ПО СИЛАМ ОДНОМУ

Можно ли удалить из тормозной системы воздух одному? Можно. Возьмите резиновую спринцовку, плотно наденьте на ее конец прозрачный хлорвиниловый шланг или два отрезка резиновых со стеклянной трубочкой между ними. Сожмите спринцовку и наденьте свободный конец шланга на штуцер для прокачки. Грушу

подвесьте так, чтобы шланг был в вертикальном положении и виден вам из салона автомобиля. Несколько раз резко нажмите на тормозную педаль, медленно отпуская ее. В системе создается избыточное давление. Затем слегка отверните штуцер. Жидкость с пузырьками воздуха втянется в спринцовку.

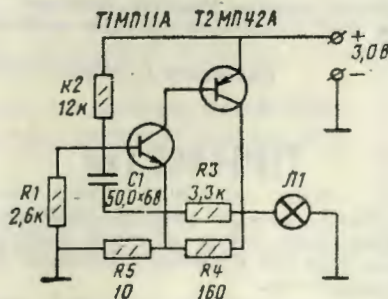
Закройте штуцер и повторите операцию. И так до тех пор, пока в жидкости совсем не будет видно пузырьков. Теперь надежно закройте штуцер, долейте в бачок главного цилиндра тормозную жидкость и переходите к другому колесу.

БЕЗ ОСОБЫХ ЗАТРАТ

На каждом автомобиле и мотоцикле должен быть сигнал аварийной остановки. Если его нет, вы можете изготовить сами фонарь с красным мигающим светом, причем с автономным питанием.

Предлагаем простую конструкцию такого фонаря, изготовление которого не потребует особых затрат. Элементы электронной схемы доступны и недороги. Фонарь можно сделать на ножках и устанавливать на некотором расстоянии от машины. Мигающий свет предупредит водителя о необходимости быть внимательным. Электронная схема проста, экономична и легка в регулировке.

Два элемента типа «Марс» обеспечивают непрерывную работу «мигалки» в течение двенадцати часов. Частота вспышки зависит от емкости конденсатора C_1 . Потребуются миниатюрная лампа накаливания МН 2,5—0,2, два маломощных транзистора T_1 [типа МП-11, МП-35, МП-38 и др.], T_2 [типа МП-42, МП-16, МП-20 и др.] с максимальным током коллектора в импульсе не менее 200 мА. Необходимы также рефлектор, например, от карманного фонаря, и линзовое стекло. Для корпуса «мигалки» следует подобрать подходящий корпус карманного фонаря.





РАССКАЗЫ У КОСТРА

ПОДСТРЕЛИЛ... ПЕНЬ

Как-то в октябре мы с товарищем выбрались-таки на охоту. На свои любимые места — в окрестности деревни с ласковым названием Высокуша, что на Ярославщине. Там немало отменных мест для токовищ.

...Приближался рассвет. Кто-то шуршал в кустах, плюхался в воду. Беспечно кричала на болоте утка. Через некоторое время послышались шум полета, хлопанье крыльев крупных птиц. Приглядевшись внимательнее, увидел впереди белое пятно. Ага, тетерев! Его подхвостье выделяется на черном фоне! Следуя совету, что осенью первую опустившуюся на токовище птицу надо брать незамедлительно, прицелился и выстрелил. Положение тетерева не изменилось, он продолжал слабо трепетать крыльями. Выстрелив вторично, развернулся в другую сторону, откуда доносилось чужьяканье. Увы, после серии длинных перемолчек ток закончился.

Правда, стоило мне подняться, как справа и слева взлетело несколько молодых косачей. Дуплет—и один из них упал в кусты. Забрав сбитого черныша, пошел за первым. К моему удивлению, его не оказалось на месте. Подошел товарищ. Обсудив ситуацию, решили, что это был подранок, который мог отбежать и затаяться. Начали поиск. Долгий и безрезультатный. В очередной раз, осматривая участок, куда стрелял, увидел то, что на первых порах ошеломило, показалось невозможным. Короче, я увидел пень с отслоившейся берестой (словно крылья), пробитой дробью. Это и был мой «предрассветный тетерев».

Полковник Г. БЕЛОБОРОДОВ.

ПРИМЕТЫ

Если дым от костра поднимается вверх, быть завтра хорошей погоде. Ворона каркает к дождю. Багровый закат обещает ветер.

Когда вода мутна, лови рыбу со дна.

Рыба стоит в летнюю жару под кустом, а в осеннюю пору — под опавшим листом.

УТКА ИЗ ИСПАНИИ

В это нелегко поверить, но отстреленная не так давно под Москвой утка-широкоска оказалась гостьей из... Испании. Какими судьбами она попала на плесы Угличского водохранилища, неизвестно. А вот установить, откуда утка прилетела к нам в Советский Союз, удалось. Помогло кольцо, прикрепленное к ее лапке.

Эта метка была направлена начальником охотничьего хозяйства по почте в Центр кольцевания в столицу. Долг всех охотников, добывших окольцованных или меченых птиц и зверей, поступать так же или передавать метки персоналу охотничьих хозяйств. По этим своеобразным паспортам ученые изучают пути миграции животных.

Адрес Центра кольцевания: 109240, Москва, 1-й Котельнический переулок, д. 10. Обязательно указывается точное место добычи трофея.

Полковник в отставке К. ОГЛОБЛИН.



Буду охотником, как папа.

Фотоэтиюд Н. БЕЛОНЕНКО.

В 1991 г. наш читатель найдет на страницах журнала интересные публикации: статьи о деятельности войск в современных условиях, их роли в становлении правового государства, защите прав и достоинства граждан, о социальных проблемах личного состава, о «белых пятнах» нашей истории. Будет продолжено печатание консультаций по самым различным вопросам. Читатель сможет познакомиться с произведениями как советских, так и иностранных писателей, в том числе с ранее не опубликованными в нашей стране.



ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

на журнал

внутренних войск

МВД СССР

«НА БОЕВОМ ПОСТУ»

Пересылку заказов и расчеты с редакцией производить через финансовые органы в порядке подчиненности не позднее ноября с. г.

Заказ составлять на все войска по управлению (соединению, училищу) с приложением списка адресов частей, подразделений и указанием количества экземпляров журнала на год и полгода.

Бюджетную и индивидуальную подписку личного состава оформлять одним заказом на служебный адрес.

Ветераны внутренних войск могут оформить индивидуальную подписку по месту жительства в ближайшей воинской части наших войск.

В адресе для доставки журнала указывать почтовый индекс, номер почтового отделения, район, область, край, республику.

Заказы высылать в редакцию не позднее указанного в настоящем объявлении срока. При невозможности направить заказ в установленное время необходимо предупредить об этом редакцию.

Одновременно с заказом финорганом управления войск (училища), горрайоргана или подразделения внутренних дел перечисляется подписная плата на расчетный счет № 340616 Калининского отделения Промстройбанка г. Москвы.

Подписная цена на 12 месяцев — 8 р. 40 к., на полгода — 4 р. 20 к.

Заместителям командиров частей по политчасти и общественным распространителям печати следует проконтролировать поступление журнала, проверить, все ли подписчики его получили.

Рассылкой журнала редакция не занимается. Эту функцию выполняет издательство газеты «Красная звезда» по доставочным карточкам, которые оформляет редакция.

В случае несвоевременной доставки журнала следует проверить, направлены ли вместе с подписной платой заказы в редакцию, затем обратиться в отделение связи, к начальнику городского (районного) агентства «Союзпечать», в газетный узел.

При необходимости можно навести справки в редакции по адресу: 111250, Москва, Е-250, редакция журнала «На боевом посту» [телефон 361-80-97].

СОДЕРЖАНИЕ

**ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**

■ ХХVIII СЪЕЗД КПСС. СЛОВО — ДЕЛЕГАТАМ
ХОДОВ А. Когда поворачивает караван... . . . 1

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ 5

■ ЖУРНАЛИСТ ИССЛЕДУЕТ ПРОБЛЕМУ

ГЕРАЩЕНКО В. Конвейер без ответственности . . . 19

АФАНАСЬЕВ В. Лейтенант объявил голодовку . . . 86

■ ЕСТЬ МНЕНИЕ

МАЛЫШКИН Ф., УШАР А. Дыра в методике . . . 34

СИРОТКИН В. Служба по найму? За! . . . 38

■ ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

КАРПОВ Б. «Подожди, Андрей, подожди...» . . . 10

АРХАНГЕЛЬСКИЙ А., ВОРОБЬЕВСКИЙ Ю. Академик

ВАСХНИЛ слово держит 16

АНАТОЛЬЕВ Е. Стукач или... 23

ПАНЧЕНКО Т. Неформалы: «дофины», «брейкеры» и

другие 42

ЗАЗУЛИН Н. «Лесные братья». Кто они? . . . 65

ИЛЬЯЗОВ Ж. Что под мундиром «неуставняка» . . . 83

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

СОЛЖЕНИЦЫН А. Архипелаг ГУЛАГ (опыт художест-

венного исследования, глава десятая) . . . 51

ДОЦЕНКО В. Тайга не спит... (повесть, окончание) 68

ГОНЧАРОВ В. Победоносец (поэма, начало) . . . 28

■ ПУТЬ К ЗДОРОВЬЮ

Исцелители (интервью с доктором Н. Касьяном и его

учеником А. Чигриным) 90

Автодайджест 93

Рыболовам и охотникам 94

Так просто в зоне ниче-го не дают, на махинации подвигают. На чем и пого-рел, в принципе... Я чув-ствовал, что меня кончат. Работать честно? Пусть тот, кто после меня при-дет, попробует честно — помыкается...

А. УШАР.
«Подайте рогному...»

...Сейчас Россия занимает в мире совсем особое ме-сто: свалившиеся на нас беды завалили все простые, легко видимые пути и за-ставляют искать единст-венный, нетривиальный и самый нужный (может быть, не только для Рос-сии) путь.

И. ШАФАРЕВИЧ.
«Есть ли будущее у Рос-сии?»

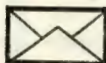
Показалась из-за поворота встречная машина, капита-тан машинально взял руль вправо, и в этот же миг лобовое стекло пронзил яркий сноп — встречный водитель включил дальний свет.

Л. АРЕСТОВА.
«Дополнительное рассле-дование» (повесть).

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.



Адрес редакции: 111250, Москва, Б-250.
Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.



Сдано в набор 5.08.90 г. Подписано к печати 19.09.90 г.
Формат бумаги 70×108^{1/8}. Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.
Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 130 000 экз. Зак. № 2128 Цена 55 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

Кременчугский ордена Ленина
автомобильный завод имени 50-летия
Советской Украины приглашает на работу
воинов, заканчивающих службу во внутренних
войсках.

После службы — на КрАЗ!

Предприятие специализируется по вы-
пуску большегрузных автомобилей, ко-
торые благодаря большой мощности и
грузоподъемности, способности к экс-
плуатации в любых климатических усло-
виях приобретают все большую попу-
лярность. Свыше 50 стран мира экспор-
тируют «КрАЗы».

Заводу требуются: земледельцы, стер-
женщики, формовщики, маляры в ли-
тейном производстве (мужчины), стро-
пальщики, электрогазосварщики, налад-
чики холодно-штамповочного оборудо-
вания, штамповщики, термисты, автомат-
чики, резьбонаводчики, сверловщики,
токари, фрезеровщики, гальваники, ма-
ляры (женщины), слесари-ремонтники,
слесари механосборочных работ, слесари-
инструментальщики, штукатуры.



315331, Кременчуг, Полтавская обл., ул. Киев-
ская, 62. Кременчугский автомобильный завод,
отдел рабочих кадров.

Для повышения квалификации работ-
ников завод создана учебно-матери-
альная база.

На предприятии имеются благоустро-
енные общежития, библиотеки, Дворец
культуры, стадион с крытым манежем.

На реке Псел расположена база от-
дыха «Зеленая дубрава», на Черномор-
ском побережье строится пансионат.

Добро пожаловать!



Tabeni

Москва. Центр международной торговли,
Краснопресненская набережная, 12, комната 1505
Телефоны: 253-24-62
253-24-79
253-24-80
Телефакс: 9375
Телекс: 413524 Тбани SU



Tabeni

ГРУППА КОМПАНИЙ «ТАБАНИ» — прогрессивная организация, имеющая свою основную базу в Карачи, крупные офисы в Москве, Лондоне и Гонконге, а также сеть офисов, рассеянных по всему миру.

Имея развитое производство текстильных изделий и рынки их сбыта в Советском Союзе, Японии, Европе и Северной Америке, «Табани» выросла в крупный многопрофильный конгломерат, занимающийся внешней торговлей проектами псд ключ, морскими перевозками, операциями по недвижимым бартерными сделками.

Группа компаний «Табани» аккредитована Министерством внешней торговли СССР и имеет право торговли как зарегистрированная торговая фирма в Москве. В течение последних двух десятилетий ею установлены тесные деловые контакты с целым рядом советских торговых организации в различных союзных республиках по торговле товарами ширпотреба и промышленными товарами в широком ассортименте.

ОТДЕЛ ЭЛЕКТРОНИКИ: основная деятельность — участие в совместных предприятиях по сборке и производству высокотехнологичного оборудования. «Табани», используя свои широкие международные контакты, помогает покупателям и продавцам такого оборудования приобрести и продать продукцию высокого качества по реальным ценам, приемлемым для обеих сторон.

ТОВАРЫ, ПРОИЗВОДИМЫЕ ФИРМОЙ: широкий ассортимент текстильных товаров и модной одежды, велюровые полотенца, домашняя одежда, вязаные изделия и постельные принадлежности.

Группа компаний «Табани» всегда действует по принципу единства, честности в деловых контактах, полной самоотдачи.